

Елена Гусарева

ЗАМЕТЬ МЕНЯ В ТОЛПЕ

Надя становится свидетелем похищения национального достояния Чехии - знаменитого Вышеградского кодекса. А вор, ни кто иной, как старый знакомый... Продолжение романа "Ищи меня в отражениях"

Отец торопливо шагнул впереди и катил чемодан. Мама семенила рядом, придерживая за локоть.

— Стас, какой у нее терминал? «А» или «Б»?

— «А», — буркнул отец, не оборачиваясь.

— Надя, ты ничего не забыла? У тебя телефон заряжен?

— Угу, — отозвалась я.

— Пришли СМС как долетишь. Я позвоню тебе через два часа.

— Если ты все равно позвонишь, зачем писать?

— Не спорь с матерью.

Любимая фраза...

Мы подошли к терминалу. Дальше идти одной. Сердце запрыгало в груди, руки похолодели и стали влажными.

Неужели отпустят?

— Давайте подождем в сторонке. Времени еще предостаточно, — в голосе мамы послышалось волнение.

Только не это...

— Мам, мне пора, — попыталась возразить я.

— Посидим на дорожку. Вот сюда, — она схватила меня за руку и потащила к креслам.

Отец уныло покатил чемодан за нами.

Неужели она передумала? Документы и посадочный талон у нее...

— Мне еще паспортный контроль проходить и досмотр. Там очередь...

— Успеешь, — отрезала она.

Мать усадила меня в кресло, сама опустилась на соседнее. Мы молчали.

— Надя, ты опять кричала ночью.

— Мам, ну зачем об этом сейчас? — я попыталась встать, но она удержала.

— Сколько это будет продолжаться? Я волнуюсь.

Я знала этот тон. Сейчас она начнет нервничать, потом злиться, а потом возьмет такси, и мы поедем домой.

Объявили начало посадки на Пражский рейс. Я вскочила и схватилась за ручку чемодана.

— Мне нужен мой билет и паспорт, — я протянула руку. Пальцы предательски задрожали.

— Ну разве можно ее отпускать в таком состоянии? — как всегда, мать искала поддержки у отца, но на этот раз проиграла.

— Анастасия, отдай документы и пойдём. Уже все решено.

— Стас, ты разве не видишь, что эта летняя школа — просто предлог. Она хочет...

Отец схватил ее сумочку, вытащил бумаги и протянул мне.

— Счастливого, дочка, — он обнял меня и поцеловал в щеку. — Не делай глупостей, ты обещала.

Так и не попрощавшись как следует с родителями, я побежала к турникетам на терминал.

.....

Мы приземлились в Праге. Вой турбин затих, и из динамиков над головой заиграла музыка. Легкие переливы, словно журчание апрельского ручейка в ледяном русле. Жаль, что нет рядом Софи, она бы наверняка знала, кто сочинил это чудо. Скорее всего, какой-то неизвестный мне классик.

Стюардесса, растягивая гласные, приветствовала на «чешской земле» и попросила не вставать до полной остановки самолета.

Неужели эта поездка состоялась? Невероятно, что родители отпустили меня одну так далеко и так надолго. Казалось, я сойду с трапа и опять увижу их осточертевшие лица. После трех лет ежедневного, ежечасного, ежеминутного контроля... Они в буквальном смысле не спускали с меня глаз. И вот я одна в Праге! Мои надзиратели приедут через несколько дней. Но до тех пор я абсолютно свободна!

Времена, когда я мечтала провести с родителями хотя бы один выходной, давно прошли. Помню, лет в пять, еще до школы, я упрашивала их отвести меня в парк на карусели. «У меня дома аттракцион» — отвечала мама, бросая недовольные взгляды на папу. А тот хмурился, но продолжал писать свои загадочные закорючки и формулы. Часто потом эти бумаги с непонятными вычислениями летели в корзину для мусора. Иногда я забиралась к папе под стол, пока он работал, выуживала из корзины бумажку и начинала рисовать поверх писанины. Однажды папа в порыве выкинул какие-то гениальные расчеты, и мне здорово досталось за своих медуз и цветных рыбок.

И все равно нравилось сидеть у папы под столом. Иногда он бросал на меня ласковый взгляд, а потом опять продолжал работать.

В детстве у меня всегда было достаточно времени побыть наедине с собой. Родители отдавали себя работе, решению бытовых проблемам, обсуждению тревожных новостей по телевизору, выяснению отношений — чему угодно, только не своему ребенку. Неважные оценки в школе их особо не волновали. Только когда я получала очередную двойку по математике, мама начинала приставать к отцу, чтобы он позанимался со мной. Тот отмалчивался или говорил, что ему некогда, что у него на работе аврал и нужно подготовить результаты к институтской конференции, или проверить курсовые работы студентов, или что-то еще. Отговорки находились всегда. Маму это бесило. Она начинала кричать, что толку от его научной деятельности с гулькин нос, денег она не приносит, а «ребенок выдающегося физика ходит в обносках и получает двойки по математике, потому что отец у нее ни на что не годный». Отец на такие заявления пыхтел и хмурился. Крыть ему было нечем. В конце концов он убегал из квартиры, громко хлопнув дверью, но не забыв прихватить пару тетрадей и ручку. Маму это особенно огорчало. Она плакала, а я уходила в свою комнату. Приближаться к ней в такие моменты было себе дороже. Радовало только, что о моей двойке уже никто не вспоминал.

Надо было ценить то время.

Мой побег в зазеркалье перевернул все с ног на голову. Нам пришлось изменить образ жизни, имена, страну... Мой «никчемный» отец вряд ли сумел бы повернуть такое. На счастье, дядя Сережа («настоящий мужик» дядя Сережа), который всегда с обожанием смотрела на маму, помог бесследно исчезнуть, оставив позади прошлое с его неразрешимыми проблемами.

Мы сбежали в западную Европу и поселились в маленьком Бельгийском городке Льеже. Отца пригласили профессором в местный университет. Зарабатывал он теперь не в пример больше, поэтому мама не работала вовсе, проводя со мной двадцать четыре часа в сутки.

Друзей у меня не было так же, как и возможности ими обзавестись. В школе я училась заочно. Вечерние занятия французского для эмигрантов мы посещали всей семьей. Вместе гуляли в парке, ходили в кино и на выставки. Вскоре отец приобрёл старенький Форд, и наша троица исколесила все близлежащие страны, останавливаясь в кемпингах или дешёвых отелях.

В общем, родители из кожи вон лезли, чтобы отвлечь меня и втянуть в новую благополучную, стерильную и абсолютно искусственную жизнь. Было очевидно, что и родителям обрыдло такое существование. Отец окончательно ушел в метафизический мир формул и вычислений. Там ему было понятней и проще. А мама оказалась совершенно одинокой. Ее связь с многочисленными подругами быстро прервалась. Французский ей не давался. А из меня собеседник был тот еще. Наш дом превратился в тюрьму для нас обеих.

Нетрудно догадаться, чего боялись родители, и именно это раздражало больше всего. Ведь в нашем доме даже ложки не блестели, а слово «зеркало» и вовсе считалось табу.

В прошлом году ситуация обострилась до предела. Настал момент, когда я поняла, что больше не могу жить с чувством вины за безоблачную жизнь в искусственном и комфортном мире. Как ни старалась, не получалось найти себе оправдание и дальше мириться с тем, что оставила его там одного, не смогла вернуться, как обещала.

В тот день я тайком наточила лезвие маленького кухонного ножа до остроты скальпеля и сообщила родителям, что собираюсь расслабиться в ванной... Они увлеченно смотрели какой-то новый фильм. Действовать пришлось быстро. Я привязала ручку двери к трубе раковины шнуром от стиральной машины. Закатала рукав пижамы. Однако дальше все оказалось непросто. Решимость испарилась, как только я взяла нож. Руки дрожали. На лбу выступил холодный пот. Как и в тот роковой момент я поняла, что не хочу этого... Не хочу расстаться с жизнью. Но отступить было поздно.

Трагический суицид не удался, оставив красочный шрам и потрясенных предков. Меня скрутили и увезли в скорую. Руку зашили. Врач настоятельно рекомендовал обратиться к психологу. Родители кивали, но я знала, никакого психолога ко мне не подпустят. Ночью мама дежурила у моей постели. Утром отец забрал нас домой.

Дома родители, сообщили, что дальше так продолжаться не может.

Еще бы!

Они соглашались дать мне больше свободы и самостоятельности, если только я поклянусь не приближаться к зеркалам. Мама, как всегда, пустила слезу и пригрозила, что сама покончит с собой, если я еще раз уйду в отражение. Я дала обещание.

Мои надзиратели спросили, что они могут для меня сделать. Я сказала первое, что пришло тогда в голову: хочу посещать художественную студию.

В студию при королевской академии искусств я записалась на следующий же день. Два семестра проходила на занятия. Первые полгода кто-то из родителей неотлучно ждал меня в коридоре академии.

Однорупники смотрели косо. Знакомиться со странной новенькой, которая не понимает местных шуточек и мутно изъясняется на французском, никто не спешил. Да еще и постоянное присутствие родителей...

Потом, когда я познакомилась с Софй, она спросила напрямую, нет ли у меня проблем с наркотиками? А то в группе считают...

Не скрывая любопытства, она поглядывала на мой живописный шрам. Надо признать, я везде выставляла его напоказ, чтобы позлить своих церберов. Я сказала, что никогда не

баловалась такими вещами. Она хитро хмыкнула. Кажется, именно моя скандальная репутация притянула Софи. Эту девчонку вообще привлекало все запретное и неправильное. У меня появился друг, пусть лишь на время занятий в студии.

Когда родители узнали, что одноклассники считают меня наркоманкой, постепенно упростили свой гестаповский режим. Мне вручили новенькую Моторолу, обязав отвечать на звонки и строчить сообщения каждые пятнадцать минут. Так начался мой путь к свободе.

Маме казалось, я, наконец, перестала вспоминать о прошлом и начала планировать свое будущее. Наверное, так оно и было. Однажды я заикнулась о желании стать иллюстратором или мультипликатором. Что тут началось! Художество — это не профессия. Архитектура — твое будущее.

Про себя я тогда решила больше никогда не поднимать этой темы. Однако, сама же припомнила ее слова, когда увидела на доске объявлений академии красочный плакат: «Международная летняя школа молодых архитекторов в Праге, 2000.» Это был первый проблеск надежды.

Я поняла, что поездка в Прагу — мой единственный шанс обрести полную свободу и сделать то, о чем я мечтала каждый день последние три года.

Оказалось, курс доступен всем желающим. Условия проживания спартанские, но меня это не волновало.

Родители сразу восприняли в штыки мое стремление отправиться в восточную Европу. Тогда я выложила главный аргумент: в следующем году мне исполнится восемнадцать. Как только стану совершеннолетней, никто и ничто не удержит меня в родительском доме, если только сердобольные предки не прикуют цепью в подвале. Я заявила, что родителям стоит поостеречься наседать на меня, иначе очень скоро мы расстанемся навсегда. Мама заплакала. У отца задрожали губы. Но я больше не могла позволять собой манипулировать. Я перестала быть послушным, тихим ребенком и безоговорочно потребовала назад свою жизнь.

И вот я здесь, в Праге. Колесики чемодана тихо шуршат по ребристому покрытию трапа. Новая жизнь встречает в аэропорту.

Софи прилетела в Прагу тремя днями ранее, чтобы погулять и развлечься до того, как начнется летняя школа.

Пробыв в Праге всего ничего, Софи уже успела нахваталась местных повадок. Она быстро чмокнула меня в щеку, схватила сумку и, игнорируя таксистов, повела на автобусную остановку. Когда я заикнулась, что хорошо бы обменять деньги, она посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

— Нади, ну кто же меняет деньги в аэропорту? — заявила она. — Тут грабительский тариф. Я покажу тебе отличный обменник в городе.

— Ça va, — я поджала губы и поспешила за ней.

На остановке Софи притормозила возле желтого автомата, кинула в щель пару монеток и ткнула в одну из десятка кнопок. Автомат затрещал и выплюнул листочек с бледно-оранжевой полосой, на которой значилось «PRAŽSKÁ INTEGROVANÁ DOPRAVA». Софи протянула мне билет со словами:

— Вот. Рекомендую сегодня же приобрести проездной на месяц.

— Merci. Я понимаю практически все, что тут написано. Похоже на русский.

— Sérieusement? — Софи поморщилась.

Неужели ей обидно признать, что за каких-то три дня она все еще не научилась бегло говорить по-чешски?

— Для меня это тарабарщина! Даром, что буквы латинские.

— Вот тут написано, что билет действителен в течении 60 минут.

— Да что ты! А я и не догадалась, что «60 min» означает 60 минут! — ноздри Софи вздулись и на щеках еще сильнее обозначились веснушки. У нее все было через край.

— Не сердись! — Я подошла и заправила ей за ухо выбившийся рыжий локон. Она слабо попыталась отдернуть мою руку.

Софи была милой до приторности, особенно когда сердилась. Ее внешность фарфоровой куклы с пухлыми губками и розовыми веснушчатými щеками имела самый легкомысленный вид. Глаза Софи были особенно прекрасны, светло зеленые с коричневым колечком у края радужки. Софи отлично знала, какое производит впечатление, и это бесило ее еще больше. Она часто жаловалась, что люди не воспринимают ее всерьез и не слушают, о чем она говорит.

— Bon!, — буркнула Софи.

Подъехал автобус.

Ну надо же, номер «119»! В Зауральске именно этот рейс ходил до аэропорта.

Мы подхватили чемодан и вошли в переднюю дверь.

За окном пряничными домиками мелькали окраины Праги. Этот город был гораздо солнечнее и живее, чем Валлония с ее мрачными постройками из вечно мокрого кирпича цвета кровяной колбасы. Вот где легко представить угрюмого Голема, блуждающего в темных переулках еврейского гетто.

Мы вышли на конечной и спустились в метро — уютное и чистое, как и все в этом городе. Новые вагончики с красными в желтую полосу сидениями и мягкий обволакивающий голос, объявляющий остановки.

«Позор процестуйцы»... Смешные эти чехи. Жаль, что Софи не поймет, посмеялись бы

вместе.

Несколько остановок с забавными именами: «Градчанска», «Малостранска», «Мустек». Пересадка на красную линию, еще несколько станций, и мы на месте.

Кругом все те же разноцветные пряничные домики с живыми изгородями, садиками и подъездными дорожками из гальки.

Умиляюсь, как дурочка, ей богу! Наверно, это все воздух свободы.

— Вон та уродливая высотка — наше общежитие, — махнула рукой Софи.

Над стеклянным входом гордо значилось «Hotel Mazanka».

— Хотел — это они сгоряча, — предупредила подруга.

На рецепции нас встретил полный седой мужчина. На английском с сильным славянским акцентом он представился, как пан Жижка. Строго посмотрев на нас, он сделал копию моего паспорта, записал что-то в большую книгу постояльцев и выдал ключ от комнаты.

Скрипучий лифт доставил на седьмой этаж. Колесики чемодана мягко зашуршали по ковровому покрытию в длинном коридоре.

— А вот и наша комната, — Софи воткнула ключ в замочную скважину. — Обстановка, конечно, не шик.

Мы вошли в тесную прихожую. Софи бросила ключи на низкий шкаф для обуви. Я огляделась и обмерла. Прямо напротив висело узкое зеркало в человеческий рост.

Я медленно подошла к нему и дотронулась до рамы. Мурашки побежали по телу. Меня так тщательно ограждали от зеркал, что я не была уверена, знаю ли, как выгляжу теперь. Память листала картинки: мамино заплаканное лицо. Слезы стекают с ее подбородка, и я чувствую влагу на груди. Мама целует меня в щеки, в лоб, в руки, целует и рыдает... А я чувствую, как воздух ошпаривает легкие и нет сил поднять руки и обнять маму.

— Что, давно не виделись? — ухмыльнулась Софи, схватила мой чемодан и утянула в комнату.

— Ты даже не представляешь, как... — сказала я по-русски.

Конечно, совершенно оградить меня от зеркал было невозможно. Они повсюду. Я урывками замечала себя в витринах магазинов, в зеркальной панели с кнопками в лифте, в прямоугольной полоске зеркала дальнего вида в такси. Однако, с тех пор, как я вернулась из зазеркалья, обстоятельно изучить свое отражение в полный рост возможности так и не представилось. Теперь было немного странно видеть себя повзрослевшую, вытянувшуюся чуть ли не на целую голову, но все такую же плоскую, как и три года назад. И глаза все те же, как у чокнутого филина.

— Ты что-то сказала? — Софи выглянула и тут же скрылась за дверью нашей комнаты.

— Non, rien.

Я оторвалась от зеркала и вошла в комнату.

Она оказалась достаточно просторной. Две кровати с затертыми спинками, простой письменный стол, книжная полка, пара стульев и потрепанное кресло.

— Я оставила тебе место, — Софи раздвинула стенки шкафа.

— Спасибо. Ты просто милашка.

Софи фыркнула.

— У нас есть свой душ. А кухня общая, одна на этаж. Но я планирую каждый день обедать в новом месте. Обещала отцу привезти несколько рецептов чешской кухни для ресторана. Как насчет прогуляться по Староместской площади, а потом в кафе и побаловать

себя пирожным с кофе? А вечером можно в кино.

Когда в последний раз я была в кино с подружкой? Такое вообще когда-нибудь было?

— Звучит, как план. Только я не пойду на один из твоих ужастиков, которые ты вечно пересказываешь.

— Да ладно! — недовольно протянула Софи. — Ну, что за облом! Я еще не смотрела «Пункт назначения».

— Софи, я терпеть не могу ужасы.

С меня и ночных кошмаров достаточно.

— Мм... ну, ты подумай до вечера, о'кей?

.....

Я вышла из ванной и остановилась напротив зеркала с расчёской в руках. От зеркала потянуло теплом, поверхность завибрировала, заблестела. Целый день гуляя по Праге с Софи, я думала лишь о том, как останусь с ним наедине. Но сейчас слишком рано.

Я развернула чалму из полотенца. Волосы жидкими сосульками рассыпались по плечам. Я принялась их расчесывать.

Через приоткрытую дверь комнаты я наблюдала за Софи. Она растянулась на кровати с книгой в руках, на голове красовались огромные розовые наушники. Запрокинув ногу на ногу, подружка покачивала носком голый ступни в такт музыке, которая пробивалась через наушники даже сюда, в коридор. Лицо у Софи было сосредоточенным и немного комичным.

Не понимаю, как можно одновременно читать и фоном слушать музыку?

Музыка всегда вызывала слишком много эмоций. Каждая композиция, как маленькое потрясение, локальный взрыв или шторм — я никогда не могла оставаться равнодушной. Даже самая незатейливая мелодия способна поглощать все мое внимание. Единственное, что я могла совмещать с музыкой — рисование. Но и здесь звуки безраздельно руководили мной, настраивая на свой лад.

Софи слушала музыку постоянно. Половину большого чемодана, с которым она приехала в Прагу, занимали диски. Там, если покопаться, можно найти все — от гламурной попсы до классики и даже народного фольклора. Пару дней назад она засыпала меня восторженными смсками по поводу “потрясного” концерта в каком-то “знаменитом” джазовом клубе, где выступал даже сам Билл Клинтон. Ну, что я могла ей ответить? Конечно: “OMG! OMG! Пищу и трепещу!”.

Зато Софи прониклась неподдельным уважением, когда я достала из чемодана старый плакат с клоуном и надписью готическим шрифтом — «Lacrimosa».

— Не знала, что ты такое любишь.

— Иногда.

Я все еще расчесывала волосы, пытаюсь придать им сколько-нибудь приличный вид, когда незаметно подкралась Софи. Розовые динамики обнимали ее шею, а провод путался где-то в пижамных штанах. Она застыла на пороге и, серьезно спросила.

— Нади, скажи все-таки, что с тобой не так?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, ты совсем не похожа на наркоманку.

— Это вы придумали. Я никогда подобных заявлений не делала.

— Тогда где ты проштрафилась? — Она села на ботник и подтянула колени к подбородку. — Я до конца не верила, что родители отпустят тебя в Прагу совершенно одну.

— Они обещали приехать через неделю и провести здесь свой двухмесячный отпуск...

— О-ла-ла!.. — Софи поморщилась. — Бедняга! Но все-таки?..

Я отложила расческу. Мне и самой давно хотелось с кем-то поделиться своей историей. Память, словно четки, перебирала каждое незначительное событие тех дней.

Несколько раз я пыталась поговорить с мамой, но та категорически не желала вспоминать его. «Думай о будущем, начни с чистого листа, выкинь его из головы, повзрослей!». Но как забыть о том, что он сделал для меня? И как забыть о том, что я для него не сделала?..

— Да все на самом деле просто и скучно. Если коротко, я встречалась с парнем. Ну, как, с парнем... с мальчиком. Нам было по четырнадцать. Мой одноклассник. Так случилось, что мы впутались в одну криминальную историю. Очень серьезную... Достаточно сказать, что именно из-за этого нашей семье пришлось переехать. Вот и все.

— Криминальную? Вау! А тот мальчик?

— Я ничего о нем не знаю с тех пор.

— Как? Но ты пыталась?..

— Нет!

— Это из-за него? — Софи кивнула на руку.

Я пожала плечами.

— Наверное. А, может, просто хотела лишнего внимания. Ладно, давай спать! — Я подхватила полотенце и пошла в комнату.

Софи молча скользнула следом, улеглась и выключила свет.

Вопросы подруги взбудоражили, подняли со дна души муть, которая и без того не хотела улечься.

«А что тот мальчик?..»

Все попытки узнать о его судьбе после тех роковых событий казались теперь смехотворными, детскими. Стыдная правда заключалась в том, что я сдалась, быстро и просто. Перестала сопротивляться обстоятельствам и тирании родителей. Я плыла по течению своей новой размеренной, безопасной, бестолковой жизни. Но за три года никто и ничто так и не смогли заменить его. Я чувствовала, что должна попытаться еще один последний раз, пока не приехали родители и не сорвали со стены в коридоре зеркало.

От кровати подруги доносилось мерное посапывание. В любом случае, ждать дольше невыносимо. Я тихо поднялась, прошмыгнула в коридор и зажгла верхний свет. Несколько секунд прислушивалась, не спросит ли Софи, зачем я включила свет посреди ночи. Но та, кажется, уже смотрела свой десятый сон.

Я погружалась в отражение лишь однажды, но, казалось, нет ничего более естественного. Стоило подойти вплотную к зеркалу, оно тут же отозвалось, выгнулось навстречу, словно старый друг желал обнять после долгой разлуки. Не было ни страха, ни сомнений, лишь нетерпение вновь увидеть привычное, родное и горячо любимое. Я переступила через раму, отбросив свое тело, как промокший плащ и, не задерживаясь в отражении коридора, устремилась в мой мир. Я вся дрожала от предвкушения вновь увидеть плавающие в бесконечности лестницы и причудливой формы переходы, нарушающие все законы физики и геометрии вращающиеся мосты и тоннели, башни, уходящие далеко за облака с бьющими из окон водопадами, мою площадь с розовым фонтаном и, конечно же, двери. Сотни излучающих нежное свечение дверей. Я ворвалась в зазеркалье и...

Хорошо (перевод с французского).

Пражская интегрированная транспортная система (перевод с чешского).

Спасибо (перевод с французского).

Серьезно? (перевод с французского).

Ладно! (перевод с французского).

Гóлем— персонаж еврейской мифологии.

Имеется в виду «Pozor pro cestující!» - Внимание пассажиры! (перевод с чешского)

Нет, ничего (перевод с французского).

Фильм ужасов 2000 года режиссёра Джеймса Вонга.

Аббревиатура на английском «Oh My God!» - О, боже мой! (перевод с английского)

Швейцарская готик-металлическая группа.

Наша группа абитуриентов-архитекторов высыпала из вагона трамвая на каменную мостовую набережной. Шествие возглавлял совсем молодой преподаватель Матеаш. Гуськом мы пересекли проезжую часть в направлении маленького скверика напротив того самого необычного дома. Софи охарактеризовала его, как “Сто процентов надо посмотреть!” Подруга, в отличии от меня, всерьез была настроена поступать в академию. У нее глаза загорались, когда начинала рассуждать об экоустойчивой архитектуре.

Оказавшись на зеленом пятачке, мы с Софи приземлились на ступеньку постамента какому-то известному только местной публике деятелю и начали доставать из сумок принадлежности для рисования. Матеаш тем временем распинался об истории и архитектурном стиле здания, выдавая давно заученный текст. Он заметно нервничал и поминутно дергал себя за жидкую бороденку.

— Напротив вас располагается так называемый Танцующий Дом — яркий представитель деконструктивизма. Этот стиль являет собой деформацию стандартных строительных конструкций до максимальной необычности. Кривые формы вызывают легкое головокружение, кажутся нескладными и создают иллюзию движения. Однако достаточно лишь приглядеться внимательней...

— Какой он нудный, — шепнула я Софи.

Она возмущенно фыркнула и посмотрела на меня своими ясными кукольными глазами.

— Да ладно! Смотри какой он милый. Так старается! И все еще волнуется, хотя мы уже три дня с утра до вечера вместе по Праге болтаемся. Я бы с ним замутила...

— Тебя послушать, ты бы с каждым вторым замутила.

— Конечно! А ты думаешь, зачем я сюда приехала?

— Мне казалось, ты обожаешь архитектуру.

— Одно другому не мешает.

Матеаш, наконец, иссяк. Теперь он залез на самую верхнюю ступеньку постамента и чуть повизгивающим голосом озвучил наше задание на сегодня:

— Я предлагаю зарисовать общий план здания, а потом сосредоточиться на одной конкретной детали и хорошенько ее проработать.

Мы принялись за дело. Софи старательно вычерчивала «элегантность и красоту кривых линий». Мне хватило десяти минут, чтобы заскучать. Еще и сели мы на самом солнцепеке. Я сделала небрежную зарисовку архитектурного шедевра, наскоро набросала пару кривых окон и сообщила Софи, что хочу сменить ракурс. Спрятавшись в тени памятника, начала рисовать своих одноклассников.

К концу второго часа у меня уже собралась полная коллекция. Два парня из Швеции, Эрик и Ларс, сидели спина к спине, держа на коленях альбомы с жесткой основой. Один левша, другой правша. Очень удобно. Можно время от времени тайком братья за руки, не оборачиваясь и не прекращая рисовать. Такими я их и изобразила. Потом Мария — альбиночка из Германии, болтливые итальянцы — Энзо, Зигги и Марио, ужасно скромная Мина из Марокко, и последняя композиция — Софи, и ее тайный воздыхатель Франсуа из Парижа. Кажется, он втрескался в мою подругу с первого взгляда.

Вчера я намекнула, что кое-кто из нашей группы оказывает ей знаки внимания. Софи метнула заинтересованный взгляд, но тут же отмахнулась. Франсуа попал в

немногочисленную компанию парней не в ее вкусе. Хотя с нее станется и передумать. Ведь у Франсуа было явное преимущество, он говорил по-французски.

Не удивительно, что мой Танцующий Дом оказался хуже всех. Даже итальянцы умудрились детальнее проработать рисунки. Хотя они, кажется, занимались делом не дольше меня.

— Ну что ж, ребята, сейчас у нас будет перерыв, — объявил Матеаш. — Можете пообедать и отдохнуть. Встречаемся в пять у метро Малостранска. Оттуда все вместе идем на Пражский град. Продолжим там.

Мы с Софи собрали вещи и отправились на поиски недорогой господы. Так здесь называли маленькие ресторанчики, в которых обычно обедали местные. Мне понравилось это слово. От господы веяло чем-то старославянским, родным. Там всегда вкусно пахло сосисками, пивом и немного квашеной капустой. А если мимо пробежал официант с тарелкой знаменитой свичковы, я была готова проглотить язык! В господах не было и следа бельгийской чопорности с тонко-нарезанной сырой говядиной под одуванчиками в центре огромных тарелок. Такого аппетита, как в Праге, я не помнила с детства.

.....

Он отдавался игре на виолончели с такой бешеной страстью, какую можно ожидать лишь от совсем молодого парня. Его черные длинные волосы метались в урагане музыки. Веки плотно сомкнуты. Губы шевелились, хватали воздух и беззвучно выкрикивали что-то надрывно яростное. Волос смычка рвался от напряжения, когда музыкант набрасывался на струны, словно желая ужалить инструмент побольнее. Тонкие пальцы летали по грифу дрожа на каждой ноте. Виолончель под его натиском неистово стонала, срывалась на визг, и в следующую секунду звучала еще пронзительнее. Создав своей игрой такое напряжение, что дальше, казалось, невозможно, парень начал выстукивать ритм ногами, заражая толпу зевак следовать его примеру. Музыкант подчинил себе всех случайных свидетелей уличного концерта. Вот и мы с Софи застряли на Карловом Мосту.

Все закончилось так же внезапно, как началось. Парень раскрыл глаза, обвел толпу случайным взглядом и вдруг отбросил инструмент. Смычок выскользнул из его рук и раскололся о камни мостовой. Парень согнулся пополам, будто от резкого спазма, и прижал руки к глазам. Его рот распахнулся, но ни звука не вырвалось оттуда.

— Пойдем! Нам пора. — Софи потянула меня за рукав. — *Voyons!*

— Подожди, с ним что-то не так...

Музыкант медленно убрал ладони от лица. Казалось, он был чем-то потрясен и выглядел настолько безумно, что зрители сразу потеряли интерес. Толпа быстро начала редеть. Кто-то кидал монеты в раскрытый футляр виолончели, но музыкант не обращал на это внимания. Он дрожал и таращился вокруг.

— Надй, концерт закончен. *Allons!*

— Но...

— Ты видишь, он не в себе. И музыка у него странная.

— Музыка замечательная!

— Ну надо же! Она в кои-то веки заценила музыку. — Софи опять потянула меня прочь.

— Нас давно ждут. Скоро пять. Где мы с тобой будем искать группу?

— *Віен*, — сдалась я, позволяя увлечь себя в кривые улочки старой Праги.

Несколько минут мы молча бежали в сторону метро.

— Слушай, я а поняла, чем он так цепляет.

— Кто?

— Ну музыкант этот. Любое искусство привлекает внимание силой и искренностью эмоций. От этого парня просто шквал энергии прет. А музыка его — это имитация секса.

— Софи, тебе не кажется, что ты немного сдвинута на этой почве?

— А что в этом плохого? — невозмутимо отозвалась подруга.

Софи вдруг резко остановилась и выпустила мою руку.

— Eh, merde! — Закричала она. — Мерзавцы!

— Что случилось?

— Порезали! — Она начала шарить в своей огромной сумке. — Eh, voilà! Нет кошелек и Nokia пропала. Совсем новая. Черт! Черт! Черт! — Софи бросила сумку на тротуар, уселась рядом и спрятала голову в коленях.

— Ну перестань, — я присела на корточки рядом. — Может быть, еще проверишь? Твоя сумка, как черная дыра. В ней не первый раз пропадают вещи.

Софи еще раз залезла в сумку и принялась выкладывать на камни мостовой ее содержимое. Выудив фотоаппарат, она многозначительно посмотрела на меня. Нашла косметичку.

— Ну хоть ее не украли, — проворчала Софи, доставая оттуда паспорт и личное удостоверение. — Придется звонить в банк и блокировать карточки!

— Не переживай, у меня достаточно денег. Протянем как-нибудь, пока все не уладится. Тем более, мои скоро приедут.

Подруга посмотрела на меня глазами грустного котенка и хлюпнула носом.

— В кошельке был талон на двадцатипроцентную скидку в Zara. Я как раз присмотрела себе там юбку! Что я теперь скажу родителям? — запричитала Софи, поднимаясь с тротуара и отряхивая джинсы. — Они не поверят, что меня обокрали. Подумают, я напилась до беспамятства и потеряла кошелек и телефон.

— Ну с чего бы им так думать? — Я поправила ей волосы, и мы зашагали к метро.

— Потому, что в прошлый раз именно так я их и потеряла. Меня предупреждали, на мосту надо быть внимательной. Не заглядываться по сторонам. Мне говорили, что здесь полно карманников. И все из-за этого музыканта! А он симпатичный, да?

Я только покачала головой в ответ.

Как я завидовала ее способности легко отпускать неприятные моменты.

— И не просто симпатичный, он прямо жуть какой красивый! Я бы с ним замутила, не будь он психом.

— Почему ты так думаешь?

— А ты видела его глаза?

— Что не так с его глазами?

— Они у него фиолетовые! Или нет! Как называется этот цвет? — Она остановилась и посмотрела на меня. — Такой ядовито синий.

— Ультрамарин?..

— Точняк! Никогда таких не видела.

— Ты уверена, что глаза у этого парня были цвета ультрамарина?

— Э-э?

— Скажи, ты уверена? Ты точно видела?

— Ну, не знаю, — она остановилась. — Наверное, все-таки показалось. Таких глаз не бывает. Может, солнце так упало?

— Мне надо вернуться!

— Что? Куда?

Софи схватила меня за руку.

— Мне нужно вернуться на мост!

— Зачем?

— Я должна еще раз увидеть этого парня.

Вдруг это он!

— Ты сдурела?! Чтобы меня там еще раз ограбили? И потом, мы совсем опоздали, — она вскинула руку, показывая на часы.

— Нет, ты иди, а мне нужно вернуться.

— Eh, merde! Ну как я тебя оставлю? Пошли искать твоего сумасшедшего.

Я помчалась назад. Софи еле поспевала за мной.

На мосту странного музыканта уже не было. Его место занял продавец с лотком бижутерии.

Крепость в Праге, национальный памятник Чехии.

Традиционное блюдо чешской кухни. Говяжья вырезка в сливочном соусе, подается с кнедниками (отварное изделие из теста), брусничным вареньем и взбитыми сливками.

Средневековый мост через Влтаву, соединяющий исторические района Мала Страна и Старое Место

Ну! (перевод с французского)

Пошли! (перевод с французского)

Дерьмо! (перевод с французского)

Ну вот! (перевод с французского)

Сеть магазинов одежды.

В зале библиотеки пахло пылью. Воздух был абсолютно неподвижен, как будто время в этом огромном помещении остановилось так давно, что никто уже и не вспомнит, когда. Потемневшие корешки фолиантов слились в монолит. Книги растворились сами в себе. Старая библиотека напоминала богато украшенный, вызолоченный изнутри склеп, где вечным сном спят книги.

Нашу сбитуую группу провели в глубь помещения, шагов на двадцать-тридцать. Дальше идти не разрешалось. Лучи света из редких окон прорезали мутное пространство. Чудилось, стоит их задеть, сработает сигнализация.

Матеаш торжественно пробормотал задание. Мы расселись на раскладные стулья и принялись рисовать, кто сводчатый потолок, кто старинную лестницу ко второму ярусу стеллажей, кто длинную перспективу полок с деревянными спиральными колоннами.

— Нади, дай мне точилку, я свою потеряла, — попросила Софи.

Вечно она все теряла, а к вещам относилась, «как к вещам». Вчера, выронив мою любимую ручку из окна, она заявила: «А, забей! Это ж не твой друг, а всего лишь ручка.»

А если они и вправду мои друзья?.. Ну как ей объяснишь?

Я нехотя порылась в пенале.

— Держи. Только верни потом, у меня больше нет.

— Зануда.

Софи старательно крутила карандаш в точилке.

— Ты соришь, — зашептала я.

— Да и ладно, — отмахнулась Софи.

— Ты знаешь, сколько этому полу лет?

— Не знаю и знать не хочу!

Она взялась за новый карандаш. Стружка опять полетела на пол.

— А я тебе сейчас скажу.

Я отложила альбом, нашла в сумке рекламную брошюрку.

— Клементинум — комплекс барочных зданий... бла-бла-бла... Где это было? А вот: Библиотека в барочном стиле создана в 1722 году. То есть ты мусоришь на пол, которому почти триста лет! Этот пол даже туристы не топчут.

— Зануда, — повторила Софи, но все-таки начала собирать очистки. — И куда их теперь?

— Давай сюда, я все равно в туалет собиралась.

Софи высыпала мусор мне на ладонь. Я встала и тихонько направилась к выходу.

— Нади, — я оглянулась. — Принеси чего-нибудь попить.

— Здесь пить нельзя!

Вдруг я наткнулась на что-то спиной. Я резко повернулась и увидела огромный глобус. Тот пошатнулся, накренился и начал падать. Я схватилась за раму и попыталась его удержать, но он был слишком тяжелый. На счастье подоспел Зигги. Вдвоем мы кое-как водрузили глобус на место.

— Спасибо, Зигги! — выдохнула я.

У нас обоих дрожали руки.

— А знаешь, сколько ему лет? — послышался издевательский голос Софи. — А я тебе

скажу. Небесный Глобус 1725 года... бла-бла-бла.

— Ты так оригинальна!

— Мусор подбери!

Я только махнула рукой.

Надо же было чуть не раздолбать старинный глобус!

Сердце разогналось так, что в ушах забарабанило. Щеки горели, руки, холодные и липкие, все еще дрожали, а в туалет резко расхотелось.

Из мрака библиотеки я вышла в небольшой светлый холл и только там перевела дух. Здесь, в украшенной фресками комнатке, около часа назад наша группа ждала позволения войти в старинную библиотеку, чтобы порисовать интерьер. Матеаш сто раз повторил, чтобы мы ничего не трогали. А провожатый прочитал целую лекцию о дорогом Вышеградском Кодексе — большой потертой книге, застрахованной аж на целый миллиард крон.

Я подошла к стенду и взглянула на реплику книженции ценой в пару моих почек.

Талмуд уставился на меня разворотом с изображением судного дня.

Ничего так... Картинки веселенькие, хотя готику никогда не любила.

Сейчас в маленькой зале никого не было. В луче света плясали пылинки. Хотелось вдохнуть свежего воздуха. Я направилась к окну в стенной нише, с силой нажала ручку резной проржавевшей щеколды. Та скрипнула, но поддалась.

Наверняка это запрещено. Ведь здесь все древнее и застрахованное. Может даже эта щеколда.

Какой смысл во всех этих вещах и книгах, если нельзя потрогать, разглядеть, прочесть?..

Я чуть приоткрыла окно и вдохнула прохладный уличный воздух.

Внизу, во дворе люди в форменных футболках возили на тележках телевизионное оборудование. Это из-за них все перегородили. Документалку снимают про свою реликвию.

Вдруг послышались шаги. Я поежилась. Сейчас придется извиняться за открытое окно. Я выглянула из своего укрытия и увидела мужчину в белом халате и матерчатых перчатках. Он привез на тележке продолговатую серую коробку и остановился спиной ко мне.

Мужчина раскрыл коробку, достал большой талмуд в красно-зеленом переплете и отложил в сторону. Потом подошел к ограждению, снял с подставки копию Вышеградского Кодекса, вернулся к тележке и начал укладывать книгу в освободившуюся коробку.

Я решила, что прятаться и наблюдать исподтишка некрасиво. Пора было как-то проявить себя. Все равно он заметит.

— Извините, — сказала я по-английски и сделала шаг вперед, — я тут окно открыла.

Библиотекарь, только что упаковавший копию чудо-рукописи в коробку, успел взять второй талмуд. Услышав меня, он вздрогнул и обернулся.

— Извините пожалуйста, я вас пугать не хотела. Я тут просто решила подышать...

Неожиданно мужчина уронил книгу. Та глухо шваркнулась об пол и раскрылась на живописной картинке с ангелами.

Станный библиотекарь дико пялился на меня, словно я была восставшим мертвецом.

— Извините... — еще раз пролепетала я и невольно начала отряхиваться.

Да что не так-то?

Вдруг черты лица мужчины смягчились, потеряли выразительность и начали оплывать, словно были сделаны из воска. Я видела такое лишь однажды...

— Как... Ты? — услышала я свой дрожащий голос.

Его лицо вмиг стало нормальным. Ультрамариновые глаза посветлели. Он поднял

книгу, бережно положил ее на постамент, схватил свою тележку и покати́л в сторону лифта.

— Это ты, я знаю, — прошептала я.

Он остановился.

— Встретимся в шесть под конем в Луцерне, — сказал он, не оборачиваясь.

Зашумел лифт, и его не стало.

Я опустилась на пол.

Я очень боялась опоздать. Так оно и случилось. Зашла совсем не в тот пассаж. Запуталась в галереях и переходах. Меня начало мутить от напряжения. Уже десять минут, как я должна быть на месте. Он уйдет, не дождетя!

Я бросилась назад и, наконец, увидела светящуюся надпись пассажа «Lucerna». Кинулась под арку вперед по галерее. Вот он, висящий вверх тормашками конь с вывалившимся языком и нелепым всадником сверху. Все, как описывала Софи.

Но его здесь нет! Нет! Опоздала! Глаза заволокло слезами. Я осела на ступеньки и прижалась лбом к круглой колонне.

Но что же это я? Может, он еще где-то рядом?

Я вскочила и зашагала вперед по галерее, вглядываясь в лица людей из кафе. Дошла до конца и повернула назад.

Он стоял на углу, привалившись спиной к стене. Руки скрещены на груди. Губы сжаты. Глаз не видно за длинной челкой. Все то время, что я металась по галерее, он безразлично наблюдал.

— Идем, — сказал он без приветствий и стремительным шагом направился к выходу из пассажа.

Мы выскочили на улицу. Я чуть не попала под трамвай, стараясь поспевать за ним. Он не обратил внимания и нырнул под соседнюю арку.

— Куда мы? Не спеши так сильно.

— Здесь близко, — буркнул он.

Мы промчались мимо кинотеатра и кафе с мороженым. Слетели по короткой лестнице, свернули и оказались в сквере. Удушливо пахло розами.

— Туда, — он махнул рукой в дальний угол, где возле стены росли густые туи.

Мы остановились.

— Как ты оказалась в библиотеке? Клементинум сегодня закрыт для посетителей.

— Я была с группой студентов из архитектурной школы. Я...

— Понятно. Я пришел только, чтобы сказать: ты должна обо всем забыть. Ты никого не встречала и не видела ничего подозрительного. Вышла на пару минут подышать свежим воздухом, потом вернулась к своим и точка.

— Я так рада, что нашла тебя...

— Что?!

— Я тебя нашла...

— Бред! — выпалил он. — О чем ты?! Она меня нашла? Ха!..

Он обошел меня кругом.

— Посмотрите на нее! Она меня нашла... — Он вымученно засмеялся.

— Прости...

— Да плевать! Плевать! — Он подошел так близко, что я почувствовала его быстрое дыхание. — Вали и не возвращайся больше. Сегодняшнего дня не было.

— Нет, это не ты говоришь сейчас, — я попыталась взять его за руку.

Он отдернулся:

— Ты меня никогда не видела.

— Но я не выживу без тебя!

— А мне плевать, — прошипел он и зашагал прочь.

Я не могла двинуться с места. А когда бросилась следом, он уже скрылся за поворотом.

— Вернись... — услышала я свой шепот, и голос сорвался.

Я зарыдала и осела на мостовую.

.....

Сегодня я осмелилась вновь попасть в зазеркалье. Я не видела другого способа до него достучаться.

Ничего!

Мой мир за отражением изменился до неузнаваемости. Как и в прошлый раз, выйдя за пределы стартового зеркала, я оказалась на вершине высоченной скалы посреди бушующего океана. Гигантские волны свирепо обрушивались на острые камни. Брызги ледяным водопадом обдавали с ног до головы. Молнии ломаными стрелами вспарывали небо, заставляя крошечный клочок суши под ногами биться в конвульсиях. Вокруг все гудело.

Я едва удерживалась на ногах. Ничего нельзя было разобрать в беснующейся стихии. В воздухе стояла зябкая летучая морось. Пришлось приложить все усилия, чтобы выбраться наружу.

Цепляясь за дверь, я ступила на осклизлые камни и вгляделась вдаль. Ничего, кроме бескрайнего черного океана и разъяренного полыхающего неба. Порыв колючего ветра сорвал с век злые слезы. Я закричала. Небо тут же отозвалось разлапистой молнией.

Вдруг взгляд уцепился за единственный статичный предмет в этом мире, где даже мысли подхватывало и уносило ветром. Она стояла в отдалении, поражая своей нестигаемой, несокрушимой стойкостью. Черная башня, прямая и ровная, как карандаш, выпирала из кипящей пучины. Стаи каких-то тварей кружили вокруг. Их вопли долетали и к скале. На вершине башни я различила слабое свечение.

Там, должно быть, дверь!

Пассаж «Lucerna» — Самый известный пассаж в центре Праги находится во дворце Люцерна. Пассаж стал домом для целой сети магазинов и галерей, концертного зала, кинотеатра, многочисленных кафе и ресторанов.

Мы с Софи сидели на кухне и завтракали. Есть по утрам я не привыкла, но Софи при всей своей беспечности очень серьезно относилась к приему пищи. Правильное питание, витаминки и даже умение самостоятельно приготовить что-то вкусное — это все про нее.

— Нади, когда приедут твои родители?

Я неловко поднесла кружку ко рту и пролила несколько капель кофе на пижаму.

— Им пришлось перенести поездку, — бросила я и принялась тереть коричневые пятна.

— А oui! Отлично! — Ради такой новости Софи перестала жевать. — А что случилось?

— Возникли проблемы с документами. Потеряли паспорта.

— Как кстати!

Это точно.

Я совершенно не хотела их видеть! А мама звонила каждый день и радостно предвкушала наше воссоединение. Ненавистная дата приближалась. Три дня, два дня, уже завтра...

Каждую ночь я выходила в отражение, но там все оставалось по-прежнему: одинокая скала посреди океана, недоступная черная башня вдалеке и свет на ее вершине то гаснет, то загорается вновь. Радовало лишь, что океан больше не бросался на меня с воем и шипением. Теперь он безразлично шумел где-то у подножия скалы.

Я мысленно пыталась проложить мост между моей скалой и башней, как это бывало раньше, но ничего не получалось. После упорных попыток на небе появлялись грозовые тучи, начинался холодный дождь, и приходилось убираться в реальный мир. Времени оставалось все меньше и меньше...

Однажды вечером, пока Софи не было, я опять вышла в зазеркалье. Казалось, ничего не изменилось, но вдруг я почувствовала, слабый свет внизу за выступом скалы. Рискуя сверзиться в океан, я встала на четвереньки, уцепилась за скользкие камни и заглянула за выступ.

Дверь!

Я дернулась от радости. Что-то глухо хрустнуло, и рука провалилась в пропасть. Я потеряла равновесие и повалилась в образовавшуюся расщелину. Каким-то чудом плечо застряло в расщелине, и я повисла вниз головой прямо над дверью. Возле нее была площадка не более полуметра, а дальше бездна.

А если бы я упала, что тогда?

Проверять совсем не хотелось. Я медленно вскарабкалась назад, осторожно села и спустила ноги в провал. Самым трудным было уговорить себя спрыгнуть на площадку у двери. Но мысль о том, что в любую минуту может вернуться Софи придала решимости. Я спрыгнула.

Чуть приоткрыв дверь, я сразу узнала родительскую спальню. Интересно, откуда в нашем доме взялось зеркало?

Родители готовились к путешествию. Посреди двуспальной кровати лежал разложенный чемодан. Мама поминутно входила и выходила из комнаты, принося и докладывая в чемодан вещи. На прикроватной тумбе лежали две бордовых книжечки.

Паспорта!

Я дождалась, когда мама в очередной раз выйдет, открыла дверь и вошла в отражение.

Сразу попыталась схватить паспорта, но не тут-то было. Бестелесные пальцы нырнули сквозь документы прямо в тумбочку.

Гадство! Как это делается-то?

— Стас, ты уже зарядил видеокамеру? Ее можно положить в чемодан? — спросил мамин голос из соседней спальни.

— Да! — глухо отозвался отец с первого этажа.

— А где зарядка от твоего телефона?

Я судорожно билась над паспортами, пытаюсь ухватить хотя бы один.

— А, вот, нашла! — крикнула мама.

Ну давай же!

Я глубоко вздохнула и шумно выдохнула. Мать ходила совсем рядом за стенкой. Я слышала, как она открывает шкафы и двигает ящики.

Последняя попытка!

Я встряхнула руками, задержала дыхание и медленно потянулась к паспортам, мысленно представляя шероховатую поверхность обложки.

Вуаля! Ну наконец-то!

Послышались приближающиеся шаги.

Я не нашла ничего лучшего, как кинуть паспорта в щель между стеной и комодом. Комод был старинный, тяжелый, мы ни разу не двигали его с места.

Надо срочно убираться! Как только родители обнаружит пропажу, наверняка наберут меня.

Я промаялась всю ночь, ожидая звонка, но телефон молчал. Совсем расстроившись, я отключилась к рассвету. Звонок раздался в шесть утра. Мама со слезами в голосе сообщила о пропаже паспортов. Поездка сорвалась. Я с трудом сдержала ликование.

Мама заверяла, что сегодня же отыщет документы (ведь деваться-то им некуда) и, возможно, уже завтра они сядут на самолет до Праги. Я сухо ответила, что не успела соскучиться, зевнула и положила трубку.

— Да у меня тоже с родителями не складывается, — вздохнула Софи и макнула рогалик в баночку с йогуртом. — Они вообще-то хорошие, я их люблю и все такое. Но мы слишком разные!

— Ага...

— Они — упертые католики. Каждое воскресенье норовят одеть меня в серый балахон и отвести на мессу. Музыка моя — это грех. Мальчики — это грех в квадрате. Они постоянно заставляют молиться и просить прощения за все подряд! Загробная жизнь, бла-бла-бла, все зачтется... Кто вообще знает, что там будет в загробной жизни? Может, там нет ничего!

— Вот это будет облом.

— Ну! Однажды я немного загуляла. Так они заставили целый день стоять на коленях и читать псалмы. Хорошо еще, что у меня в кармане плеер был...

— А мои — атеисты.

— Повезло тебе, — Софи опять вздохнула. — Блин!

— Что такое?

— Я превращаюсь в чешку!

— С чего это?

— Ем эти дурацкие роглики и, кажется, они мне нравятся больше круасанов. Я предательница!

— Да брось ты! — я отмахнулась. — Это временно.

— А хочешь новость? — Софи живо работала челюстями.

— Надеюсь хорошую?

— Ну как сказать... Вчера, пока ты где-то шлялась, мне стало скучно, и я пошла в TV-room. Думала, вдруг познакомлюсь с каким-нибудь симпатичным чехом.

— И как успехи?

— Да никак! И вообще я о другом. Так вот, в TV-room пара девчонок, чешек, новости смотрели. И как раз библиотеку показывали. Я попросила перевести, о чем говорят. Представляешь, украли Вышеградский Кодекс!

— Украли что?

— Ну тот самый дорогой в Чехии талмуд. Помнишь, нам библиотекарь рассказывал?

Я отставила в сторону чашку.

— Это про который кино снимали? — спросила я для верности, хотя сразу догадалась, о чем речь.

— Да, точно! В новостях сказали: «кража века»!

По спине пробежал озноб.

— Но он же в специальном хранилище, разве нет? Там сигнализация и все такое...

— Так его подменили!

— Что?!

— После съемок кодекс должны были вернуть в хранилище. Но ответственный библиотекарь отнес книгу туда, где хранилась копия и подменил ее оригиналом. И самое прикольное, знаешь, что? Мы как раз в это время рисовали по соседству! Представляешь?! Мы видели эту копию. Марио еще полез ее лапаты, — Софи начала трясти меня за рукав пижамы. — Этот тип подменил копию оригиналом, и никто не заметил! Оригинал пролежал у всех на виду пару дней. А позавчера, во время экскурсии, копию, то есть на самом деле оригинал, украли! Eh, voilà!

Я перестала понимать, о чем она говорит. Завтрак запросился наружу.

— Ты в порядке?

— Живот скрутило... — простонала я.

— О! У меня есть отличные таблетки как раз от этого самого. Сейчас принесу, — Софи бросила салфетку и вышла из кухни.

Это он, никаких сомнений! Он украл самую дорогую книгу в Чехии. Грабитель? Во что он вляпался?

«Ты никого не встречала и не видела ничего подозрительного.»

Софи вернулась и протянула красную пилюлю.

— Вот, извини, у меня только одна, и та красная.

Мне было не до шуток.

— А как украли? — выдохнула я и взяла капсулу.

— Позавчера, во время последней экскурсии какой-то парень взял книгу, положил в рюкзак и вынес. Все заснято на камеру наблюдения.

— Его не задержали? — спросила я с замиранием.

— Нет! Никто даже внимания не обратил, представляешь!?! — Софи размахивала ножом прямо перед моим носом.

— А как выглядел этот парень?

— Лицо в камеру не попало. Он был в кепке с длинным козырьком и шарф до ушей. По

телику сказали, особых примет нет. Его и вспомнить толком никто не может. Фоторобот даже не составили, представляешь? — Нож полетел на пол. — Вот тебе и безопасность! Думают, кто-то из своих украл. — Закончила Софи из-под стола.

Я запихала в рот пилюлю и запила кофе.

— Но как подменили-то?

И зачем я спрашиваю? Разве не знаю?

— Про это много не говорили. Сказали только, что подмену тоже засняли и теперь допрашивают свидетелей.

Боже! Кого они допрашивают, если единственный свидетель — я?

Да! (перевод с французского).

Булка в виде рожка, рогалик.

Теле-зал.

Больше всего хотелось запереться в комнате и даже носа в коридор не показывать. Но не прийти на занятия значило бы навлечь на себя лишние подозрения. Может, все-таки не опознают...

Гадство! Ведь из-за съемок в Клементинуме не было посторонних. А возле старой библиотеки находилась лишь наша группа.

Как только полиция не пришла за мной еще вчера?

Я все-таки собралась и поехала на утренние лекции вместе с Софи.

И точно! Возле аудитории, подперев спиной подоконник, стоял мужчина. Он внимательно вглядывался в лица проходящих мимо студентов, время от времени сверяясь с бумажкой в руках. Заметив меня, он поднял бровь и довольно хмыкнул.

— Добрий дэн, — сказал он по-чешски. Потом перешел на английский. — Меня зовут Томаш Войтишек. Я следователь чешской прокуратуры, — он вытащил из внутреннего кармана куртки корочки и протянул мне.

Мог бы и не представляться. Вид у следователя был вполне протокольный: одет неприметно в короткую коричневую куртку и темные брюки, стрижка — ёжик, и серые круги под глазами.

— Я бы хотел с вами поговорить, если позволите, — обращался следователь исключительно ко мне.

— А в чем дело? — встрепелась Софи.

— Вы можете идти, вас это не касается.

Софи с недовольным видом направилась в аудиторию.

— Если что, зови, — шепнула она мне.

Я кивнула.

— Давайте отойдем в сторонку. Сюда, пожалуйста.

Мы вошли в соседнюю пустую аудиторию. Следователь уселся за первую парту, достал маленький блокнот и ручку. Я осталась стоять, волнуясь, как у зубного.

— Как вас зовут и гражданкой какой страны вы являетесь?

— Надина Серова. Я из Бельгии.

Следователь сделал запись.

— У вас славянский акцент. И имя не бельгийское...

— Мы с семьей эмигрировали из России три года назад. С тех пор там не бывали.

Он опять чиркнул в блокноте.

— Ваш родной язык русский?

— Да.

— Тогда можем говорить русский.

Все звуки у него выходили твердо, неестественно.

— Я в школе учил и на универзите тоже. Тогда всех заставляли. Вам не мешает?

— Нет, пожалуйста.

— Сколько е вам лет?

— Семнадцать.

Следователь разочарованно хмыкнул.

— Мы только немного поговорим, неофициально... Не знаете, почему я с вами говорю?

— Нет.

Только бы не покраснеть сейчас. Надо держать себя в руках! Я ничего не знаю!

— А новости не смотрите?

— Я почти не понимаю чешского, и телевизора у нас нет.

— Но так, — следователь вздохнул и поскреб висок концом авторучки. — Имею здесь фотку з системы наблюдения в Клементинуме. Посмотрите просим. Вы узнаете?

Я взглянула на распечатку. Мутная черно-белая фотография с обычного принтера, но узнать меня можно. Схвачен как раз тот момент, когда я дико тарашусь на парня в белом халате. На него...

— Да, это я.

— Добрже. Тогда расскажите то в порядке, что вы делали в Клементинуме?

Следователь быстро постукивал кончиком авторучки по столешнице. На тыльной стороне его ладони, виднелись несколько шрамов, и не хватало одной фаланги указательного пальца. Мой взгляд так и приклеился к изуродованной руке.

— Мы рисовали библиотеку с нашей группой. Тут на фотографии я как раз вышла в соседний зал, чтобы подышать свежим воздухом. В библиотеке воздух спертый. В общем, я окно открыла, а тут как раз библиотекарь пришел.

— Почему то так разрешили, же то был библиотекарь?

— Э... почему библиотекарь? Ну он был в белом халате и в перчатках. Потом он книгу привез на тележке. Он меня не заметил сначала.

— Знаете того человека, библиотекаря? Вы разговаривали с ним.

— Нет... — внутри все задрожало, и распечатка заплясала в руках. Я поспешила убрать руки за спину. — Я только извинилась, что окно открыла. Это ведь, наверное, не разрешается...

— Что вас так напугало, удивило?

Кажется, я все-таки покраснела.

— Я... Я просто... Я думала, он ругаться будет.

— Что-то он вам сказал?

— Да ничего. Он не возражал... ну, что я окно открыла. Потом просто ушел.

— Как он выглядел?

— Да я и не помню уже... Мм... Волосы светлые, русые. Высокий. Ничего особенного.

Следователь опять скривил губы и поскреб висок обрубком пальца.

— Но добрже. Сколько вы еще останетесь в Праге?

— До конца августа.

— Угу... Ваши родиче приедут?

— Родители? Да, собираются.

— Они должны приехать скоро.

Это вопрос?

— Мы должны официально допросить вас в присутствии родителей. Они должны приехать на этой неделе. Здесь напишите ваш адрес а телефон, — он вырвал из блокнота листок и протянул мне вместе с ручкой. — Я пришлю вам волани. Как это? Приглашение на допрос.

— А что случилось?

— Случилось серьезное преступление, а вы свидетель. Вот мой телефон. Позвоните, если еште нецо вспомните.

Следователь встал и протянул мне визитку.

— Спасибо. До свидания.

Я вернулась в группу. Софи тут же накинулась с расспросами. Я так нервничала, что не смогла скрыть от нее практически ничего. Софи слушала с выпученными глазами.

— Круть! — выпалила она.

— Что же тут хорошего?

— Ты будешь участвовать в расследовании грандиозного преступления!

Скорее, меня сочтут соучастником...

— Тебе нужно вспомнить каждую деталь! Все может иметь значение, — не унималась Софи, ерзая на стуле. — Вдруг устроят очную ставку, и ты должна будешь опознать того бандита? Как интересно!

Сердце заколотилось так, что меня замутило.

А если его поймают, если меня заставят его опознать?..

— И почему я не послушалась тебя?! — воскликнула вдруг Софи почти в голос. Преподаватель опять нахмурился, но злиться на симпатичную рыженькую было, похоже, выше его сил.

— Что? — переспросила я тихо.

— Мне нужно было самой пойти и выкинуть мусор... Чертовы карандашные очистки! Я могла бы поймать вора на месте преступления!

Все! Больше не могу!

Ноги сами вынесли из класса. Три пролета лестницы пронеслись мимо, и я уже шагала по улице, сама не зная куда.

Я пропустила все занятия и вернулась домой только к вечеру. Софи распахнула дверь, стоило мне заскрести ключом в замочной скважине.

— Где ты была целый день?

— Софи, я устала...

— Я вижу, с тобой что-то происходит. Ты сама не своя.

— Со мной все в порядке.

Я попыталась протиснуться в комнату, но подруга не пускала.

— Нет, нет... Ты, как камера хранения, в которую запихали слишком много вещей. Дверца уже не закрывается.

— Боже! Это что значит?

— Надо освободить место. Надо довериться кому-то... Иначе все вывалится в самый неподходящий момент.

— Тебе бы книжки писать, Софи.

— Не расскажешь значит?

— Не сегодня. Дай мне пройти. Хочу прилечь.

Она пропустила меня.

— Твоя мама звонила пять раз.

— Что хотела?

— Сказала, что паспорта нашли, и они вылетают завтра первым рейсом.

Здесь и далее до конца главы в диалоге эмитированы типичные ошибки человека, родным языком которого является чешский.

В университете.

«Но так» — в данном случае имеется в виду «хорошо».

«Просим» — в данном случае имеется в виду «пожалуйста».

Хорошо (перевод с чешского).

«Расскажите то в порядке» — в данном случае имеется в виду «расскажите по порядку»

«Разрешили» — имеется в виду «решили».

Хорошо (перевод с чешского).

«А» — здесь имеется в виду «и».

Еще что-то (перевод с чешского).

Значит, сегодня последняя ночь, когда я могу попытаться построить мост к черной башне.

Как обычно, я дождалась, когда Софи затихнет, проскользнула в коридор и вошла в отражение.

Куда я попала? Ни моей скалы, ни моря у подножья, ни черной башни вдалеке... Где башня!?

Под ногами плоские выщербленные камни брусчатки. Вокруг непроглядный молочный туман. Сияясь разглядеть хоть что-нибудь, я пошла вперед. Мало помалу туман начал редеть, и я различила высокую арку темной готической постройки. Арка вела на мост. Я тут же узнала его. Это Карлов мост в Праге.

Не успела я миновать проход, как ноги сами понесли. Строгие статуи по сторонам моста провожали черными пустыми глазницами, грозили крестами и епископскими посохами. Чайки скакали по перилам, били крыльями и жалобно кричали. Было слышно, как Влтава мечется и стонет в тесных арках внизу под мостом. Мне стало жутко, но ноги тащили все дальше и дальше.

Я остановилась только на середине моста. В нише, между двумя статуями, пряталась темная фигура в диковинном плаще. Густая тень от капюшона смазывала черты его лица. Таинственный незнакомец сидел, широко расставив колени, сжимая одной рукой гриф виолончели, а другой — растрепанный смычок. Заметив меня, он занес смычок над инструментом и замер.

— Кто вы? — спросила я.

Узловатые пальцы сжали гриф, смычок коснулся струн, и в протяжном звуке я различила: «БОЛЬБОЛЬБОЛЬБОЛЬ...»

— Послушайте, мне нужно отыскать черную башню...

Смычок опять коснулся струн и виолончель простонала: «ПРОСТИПРОСТИПРОСТИ...»

Вдруг стало очень холодно. Я задрожала всем телом. Хотелось бежать, но ноги будто приросли к земле. А фигура в плаще продолжала терзать инструмент, извлекая из него мольбы о прощении.

— Я прощаю, прощаю! — завизжала я, зажимая уши ладонями.

Музыкант отбросил инструмент и смычок в сторону. Голова его чуть приподнялась, и из-под капюшона показались бескровные синеватые губы. Человек тяжело выдохнул, будто выталкивал из легких не воздух, а смолу. Он гортанно прохрипел: «СЕБЯ ПРОСТИ!» И провала его беззубого рта на меня бросилось полчище черных тварей. Они хлопали крыльями и били по щекам острыми коготками. Я вскинула руки, пытаюсь защититься, зажмурилась и вдруг почувствовала, что лечу куда-то вниз.

Внезапно все закончилось. Я открыла глаза и увидела Софи. Она склонилась надо мной, придерживая мою голову.

— Вот это нихрена себе! — выпалила Софи по-русски.

— Софи?..

— Это что сейчас было?! — Софи разжала ладони, и я стукнулась затылком об пол. Подруга вскочила и принялась ощупывать зеркало. — Нади, оно выгнулось к тебе! — Софи посмотрела на меня выпученными глазами. — Merde! Merde!

Я, покачиваясь, встала и поймала ее за руку.

— Софи, перестань...

Подруга затравленно пискнула:

— Я не чокнулась... Я видела... — она закивала.

— Да-да, ты видела, — ее руки дрожали. — Я тоже видела. Я тебе все объясню. Только успокойся. Пойдем.

Я повела ее в комнату.

.....

Я все рассказала Софи. Теперь она знала о людях-зеркала, энергетических вампирах, ограбленном банке, а заодно и о том, кто и как украл Вышеградский Кодекс.

Мы просидели до утра. Софи в очередной раз покачала головой.

— Ты весь мой мир перевернула! И как теперь жить с такими знаниями?

Она поплелась к кровати, плюхнулась лицом в подушку.

— Покажешь вампира, если встретим на улице? — пробурчала она.

— Софи! Ну что ты говоришь? После всего, что я рассказала, тебя именно это больше всего волнует?

— Я так хочу посмотреть хоть на одного настоящего вампира!

И что она за человек?

— Я же объясняла, они внешне ничем не отличаются от людей. Нужно наблюдать...

— Теперь я буду на всех пялиться! Слушай, не пойму, как они все-таки этой энергией питаются?

— Софи, давай хоть немного поспим.

— Если бы у меня парень был вампиром, я бы все узнала в самых мельчайших деталях! Тебе не интересно было что ли?

— Он не рассказывал. А когда я узнала, возможности порасспрашивать уже не представилось.

Я легла и отвернулась к стенке.

— Ты не поедешь встречать родителей?

— Нет. Сами как-нибудь доберутся.

— Как хочешь. Я постараюсь уснуть. Хотя какой сон после такого...

Она спала уже через пять минут.

Какая она сильная! Почему я не такая? Будь Софи на моем месте, она бы никому не позволила отнять то, что ей дорого. Она была бы тайфуном, которому бесполезно сопротивляться. А я всего лишь сквозняком... Я так легко отказалась от него.

«Себя прости» — так сказал тот человек. Кто он? И мост, и ожившие статуи? Я никогда не видела ничего подобного в зазеркалье. Как получилось незаметно миновать отражение и дверь? Нужно вернуться и проверить, действительно ли я видела то, что видела. Но главное, я должна убедиться, что черная башня на месте. Ведь я знаю, он там! Мне только нужно найти способ добраться к ней.

Послышался стук в дверь.

Часы в коридоре показывали девять тридцать утра. Я отперла.

— А мы с папой сразу к тебе.

Так я и думала... Явились, не запылились!

Отец держал ручку маленького чемодана, какой обычно берут в ручную кладь. Непохоже, чтобы они планировали провести в Праге два месяца, как обещали.

— А мы спим, — ответила я без приветствий. Приглашения войти они не дождутся.

— У вас сегодня нет занятий? — заискивающе поинтересовалась мама.

— Есть.

Она поджала губы.

— Я думала, ты нас встретишь... Софи не передала номер рейса и время?

— Передала.

— Надя, в чем дело? — подал голос отец.

— В вас. Разве не понятно?

— Мы устали с дороги, — вздохнула мама примирительно и слащаво. Она попыталась протиснуться в прихожую. — Наденька, давай чайку попьем... — она осеклась, увидев в коридоре зеркало в полный рост. Ее лицо тут же приобрело жесткое выражение, которое я хорошо знала. Вот она настоящая.

— А ну-ка, дай пройти, — приказала она.

— Нет! Вам здесь делать нечего. Отправляйтесь в свой отель и там хозяйничайте!

Но мать отпихнула меня и вошла.

— Стас, — крикнула она отцу, — не стой столбом! Посторожи возле зеркала, пока я буду собирать вещи.

Проснулась Софи, вылезла из кровати и мутным взглядом обвела присутствующих.

— Привет, — сказала она по-русски, — как дела?

— Добрый день, Софи, — ответила мама на ломаном французском. — Боюсь, что Надина возвращается в Льеж.

— С чего это вдруг? Я никуда не еду.

— С того, что ты не выполнила обещание! — взвизгнула мама. — С того, что ты ведешь себя вызывающе, пропускаешь занятия, из-за которых ты, собственно, здесь! Ты едешь домой!

Отец стоял в проходе, угрюмо разглядывая что-то за окном.

— Я не могу вернуться, — решительно возразила я по-французски. — Мне запретили.

— Здесь только я могу что-то запрещать! — мама бешено сверкала глазами.

— Полиция запретила.

Мама замерла.

— Что ты говоришь?!

— Я свидетель преступления.

Отец, наконец, удостоил меня недоуменным взглядом.

Подошла Софи и начала выуживать из чемодана свои вещи.

— Ее вчера допрашивали, — мимоходом бросила подруга.

Неожиданно в дверь постучали. Служащий с рецепции попросил спуститься вниз, чтобы расписаться в бланке получения заказного письма.

Когда я вернулась, мама сидела за столом и утирала платком глаза. Отец, еще более угрюмый и мрачный, все разглядывал что-то за окном. Софи с папкой для рисунков на плече шепнула, что убегает на лекции, и скрылась за дверью. Вот бы и мне так...

Занятые поиском паспортов, родители пропустили главную новость недели, взволновавшую всю Европу.

— То есть ты видела вора? — сказал отец после моего краткого пересказа. Он старательно растирал лоб, оставляя на нем красные полосы. Делал он так исключительно в моменты полной растерянности.

— Да я сама толком не поняла. Он подменил книгу, ну а я...

— Ты его запомнила?

— Не так чтобы очень... Вроде бы сотрудник архива. Белый халат там, перчатки...

— Надя, тебя даже на день оставить нельзя без присмотра! — мать, как всегда, в своем репертуаре.

— Анастасия, давай не будем... В чем она, собственно, виновата?

Отец покрутил в руке повестку, предписывающую мне явиться в полицию сегодня в 14:00. Он шумно выдохнул.

Стало жаль его. Он всегда был слабее и чувствительнее мамы и всегда относился ко мне с куда большим пониманием. Мать хоть и плакала по любому поводу, но я давно поняла, слезы — всего лишь средство манипуляции. Своими слезами она уже никого не растрогает.

— Ты уходила в отражение? — опять набросилась на меня мать.

— Я здесь и со мной все хорошо. Что еще тебе надо?

Как же она достала!

— Что?! Это не ответ!

— Анастасия, сейчас есть проблемы посерьезнее. Надя, собирайся. Пора ехать в полицию.

Мы взяли такси. Мама всю дорогу хватала меня за руку, будто опасаясь, что я убегу.

.....

В допросной пахло канцелярской пылью и потом. Из угла угрюмо пялился телевизор, рядом раскорячилась тренога с видеокамерой. Я все никак не могла оторвать взгляда от наручников, привинченных к холодному столу. Волной накатила тревога.

Родители тоже были в замешательстве. Мама поинтересовалась у проводившей нас дамы в форме, возможно ли побеседовать в более спокойной обстановке. Та велела располагаться и ожидать следователя.

Мы с мамой присели на жесткие стулья. Отец нервно прохаживался вдоль зеркального окна, бросая недобрые взгляды своему отражению.

Минут через пятнадцать в комнату вошел тот самый следователь с изуродованной рукой.

— Здравствуйте, — он деловито положил на стол папку с видеокассетой и направился настраивать видеокамеру.

Сердце бухало так громко, что я опасалась, как бы следователь не услышал этот грохот.

— Мы должны снимать допрос, — пояснил следователь.

Он повернулся к видеокамере, зачитал с бумажки какой-то текст на чешском.

Задрожали руки. Мама схватила мои пальцы и сжала. Захотелось броситься ей на шею и спрятать голову на груди, как бывало в детстве.

Начался допрос. Следователь задавал те же вопросы, что и вчера. Я немного приободрилась и на этот раз отвечала без запинок.

— Вы утверждаете, что не знаете этого человека. Библиотекаря. Е то так?

— Да, я просто извинилась, что самовольно открыла окно.

— Добрже. Давайте посмотрим видеозапись.

Следователь подвинул поближе тележку с телевизором, вставил кассету в плеер, промотал видео и остановил как раз в тот момент, когда на экране появился молодой мужчина в белом халате и матерчатых перчатках. Мужчина вытаскивал из коробки книгу. Сердце ёкнуло.

— Вы утверждаете, что не знаете этого мужа... мужчину?

— Нет, — выдохнула я, не узнавая собственного голоса.

— Я здесь имею заключение эксперта, который читает по губам — следователь покопался в папке и достал какой-то документ, — он утверждает, что вы сказали по-русски: «Это ты, я знаю».

Я захлопала глазами. Но тут за меня вступилась мама.

— Это что за эксперты у вас такие? Может, они и мысли читать умеют?

Следователь сдвинул брови.

— Посмотрите внимательно на фотографию, — он протянул снимок. — Здесь тот мужчина, которого вы видели в Клементинуме?

— Да, это он, — отозвалась я.

— Это во правду сотрудник библиотеки. Але... Хочу еште нецо вам указать, — следователь перемотал пленку на начало. — Вот, посмотрите, он идет по коридору, везет книгу в хранилище. Теперь се подивейте на его ноги.

— Что не так с ногами? — отец приблизился вплотную к экрану.

— Смотрите дальше. Другая камера. Прошло несколько секунд. Не замечаете?

— Тот же самый парень везет тележку.

— Ано! Але! Посмотрите на ноги.

Отец уставился на следователя.

— Обувь...

— Кеды.

— Ано, пресне так! Когда он успел переодеться? Только что был в ботах, а теперь... как вы сказали? Кеды... Как объясните?

Мы молчали.

— Я думаю, это другой человек, — заключил следователь.

Родители переглянулись и, перебивая друг друга, начали кричать, что это работа полиции искать воров, а «бедная девочка» к этому никакого отношения не имеет. Следователь молчал.

— Допрос окончен, — сказал он. — У меня есть основания полагать, что вы покрываете преступника. Поэтому вы будете задержаны. Надина Серова, вы имеете право хранить молчание. Советую найти адвоката.

Что тут началось! Мама плакала и умоляла, отец хмурился и что-то доказывал. Я же настолько потерялась, что не могла разобрать ни слова, как будто выключили звук. Сидела и изучала свое бледное, осунувшееся лицо в окне для наблюдений.

Родители и следователь пошли на выход. Я уловила только, что опекуны должны подписать какие-то бумаги, а мне следует ожидать в допросной. Замок щелкнул. Стало тихо.

Я встала и подошла к окну. Есть там кто-нибудь в смежной комнате? Наблюдают ли за мной? Да какая разница...

Я дотронулась до зеркальной поверхности. Она мягко поддалась, рука провалилась в отражение. Тогда я подтащила к окну стул, забралась с ногами так, чтобы отразиться целиком, и прыгнула в отражение. Мое тело в реальном мире грузно повалилось на пол.

Родители догадаются, а большего и не надо. По крайней мере, за стартовое зеркало теперь можно не опасаться.

Это так? (перевод с чешского).

Но... (перевод с чешского)

Кое-что вам показать (перевод с чешского).

Да! Но! (перевод с чешского).

Да, именно так! (перевод с чешского).

Прошло пара часов. За это время погода менялась несколько раз. То неизвестно откуда набегали тучи, и океан под скалой начинал стонать, то опять становилось светло и спокойно.

А я все думала о нем. Прокручивала пленку памяти...

Впервые я увидела его на школьном дворе и сразу занесла в категорию самовлюбленных мерзавцев. Кривая полуулыбка, нахальный прищур и смазливая внешность, на которой обычно и заканчиваются достоинства таких, как он.

Новый одноклассник не заинтересовал. Его посадили рядом, но я была уверена, скоро парта будет опять принадлежать только мне, а красавчик найдет компанию под стать. Но неожиданно он взялся помогать на проверочной.

Вот так несостыковка!

Помню, пялилась на него, как дура! Самой потом стыдно сделалось. Пришел незнакомый парень, с детского дома, а я сразу записала в подонки.

Я вдруг увидела мальчишку совсем по-другому. Задумчивый и непохожий на всех остальных. Руки зудели нарисовать его... Он заметил и повел себя так, будто у него от моих художеств рези. Испугалась, что опять, как с раздевалкой получится... Все загладить порывалась. После уроков встретила его в парке, и началось...

Он вдруг заболел.

А я навещала одноклассника каждый день. Сидела у его постели по часу, а случалось и дольше. Он лежал один, весь бледный, лоб в капельках пота, зубы сжаты так, что жилы на шее вздыбились, и лицо... Как реагировать, когда лицо человека меняться у тебя на глазах? Вся жизнь перевернулась в тот момент.

Страх понемногу улегся. Я наблюдала и зарисовывала каждую перемену в его внешности. Скоро болезнь начала отступать. Я не могла дождаться, когда это «существо» придет в себя и расскажет, кто он. Вот только секретами новый одноклассник делиться не собирався и повел себя, как полный кретин.

А потом оказалось, что я и сама... «существо».

Не могу вспомнить момента, когда презрение переродилось в совсем другое чувство. Сначала очень хотелось напугать его. Так же сильно, как он напугал. И, надо сказать, получилось. Я веселилась от души, наблюдая, в каком он замешательстве.

Сам-то, небось, не видел девчонок в зеркальных отражениях. А еще «существо»...

А потом все как-то постепенно изменилось, и совсем расхотелось над ним издеваться. Захотелось совсем другого... Никогда и никого так близко к себе не подпускала. Никто не знал обо мне так много. Никто меня так не касался. Все было впервые, ново, остро...

Вспоминаю о нем, но даже в мыслях имени произнести не смею. Силюсь выдохнуть, а воздух застревает в легких, губы не слушаются. Имя... Чувствую его холодящий мятный вкус на кончике языка, его мягкий аромат — загадочное, таинственное. Оно спряталось где-то глубоко в груди, и я не могу выманить его наружу.

Указательным пальцем я принялась вычерчивать в воздухе буквы, украшая их завитушками и вензелями: надежная «Т», протяжная «И», задумчивая «М»... Вдруг ощутила, как воздух под руками загустевает и материализуется. Меня охватило волнение. Бодрящий импульс электрической волной пробежал по телу, и я начала рисовать. Пальцы, будто кисти,

заполняли бесцветное пустое пространство воплощениями образов, рожденных памятью и фантазией. В небо взмыли башни с высокими шпилями, брызнули фонтаны и водопады, все сплеталось паутиной переходов, галерей и террас...

Смелым движением я прочертила в воздухе линию, разрезающую водное пространство и соединяющую черную башню со скалой. В то же мгновение легкая дымка у основания башни загустела и превратилась в сизое облако. Облако за клубилось, закипело и из самого его центра брызнуло серебряно-ртутной массой, застывающей на лету. Тонкий арочный мост вырос на глазах.

Внутри все ликовало. Я устремилась на мост. Но не успела ступить на дымчато-прозрачную поверхность, как громадные птицы — сторожа башни — поднялись в небо и тут же пикировали вниз, рассаживаясь по перилам вдоль всего пути.

— Убирайтесь! Убирайтесь! Откуда вы взялись!?

Я попыталась прорваться сквозь птичий кордон, но они свирепо набросились на меня.

— Чего вы хотите?! — взмолилась я. — Пустите!

Птицы галдели, щелкали клювами и хлопали крыльями.

— Это мой мир и только мне решать, кому здесь быть!

Неужели даже здесь я не свободна?

С той стороны родители, здесь эти птицы — всегда кто-то или что-то не позволяет приблизиться к нему.

Неужели нам не суждено быть вместе? Или всему виной моя ошибка?

Каждую ночь во сне снова и снова приходится выбирать между его спасением и собственной жизнью. Я слышу голос и слова «Это мой выбор!» Нет! Это был МОЙ НЕПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР! Это я выбрала для тебя совсем не тот путь, не ту судьбу, который ты был достоин.

Как вернуть мгновение, когда липкий страх прогнал решимость? Испугалась умереть в четырнадцать лет. А он не боялся... И после всего, что произошло, исчезла, не сказав: «Спасибо!», не сказав: «Прости!»... Как бы не стерегли родители, я могла вернуться раньше. МОГЛА!

— Я должна помочь ему, пустите!!!

Но птицы были неумолимы.

— Пустите! Я люблю его!

Я любила того мальчика... Никогда не поверю, что ему плевать, ведь глаза кричали об обратном. И пусть меня сожрут эти мерзкие твари, пусть скинут в океан! Уж лучше погибнуть, чем остаться на одинокой скале, так и не попробовав исправить ошибки.

Я решительно ступила на мост. Птицы опять засуетились, заклацали клювами. Я рванула к башне. Черные твари провожали злыми взглядами, но сторонились.

Я ворвалась в отражение и тут же ощутила резкий толчок. Все вокруг стремительно менялось. Мелькнула обстановка комнаты, потом яркий пучок света, и сразу наступили густые сумерки.

Где низ? Где верх?

Вокруг тусклое мягкое поле. Вдалеке виднеется что-то синее в ромбиках. А прямо надо мной растянулся покосившийся скрипичный ключ, забрызганный красными кляксами.

Куда я попала?

Послышались голоса.

— Ну, ты готов?

— Шоно, блин! Сколько раз говорить? Сначала стучишь, потомходишь!

Его голос!

— Знаем мы твои сверх-секретные дела...

— Мало ли? Может, я не один.

— Ну, так я могу составить компанию! Это... Ты почему еще не одет?

— Щас футболку накину и готово.

— Давай, шевелись! На улице пекло. Тоже переоденусь и поедем.

— Сам-то где всю ночь пропадал? Опять в «Метро»?

— Ну типа. Зря не пошел. Зачетный был батл.

— Как будто меня приглашали. Ну, и кто переплевал?

— Какой переплевал! Мы с Тимуром раскачали толпу не по-детски. Еще одна ляля новая отметилась, оч круто битбоксила.

— Но победил, конечно, ты?

— А то!

— Опять жульничал?

— Вот че сразу жульничал, а!?

— Шон, ты дождешься. Всех распугаешь, никто с тобой битбоксить не будет.

— Да нихера я не жульничал! Где мои сигареты?

— Где оставил, там и возьми!

Опять все начало меняться. Скрипичный ключ взмыл вверх. В глаза брызнуло светом, и я на миг ослепла. Мелькнул голый мужской торс, и меня выбросило в зазеркалье. На вершине черной башни прогуливались птицы, а вокруг все изменилось до неузнаваемости.

.....

Повсюду, на башнях, галереях и площадях моего зазеркального города, мерцали тысячи дверей. Одни появлялись, другие исчезали.

Черная башня тоже преобразилась. Она больше не походила на гладкий карандаш. Появились причудливые резные арки с колоннами. С разных этажей брали начало галереи, ведущие на мосты. Теперь мостов было несколько. Они разбегались лучами, соединяя башню с зазеркальным городом. С верхней площадки шла винтовая лестница вниз. Я тут же решила проверить, что там на других этажах.

Сбежав по ступенькам, очутилась на круглой террасе. Здесь было несколько дверей. Они мягко мерцали, приглашая войти. Я выбрала наугад одну и проскользнула невидимкой. Кажется, я все еще помню, как это делается.

Перед глазами опять поплыло.

Я оказалась в полумраке кабинета, заставленного громоздкой мебелью. Все вокруг деформировано — где растянуто, а где, наоборот, сжато.

За письменным столом расположился выхолощенный мужчина средних лет с залезшими волосами и в безупречном костюме тройке. Своими тонкими усиками он напоминал старого голливудского актера.

Рядом стояла дамочка в чрезвычайно узкой юбке и белой шелковой кофточке с глубоким вырезом. Она заискивающе улыбалась. В кресле напротив небрежно развалился другой мужчина — совершенная противоположность первого. Мама таких называла «плюгавенькими типами». Когда увидела этого тощего, лысоватого, небритого мужичонку в старом вязаном свитере и синих джинсах с вытянутыми коленками, на ум пришла именно эта характеристика.

— Спасибо, милочка, — сказал залезанный дамочке глубоким шелестящим голосом.

Мужчина потянулся куда-то поверх зеркала в слепую зону. В руках у него оказался кусочек рафинада.

— Дорогуша, здесь кое-чего не хватает, не находите?

— Ой, — выдохнула дамочка и всплеснула руками. — Извини... те, Виктор Валентинович. Молочник опять забыла. Сейчас принесу.

Дамочка засеменила к двери. Мужчины молча проводили ее угрюмыми взглядами.

— Рассчитай. Редкая дура, — равнодушно сказал залезанный плюгавому.

Вернулась дамочка.

— Вот, пожалуйста.

— Можете быть свободны, — залезанный расплылся отеческой улыбкой.

Дамочка удалилась. Мужчины продолжили пить кофе.

Залезанный был достаточно привлекательным, несмотря на возраст, и настолько же неинтересным. А вот плюгавый оказался персоной выдающейся. Рот, как старый рубец от шва, криво сделанного когда-то пьяным хирургом. Удивительно безобразный! Очень захотелось нарисовать плюгавого вот так, с маленькой кофейной чашкой в руках и утонченно оттопыренным мизинцем.

— Ну что, друг мой любезный, вернемся к нашим баранам, — заговорил плюгавый.

По спине пробежали мурашки.

Я знаю этот голос!

— Нда, — коротко вздохнул Виктор Валентинович и отставил чашку.

Он выдвинул ящик стола, достал черную кожаную папку и протянул плюгавому. Тот довольно цыкнул.

— Отлично!

Я попыталась подойти поближе и посмотреть, что там. Но плюгавый держал папку так, что содержимое не отражалось.

— Сумма красивая, — процедил он. — Музейщики, конечно, не потянут.

— На это никто и не рассчитывал. Как дела у поставщиков?

— Все идет, как по рельсам! Паровозик едет, колесики стучат... Партия уже в Украине. На днях товар закатают в битум и загрузят фуру. Машинка прибедет в Польшу к середине месяца, а потом сюда. Так что зеленые надо отслонявить через три недели. У тебя как?

— Сегодня на закрытом совете проголосуют за сделку. Нужное количество людей я подготовил. Но и без моих стараний ясно, что выплата по страховке никого не устраивает.

Дальше будет много возни с юристами, но в мировой практике прецеденты были, должно сработать.

— Ох, не знаю, Валентиныч. Библиотекари тоже не дебилы, они на страховые деньги двадцать таких книженций купят. Небось, подзаработать не дураки.

— Ошибаешься, Семен. Книга уникальная. «Невосполнимая потеря»... Возьми любук газету. Никуда не денутся.

— А если не выгорит?

— Тогда по накатанной.

— Люблю, когда все схвачено и за все заплачено.

— Все, да не все. Что там за свидетель такой объявился?

— О! Тут интересная история. Мне птичка одна напела...

Дверь в кабинет открылась, и кто-то заглянул. Я различила только темные волосы.

— Отец, я...

— Я сказал ждать с той стороны!

Дверь тут же захлопнулась.

— Ты б с ним понежнее.

Зализанный отмахнулся.

— На чем мы остановились? Продолжай.

— С нашего молодца, как с гуся вода, — Семен довольно потирал, будто намыливал, маленькие руки. — Свидетель, точнее свидетельница, будет молчать.

— Как устроили?

— А она сама и устроила. Во время допроса хлопнулась в обморок и до сих пор не очухалась.

— Это хорошо. Что с ней, не выяснили?

— Как же не выяснили. В шатре от грома не спрятаться. Та же птичка пеленочку с допроса передала. На манеже все те же... — плюгавый широко ощерился и откинулся назад. Черная папка поехала с колен. Он подхватил ее и захлопнул. — Только теперь нашу красавицу зовут Надина Серова. Новоиспечённая гражданка Бельгии.

Я зажала рот рукой.

— Это то, о чем я думаю?

— Точно, — довольно протянул плюгавый.

— Э-э, Семен...

Виктор Валентинович нахмурился. Встал, прошелся по кабинету и вернулся в кресло.

Вот попала! Зачем только ушла в отражение? Лучше бы держали в полиции.

— Я твоего оптимизма не разделяю, — сказал Виктор Валентинович. — Она в нашу схему не вписывается. И надо же было всплыть не раньше не позже. Возьми это дело под личный контроль.

— Уже. А может свести их?

— Нет, эта комбинация непредсказуемая. Сколько мы с ним бились, забыл?

— Ну тоже верно. Разделяй и властвуй.

— Выяснил, куда увезли тело?

Я для них уже труп...

— Да, и человечка туда снарядил.

— А зеркало?

— А вот с зеркалом все не так просто, но мы и это порешаем.

— Хорошо. Мне пора на совет. Держи в курсе.

Мужчины встали и вышли из кабинета. Плюгавый Семен держал под мышкой черную кожаную папку.

Что же теперь делать?! Стоит ли сомневаться, что эти негодяи способны выкрасть мое тело и даже заполучить зеркало из полицейского участка. Нужно предупредить родителей! Но что они сделают здесь, в чужой стране, без всесильного дяди Серёжи? Ведь скоро понадобится медицинское оборудование, капельницы... Меня замутило. Я вспомнила, как долго восстанавливалась тогда, после возвращения.

А что скажет мама?.. Да тут к гадалке ходить не надо. Густо наперчит упреками, пересолит слезами, заставит проглотить бесконечные «а я предупреждала...», «да кто меня когда слушал?..», «мать у вас вечно плохая...» — переваривать ее завывания радости мало, как бы самой сейчас не раскиснуть.

Нужно найти Софи и попросить ее передать сообщение родителям. Пусть делают, что могут, а я пока решу, что предпринять.

Вот только где искать Софи? За какой дверью она скрывается? В общежитии наверняка нет. Должно быть, на лекции или рисует вместе с группой в городе.

Я изо всех сил старалась сосредоточиться, доводя мозг до температуры кипения, но интуиция молчала.

Вот ведь гадство! Тогда, три года назад, стоило увидеть дверь, и я уже знала, что скрывается за ней. Я чувствовала двери. Они были друзьями, которые появляются в самый нужный момент. Переход из одного отражения в другое занимал мгновения. Теперь же этот мир ошетинился и ведет себя, как обиженная малолетка, подставляя подножки и тупо донимая по пустякам. Ничего, еще наладим контакт. Пока же придется искать наугад.

Я пересекла мост и углубилась в город. Блуждая по запутанным переходам и галереям, заглядывала в случайные отражения, но все без пользы. Двери вели куда угодно, только не в Прагу и тем более не к Софи. Сначала оказалась в каком-то старинном городе, потом спортивный бар с пьяными мужиками, автобусная остановка и длинная очередь сплошь из азиатов, еврейская свадьба, незнакомые улицы в незнакомых городах, кафе, чьи-то квартиры... Я начала терять терпение.

Выскочив из очередного отражения, я направилась по узкому переходу к следующей двери, но вдруг переход повернулся, опрокинув меня вверх ногами. Я качнулась, но устояла. Скоро привыкну.

Пройдя дальше по переходу, я очутилась на площадке. Дорогу преградила птица. Пернатая тварь чинно прохаживалась по периметру площадки, скребя пол кожистыми крыльями. Прямо за ней помигивала отблесками дверь. Я хотела было повернуть назад, но изнутри поднялось возмущение.

Чего это я буду от вас бегать?

Увидев меня, птица заволновалась и угрожающе клацнула громадным клювом.

Плохая идея...

Я попятилась, опасаясь, что крылатый крокодил разозлится и оттяпает мне ногу. Птица расправила необъятные крылья, а потом... грузно поднялась в воздух и улетела в направлении черной башни.

Может быть, она неспроста здесь околачивалась?

Я приоткрыла дверь, шагнула в отражение и попала в тускло освещенное помещение. На потолке мигал запыленный плафон. На стене умывальник. Напротив две закрытых кабинки.

— Туалет, значит!

Черт бы побрал это пугало в перьях!

В кабинке кто-то зашевелился. Смыли воду. Дверца распахнулась, и я увидела Софи.

Подруга сразу заметила меня и завопила:

— Ты здесь?! Ты здесь! — она запрыгала возле зеркала, тыча в него руками. —

Фантастика! О, божечки! Я сейчас с ума сойду! Ты в отражении!!! Это просто круть!

— Софи, успокойся!

— Ты разговариваешь!!! Вот это круть!

— Софи...

Подруга металась перед зеркалом, все время повторяя: «фантастика, просто фантастика». Я вздохнула и сказала:

— Мне нужна твоя помощь, Софи.

— Конечно, все что угодно!

Она походила на рыжего пуделя, которому показали новый мячик.

— Софи!..

— Звонили твои родители, — затараторила она, — сказали, на курсах ты больше не появишься. Что случилось?

— Они не сказали, в какую больницу меня отвезли?

— Ты в больнице?

— Мое тело в больнице, а я здесь.

— Круть!!! Фантастика!

— Софи, успокойся пожалуйста, очень важно, чтобы ты меня поняла. Ты меня понимаешь?

— Да! И это круто!

— Софи, блин, хватит! — заорала я по-русски.

— Вот это нихрена себе! — отозвалась Софи тоже по-русски.

Я схватилась за голову.

Мое отчаяние подействовало на Софи отрезвляюще.

— Все-все, слушаю. Что случилось?

— Ты должна передать сообщение моим родителям. Они все поймут. Только передай слово в слово и лучше лично. Можешь с ними встретиться?

— Думаю, да.

— Тогда так, запоминай: «Берегите тело. Те же люди скоро найдут меня. Им известно, где стартовое зеркало. Я ищу выход.»

Софи посерьезнела.

— Я обязательно передам.

— Спасибо. Скажи родителям, со мной все в порядке. И узнай, в какой больнице мое тело.

— Те же люди, это?..

— Да. Я не представляю, как так совпало, что они здесь.

— Иногда что-то плохое просто случается. Ты справишься.

Слезы брызнули из глаз.

Я подлетела к отражению Софи и обняла ее. Та вздрогнула, но тоже обняла и крепко прижалась.

— Круть!!! — прошептала она.

— Софи, откуда ты взялась такая замечательная на мою голову?

Мы договорились встретиться позже. В необъятной сумке подруги нашлось карманное зеркальце, но я не была уверена, что смогу отыскать дверь в нужное отражение. Поэтому Софи согласилась караулить меня здесь же, в туалете кафе.

.....

Я вернулась в зазеркалье и побрела по пустынным улицам города. Как весело здесь было когда-то. Я выбегала из одного отражения и тут же стремилась к другому. Путешествия по всей планете!

Семейные проблемы отошли в сторону, мир перестал ограничиваться школой и тупыми одноклассниками. Я увидела, сколько замечательных людей живут в одном времени со мной! Да и одноклассники на поверку оказались не такими уж жестокими и тупыми, как представлялось. Каждый из них был обычным человеком, не хуже других, со своими радостями и неудачами. У кого-то были увлечения и таланты, о которых в школе никто не подозревал. Я могла бы дружить с кем-то из них. Почему мы так плохо друг к другу относились? Я простила этих ребят. Поняла, что вряд ли они всерьез желали мне зла. Просто никому не хочется быть изгоем.

Неужели я все еще думаю об этом? Неужели это все еще важно? Столько лет прошло, столько событий случилось... Почему прошлое не отпускает? Почему я не могу отпустить прошлое?

Хочу забыть! Это все не я! Это все не со мной было! Ведь я другая, совсем другая...

Я опустила лицо в ладони, будто желая снять маску, но от себя не убежать.

Он тоже часть моего прошлого. Та часть, которую невозможно перечеркнуть, забыть, смириться... Даже если у него получилось, для меня это ничего не меняет. Но можно ли ему доверять? Что заставило его совершить «кражу века»? Он пришел тогда на свидание, значит, теперь никто не держит его в закрытой камере. Теперь он свободен идти куда хочет и встречаться с кем вздумается. Как может он быть заодно с бандитами после всего, что с нами произошло?! А Шоно? Тот клялся, что такой же пленник, как и... Он мечтал о свободе. Неужели все дело в деньгах? Может, в той сумке было недостаточно?

Кому верить? Кто враг, а кто в помощь? Все так запуталось!

Я направилась к черной башне.

.....

— Ты опять в него пялишься? Сто раз обещал выкинуть! У нас что, забот других нет?

Шоно почти не изменился. Высокий, узкоглазый, с седыми волосами.

— Знаю. Мне надо как-то собраться и...

— Давай сюда, и дело с концом!

Шоно протянул руку и нетерпеливо потрянул кистью.

Он тоскливо посмотрел в зеркало.

— Не сейчас, ладно?.. Я знаю... Но не сейчас...

— Как ты меня задолбал! Выкраду и разобью нахрен!

— Только попробуй!

— Да лучше сдохнуть, чем смотреть, как ты маешься над ним.

— Ну и не смотри. Чего опять приперся?

— Слушай, если ты так ее любишь...

— Не надо. Давай без этих разговоров.

— Да какне надо-то!?! Я на это три года смотрю. Ладно раньше ты не знал, где ее

искать.

— Может, ты и прав. Может и стоило поговорить с ней, чтобы просто понять. Наверняка были какие-то серьезные причины... непреодолимые, черт возьми, обстоятельства! Иначе почему она столько лет?.. И появляется сейчас, в такой момент... Шоно, как я могу втягивать ее в это дело?

— Да она уже втянута! Вы оба попали в камеры наблюдения. Ее опознали, без вариантов. Ты ведь понимаешь, она должна забыть, что видела тебя. Она все должна забыть! Почему ты не сделал, что собирался? Ты сам ставишь ее под удар!

— Шон, я не смог! — он вскочил и заходил по комнате. Вокруг все запрыгало. — Я хочу, чтобы она помнила обо мне!

— Вот кретин! Да что тебе мешает быть с ней? Сотри ей память и хоть каждый вечер развлекайся. Не мне тебя учить.

— Да не нужна она мне такая! Она все еще любит меня...

— Эй, вот это что сейчас? Ты передо мной нюни не распускай, я тебе «Оскара» не дам!

— Уходи, — сказал он тихо. — Мне нужно привести мысли в порядок. Раскис я малость.

— Это точно! К одиннадцати будь готов. Поедем на Ольшанское.

Шоно скрылся за дверью.

Тим развернулся и пнул табурет. Тот отлетел в угол.

— Черт! Черт!

— Мебель не ломай! — прокричал Шоно из другой комнаты.

Я выскочила из отражения и разрыдалась.

Я бежала, не разбирая дороги и ничего не замечая за пеленой слез. Все тело горело, будто отстегали крапивой.

Ненавижу себя, ненавижу! Никчемная! Слабая! Предательница!

Не было серьезных причин, не было непреодолимых обстоятельств! Был только страх и больше ничего.

Хватит!

Я остановилась.

Если я нужна ему, никто больше не заставит отказаться от него!

Я вытерла слезы и огляделась. Небо потемнело и вокруг стало совсем тускло. Птицы страшно вопили и тучами носились вокруг черной башни. Вспомнив, как одна из них помогла найти Софи, я закричала что было сил:

— Птицы! Птицы!

Но огромные твари продолжали кружить в небе, не обращая внимания.

— Мне нужно отыскать зеркало Софи! Помогите! Помогите, птицы!

Птичье облако продолжало бурлить над башней. Но вдруг одна отделилась от стаи. Она сделала круг над площадью неподалеку и вернулась к своим. Я помчалась туда.

Миновав несколько переходов и галерею, я оказалась на маленьком пяточке. На противоположной стороне рос одинокий рыжий клен. Выпуклые корни дерева лучами разбегались в стороны. Превращаясь в прозрачные ручейки, они ветвились и стекали куда-то вниз. Я обошла дерево, а когда вернулась на прежнее место, там уже стояла дверь, мерцающая медными лучами. Я вышла в отражение. Все тот же туалет, где мы виделись с подругой накануне. Только теперь это было зеркальце Софи.

— Наконец-то!

— Софи, осторожней.

— Пардон! Я уже два часа торчу в кафе. Съела три куса торта и мороженого. Официант наверняка думает, что я на него залипла.

— Ты узнала, в какую больницу увезли мое тело? Родителей видела?

— Да, тебя увезли в госпиталь в Крчи. Я там была, но к тебе не пускают, на входе в палату полицейский.

— Даже не знаю, хорошо это или плохо.

— Очень жаль твоих. Мама плакала. Они хотят тебя видеть.

— Я знаю, Софи, но не сегодня. Мне не нужно было уходить в отражение. Я просто не хотела отвечать на вопросы о... о нем. А теперь я в большой опасности и понятия не имею, как вернуться и стоит ли пытаться. Я так нелепо выдала себя! Запуталась! Не знаю, можно ли ему доверять...

— Ты имеешь в виду этого своего парня-вампира?

— Ну да.

— Почему бы вам просто не поговорить?

— Один раз уже пыталась, он прогнал. Мне нужно знать, с кем он на самом деле? Сколько сейчас времени, Софи?

— Почти восемь вечера. Через десять минут кафе закроют.

— Шоно сказал, в одиннадцать они едут на Ольшанское. Не знаешь, что это?

— Есть улица Ольшанска, там полиция для иностранцев. Регистрировались там, помнишь?

— Нет, это наверняка другое.

— Ну, вроде как есть Ольшанская площадь, и еще я знаю Ольшанское кладбище. Не поедут же они к ночи на кладбище?

— Я точно помню, он сказал Ольшанско-Е.

— В вашем русском не разберешься.

— Я думаю, они поедут на кладбище.

— Но почему?

— Надо узнать. Софи, там нет зеркал и наверняка темно...

— Смеёшься что ли?! Конечно поехали!

— Это может быть опасно. Кладбище ночью...

— Кладбище с вампирами! Это круть! Вот только в одиннадцать вечера там уже все входы закрыты. Я проверяла.

— Софи, тебе лечиться надо!

— Мама тоже так считает. Если только не... — Софи задумалась. — Сегодня ведь последняя пятница месяца, так?

— Понятия не имею.

— Как я могла забыть! Я ведь собиралась пойти, но со всеми этими событиями... Сегодня экскурсия!

— Софи, ты о чем?

— Да ты не понимаешь! Сегодня будет ночная экскурсия на Ольшанском кладбище как раз в половине двенадцатого! Я собиралась пойти. Если они хотят попасть на кладбище ночью, единственная возможность войти — это присоединится к экскурсии.

— Софи, ты гений!

.....

— Терпеть не могу кладбища, особенно такие огромные. Как представлю сколько народу лежит под землей. Там ведь людей, как в мегаполисе.

— Ничего ты не понимаешь, Нади! Город мертвых. Каменные ангелы, кресты, гробницы, приведения... Романтика! Если какой-нибудь парень сделает предложение на кладбище, я, так и быть, выйду за него замуж.

— Фу! Делать предложение там, где тысячи мертвяков замариновались в собственном соку? Если я вдруг помру, передай моим, чтобы не вздумали хоронить. Пусть лучше кремируют и развеют пепел над Северным морем. Обещай, что передашь?

— Не смей так говорить! — Софи насупилась. — Все настроение испортила.

— Вон, смотри, — Софи кивнула в сторону странной парочки в черных плащах. Парень в капюшоне с густо подведенными глазами и здоровая размалеванная под гота деваха с длинными черными волосами только что подошли к главному входу. — Не одна я такая чокнутая.

— Давай теперь не будем разговаривать, а то и впрямь примут за сумасшедшую. Показывай всех, кто подходит, ок?

— Ça va.

Людей, желающих попасть на кладбищенскую экскурсию, собралось довольно много. Пришли не только мрачные фрики, но и обычные туристы с рюкзаками в цветочек, несколько стариков и пара-тройка фотографов с мощными штативами.

— Софи, не трясى зеркало, сильтупле[1].

— Как они выглядят?

— Т... Тим обычно очень красивый.

Неужели я произнесла его имя?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну, это супер-примета!

— А Шоно — азиат с седыми волосами.

— А вот это уже кое-что. Только никаких азиатов я здесь не вижу.

Решетка кладбища откатилась. Показались два экскурсовода.

— Добрый вечер! Друзья, добро пожаловать на уникальную экскурсию по ночному некрополю, — начал по-английски один из них. — Тихо Браге как-то сказал: «готика и призраки — вещи нераздельные, как ночь и луна».

— Софи, я их не вижу! Наверное, я ошиблась. Это так глупо...

— Мне жаль, но раз уж мы здесь, то экскурсию я не пропущу.

— Софи!

— В любом случае мы опоздали, скоро полночь. Давай сходим, ну пожалуйста! Одной как-то стремновато.

— Это тебе стремновато?

— Ну хорошо, мне жуть как интересно! Я очень давно хотела пойти на эту экскурсию.

— Ох, ладно, давай, тащи меня на погост...

— Ну не драматизируй. Блин, все, вступление пропустила!

Народ потянулся на центральную аллею некрополя. Экскурсоводы раздавали туристам фонарики. Шоно и Тим так и не появились.

— Нади, смотри, там туман на дорожках и ангелы с крестами! Круть!

— Да уж, неплохой спектакль. Туман почему-то лежит только в той аллее. Уверена, вам и приведение покажут.

— Ну, чего веселье портишь!

— Ночь опустилась на Прагу, пробудив от вечного сна неприкаянные души города мертвых — вещал мрачным голосом второй экскурсовод. — Молчаливые ангелы, еще пару часов назад безучастно созерцающие пустоту с высоты своих постаментов, теперь готовы расправить крылья и взвиться в ночное небо.

— Ну хоть твой любимый Slipknot ставь... — пробормотала я.

— Смотри, а куда эти двое направились?

— Какие?.

Софи резко повернула зеркало, и я очутилась на туманной аллее между двух могил. Парочка готов промелькнула за памятником и пропала из виду.

— Давай узнаем, что они задумали?

— Может, просто захотели уединиться. Могилы, романтика — сама говорила...

Но Софи меня уже не слушала. Она выключила фонарик и засемила на соседнюю дорожку. Пока экскурсоводы увлеченно декламировали стихи каких-то покойных поэтов, Софи скользнула за гробницу и побежала в ту сторону, куда ушли готы.

Меня замутило от тряски и быстрой смены картинки.

— Кажется, я их вижу, — шепнула Софи.

— Где?

— Посмотри, вон тот склеп.

Я силилась разглядеть, но ничего не получалось. Было совсем темно. Удивительно, как меня не выбросило назад в зазеркалье. Вдруг я услышала скрип. Выглянула луна и осветила две темных фигуры. Они скрылись в склепе.

— Та парочка, похоже, решила уединиться в склепе, — шепнула я Софи.

— Давай подойдем поближе. Не похожи они на парочку. За руки не держатся и ведут себя слишком уверенно. У девчонки в руках портфель какой-то или папка, не разглядела.

— Какая папка?

— Ну, черная... тут все черное.

— Софи, у тебя глаза как у кошки! А если это они?

— Мы, вроде, двух парней искали?

— Двух вампиров, один из которых может внешность менять.

— Нади, повтори это еще раз, я аж завелась! — прошептала Софи.

— Ты сиди здесь и зеркало не двигай. А я попытаюсь подойти поближе и послушать, что там внутри.

Дверь в склеп опять скрипнула.

— Подожди! Смотри, они возвращаются. И папки нет...

Две темных фигуры теперь молча шли вдоль соседнего ряда могил.

— Пойдем за ними или в склеп? — тихо спросила Софи.

— Давай в склеп, — неожиданно для себя решила я.

Софи подобралась к невысокой постройке из серого камня.

— Черт, вляпалась во что-то!

— Тихо!

Подруга дернула на себя створку двери, но та не поддавалась.

— Не получается!

— Другую попробуй.

— Да не получается!

— Тогда поставь зеркало так, чтобы полностью отражалась дверь. Я тебе помогу.

Софи закрепила зеркало на чугунной ограде напротив входа. Мы начали тянуть дверь вместе.

— Я буду внукам рассказывать, как охотилась на вампиров и разговаривала с привидениями в зеркалах.

— Это если тебя к тому времени в психушку не запрут.

Наконец, створки скрипнули и образовалась щель.

— Да они точно вампиры! Как они эту ржавую дверь открыли? — Софи потеряла ладони. — Я туда не пролезу.

— Давай так, ты просунешь внутрь руку с зеркалом и посветишь фонариком. Окон в склепе нет, снаружи видно не будет.

— Ça va.

Так и сделали. Я очутилась внутри склепа.

Как хорошо, что из отражения я не могла почувствовать запах. Фонарик выхватывал из темноты пятна плесени и паутину на стенах. На полу валялись куски гнилой шпукатурки. В дальнем темном углу кто-то пискнул. Я охнула.

— Софи, ты еще здесь? — пролепетала я.

— Нет, блин, решила прилечь. Атмосфера располагает... Ну что ты там видишь?

— Гроб... Софи, тут каменный гроб прямо передо мной!

— А чего еще ты ожидала увидеть в долбаном склепе? Что насчет папки или портфеля?

Папка... Да! Где папка?

Я огляделась.

Да вот же она, лежит прямо на крышке этого самого гроба. Господи Боже, я никогда не подойду к нему.

— Ну? — нетерпеливо позвала Софи.

Мелкими шажками я прошла в центр склепа. Потом одним пальцем зацепила крышку... створку... папку!

Господи Боже! Как мне страшно!

— Нади, тут такое дело...

Это картина или страница из библии?

Господи Боже, как страшно!

Кажется, тайная вечеря.

Я перевернула картину. Ее обратная сторона была исписана старинным латинским шрифтом.

А это что за бумага? Какая-то распечатка.

Взгляд зацепился за слова, выделенные жирным шрифтом «Vyšehradský kodex», «výkupné 15,000,000\$»...

Тут меня дернуло назад с такой силой, что я перевернулась в воздухе, сильно ударилась спиной, а потом склеп пропал. Все, что теперь отражалось в зеркале — круглая луна и темные кучи облаков.

[1]Пожалуйста. (перевод с французского)

«Вышеградский кодекс», «выкуп 15,000,000\$» (перевод с чешского).

— Ты кто такая? Зачем за нами следила? — тихо спросили по-русски.

— Я заблудилась, — говорила Софи по-французски. — Думала, раз вы пришли сюда, наверное, тут что-то интересное. Я туристка.

— Француженка что ли? — переспросил голос.

— Похоже на то, — ответил второй.

— По-русски не понимаю! — завопила Софи.

— Да помолчи ты! — сказали по-французски.

Услышав родную речь, Софи загалдела с удвоенной силой.

— Excusez moi! Désolé![1] Я совсем не хотела вас потревожить! Я просто мимо шла, а тут та-акой мрачный склеп. Ну как не заглянуть?

Голос Софи резко оборвался. Я услышала только ее короткий вздох.

Да что там происходит?!

Луна слепила глаза. Я висела в воздухе и не могла сдвинуться с места. Совершенно бесполезная!

— Софи! Софи, ты в порядке? — завопила я.

Подруга не отвечала.

— Ну, зачем ты ее вырубил? Я бы сам разобрался, — недовольно проворчал кто-то.

— Софи! Софи! — заорала я.

Отражение дернулось. Луна улетела в сторону. Мелькнул склеп и могилы. Появилась наглая размалеванная харя той самой девки. Не раздумывая, я собрала все напряжение в кулак и двинула ей промеж глаз. Опять трянуло, да так, что я чуть не потеряла сознание. Когда открыла глаза, первое что увидела — Софи, лежащую ничком на траве. Я вскочила и подбежала к ней.

— Боже мой!

Только бы с ней все было в порядке!

Я упала на колени рядом с Софи, бережно подняла ее голову, убрала с лица растрепавшиеся рыжие локоны. Ее глаза были широко распахнуты и совершенно ничего не выражали.

— Господи Боже, да что вы с ней сделали?! Софи! — я слегка похлопала ее по щекам. Они были белыми... как у покойника!

Рядом опять возникла патлатая девка. Глаза у нее слезились, а по щекам чернели пятна размазанной косметики.

— С ней все будет в порядке, — гнусаво сказала патлатая. — Я помогу, — она потянулась к Софи.

Я оттолкнула ее.

— Отвали! — прорычала я и захлопала Софи по щекам. — Пожалуйста, пожалуйста очнись!

Девка опять попыталась подобраться к Софи, но та вдруг громко выдохнула и быстро заморгала, а потом выпалила:

— Вау! Прямо, как в фильме ужасов. Круть!

— Шон, по-моему, ей понравилось, — загнусавила девка.

— Че?! — недовольно отозвались из темноты.

— Софи, ты меня так напугала! — я крепко обняла подругу.

— Эй, полегче! — Софи оттолкнула меня и привстала.— Где зеркало?

— Вон там, в траве, — махнула рукой патлатая.

В отражении появился Шоно. Он шел прямо на меня. Теперь-то я его узнала.

— Шоно, лучше не подходи! — попыталась предупредить девка, но этого гада уже никто бы не спас. Я подобрала с земли камень и зарядила им в Шоно. Тот схватился за ребра и остановился.

Подбежала Софи и взяла зеркало.

— Мы уходим, — пролепетала она.

— Пока нет, — ответила девка по-французски. Она мотнула головой и пышной черной шевелюры как не бывало. — Мне нужно поговорить с Надей.

Так это он?!

Я встала между парнями и Софи.

Они ее больше не тронут!

— Тим, зачем ты украл Вышеградский кодекс? Почему работаешь с ублюдками, которые заставили нас пойти на преступление, чуть не убили меня?

Тим молчал и нервно кусал губы.

— Нади, что ты сказала? Теперь нас не отпустят, да? — прошептала Софи.

Вдруг из-за гробницы в соседнем ряду вышла фигура в белом и начала удаляться по аллее, захватывая лапами плаща сгустки белой хмари под ногами. Софи тоже заметила фигуру.

— Белая пани! — дрожащим восторженным голосом пролепетала она. — Я про нее читала... Фантом!

Фигура в белом с темными кругами вместо глаз оглянулась.

— Беги, Софи! — крикнула я подруге.

Софи пулей сорвалась с места и с воплями и визгом понеслась прямо на приведение. Белая пани подпрыгнула, заорала так, что наверняка услышали на другом конце кладбища, и, спотыкаясь о полы своего одеяния, кинулась удирать по аллее. Со стороны главного входа послышалось еще несколько испуганных возгласов.

.....

Софи бежала не останавливаясь. Я умоляла ее хотя бы убрать зеркало в карман, но она не слышала. Мелькали улицы, машины, прохожие, брусчатка, темное небо... Наконец, силы Софи иссякли, и она повалилась на лавочку под фонарём.

Голова раскалывалась. Синяков и ссадин не наблюдалось, но я их явственно чувствовала.

— Ты молодец! — выпалила Софи, тяжело дыша. — Так с этими мужиками и надо. Лучшая защита — нападение. А то, понимаешь, прогнал и слушать не стал. Еще посмотрим, кому оправдываться придется.

— Софи, если бы это было главной проблемой... Ты не знаешь этих людей. Это мафия, понимаешь... А если и о тебе узнают?.. Ты ведь теперь тоже свидетель.

— Нда, не рассчитывала я как-то...

— Зря я так с ним... Если он этим занимается, значит другого выхода нет. Ведь я сама его подставила... Это я его подставила, Софи! Если бы я не послушалась, если бы не испугалась, он был бы свободен сейчас, а...

— А ты погибла, и он никогда бы не простил себя, что дал этому случиться.

Я только шмыгнула носом.

— Это так! — продолжала Софи. — Ты за своими соплями и переживаниями не видишь очевидных вещей. Найди его! Поговорите и выясните все наконец. Если любит, поможет и все ради тебя сделает. Ради меня мой бывший курить бросил. Ты знаешь, чего это стоит?

— Блин, Софи!

— Мы, правда, все равно расстались, и теперь он опять курит.

— Капец, подруга! Я ей про такие проблемы, а она...

— Слушай, это было так крутецки! Прямо оргазм мозга!

— Ты про что?

— Этот Шоно, он что-то сделал... Мне так страшно еще никогда в жизни не было!

У меня отвисла челюсть от такого заявления.

— Тебе было так страшно, что это был оргазм мозга?

— Ну да... — мечтательно отозвалась Софи. — Научишь, как сказать по-русски «ты классный»?

[1]Извините! Мне очень жаль! (перевод с французского)

Я сидела на перилах моста, свесив ноги в бездну. Подо мной плескался океан. Вокруг кружили птицы. На вершине черной башни мерцала дверь. Она зажглась пару часов назад и с тех пор не гасла.

Он ждет...

Я спустилась на мост и направилась к башне, на ходу приглаживая волосы. Хотя какая разница, все равно растреплются, как только войду в отражение. Раньше надо было думать, когда в полицию собиралась. Кто же знал? Белые кеды, рубаша в клетку и короткие джинсы с рваными коленками. Хоть бы глаза подкрасить догадалась.

Я замерла перед дверью.

Гадство! Руки дрожат.

Решено!

Я сделала шаг и вошла в отражение.

В комнате было тихо. За окном чуть розовело утреннее небо. Тим лежал на постели, уткнувшись лицом в подушку. Он успел переодеться и смыть свой дикий макияж.

Не дождался. Уснул.

Я огляделась. Мебели практически нет. Низкая кушетка, пара стульев да широкий письменный стол, зажатый между огромными музыкальными колонками.

Я прошла по комнате.

На столе плоский монитор, пара микрофонов, какой-то прибор с множеством рычажков и бегунков, еще какие-то приборы... Рядом две книги, вложенные одна в другую, скрепки, отвертки, разные мелочи. Остальное пространство столешницы завалено музыкальными дисками. Из картонной коробки под столом извержение проводов, рядом системный блок, возле него развалились белые кроссовки. На полу бордовый персидский ковер с густым упругим ворсом, создающий в комнате подобие уюта. Стены пустые, не считая календаря с голыми девками, открытого почему-то на октябре. В углу комнаты, возле окна черный футляр, надо думать, от виолончели. Рядом на полу у стены пара стопок с какими-то тетрадами, из которых языками торчат обрывки бумажек. Я подошла и выдернула одну бумажку. Ноты...

Тим дернулся во сне и смял в кулаке простынь. На переносице проступила морщина, скулы напряглись.

Как он похож теперь на того мальчика, которого я помню. В лице опять что-то детское, знакомое, любимое. Полные губы, широкие скулы, и глаза за закрытыми веками, должно быть, те самые. А вот руки с напряженными венами и выпуклыми мышцами уже приобрели характерную мужскую рельефность. Другие руки, незнакомые. Такие не вздрагивают от несмелых прикосновений...

Я невольно залюбовалась им. Вообще терпеть не могу восторженных всхлипов да и внешняя красота меня мало интересует. Он привлек не красотой, а... грустью. В его глазах стояла совсем недетская печаль. Он уже знал что-то такое, чего и я и мои одноклассники знать не могли. Хотелось обнять его, как ребенка.

Я положила ладонь на плече Тиму. Он резко вскочил и обвел комнату мутным взглядом.

— Ты здесь?!

— Закрой глаза, — прошептала я. — Помнишь, ты всегда так делал.

Его ресницы медленно поползли вниз.

— Я как слепой, — выдохнул он. — Ты рядом, а я не могу разглядеть.

— Зато я вижу.

Я подошла совсем близко и легко коснулась его щеки. Тим молниеносно поймал запястье, притянул к себе и обхватил меня сильными руками, так что из груди выбило воздух. Он жадно перехватил мой выдох... Нас понесло куда-то с бешеной скоростью. Тяжелое, отчаянное желание бушевало в нем, прорываясь в движениях, в выражении лица, в звуке его неровного дыхания. Я задыхалась от такого натиска. В груди пылало. Стало страшно, что Тим задушит, задавит своим неистовством. Но вдруг он отстранился и грубо оттолкнул меня.

— Нет! — выдохнул он. — Давай... давай просто поговорим, ладно? — неловкими движениями он попытался оправить перекошенную рубашку.

— Ладно, — растерянно отозвалась я, все еще приходя в себя от случившегося. Его поведение менялось покруче виражей на американских горках.

— Хорошо, — он еще раз судорожно выдохнул. — Хорошо... Я от тебя, как под наркотой. Мысли разбегаются.

— Что?

— Блин, чего только я не пробовал, лишь бы забыть тебя! — он зарылся пальцами в волосы и заходил по комнате.

Я почувствовала, как задрожали губы.

— Я тобой болею и не знаю, как с собой справиться! Это ведь все назло тебе! Я стал таким назло тебе, понимаешь?! Я от тебя в бешенстве!

Его слова летели в меня, как фарфоровые тарелки, отдаваясь бряцающим звоном в голове.

— Прости... Я ничего не могу изменить. Что же теперь делать?

— Что делать? — прорычал он. — А вот что: я даю тебе один шанс, всего один шанс уйти. Уходи сейчас и больше не возвращайся!

В глазах защипало.

Нельзя!

— Но, если решишь остаться — будешь моей. Моей навсегда! Больше не отпущу. Я тебя из-под земли достану и заставлю себя любить! Ты знаешь, я могу!

Он пригвоздил меня взглядом.

— Решай!

Он протянул руку к зеркалу.

— Решай!

И прежде чем кулак успел сжаться, я вложила пальцы в его ладонь.

.....

Мы сидели на кровати, тесно прижавшись друг к другу и смотрели, как занимается рассвет. Солнце красным дрожащим пятном выползло из-за крыш соседних домов. День обещал быть жарким.

— Тим?

— Угу.

Его подбородок уткнулся мне в шею.

— Ты здорово играешь на виолончели.

— Я почувствовал тебя в толпе. Почему не подошла тогда? Все было бы иначе.

— Не узнала. Потом поняла.

Я коснулась его шершавой щеки. Она вмиг стала гладкой.

— Так лучше?

Его ладонь легла поверх моей.

— Ты изменился. Стал таким... взрослым.

— Много времени прошло.

— Теперь ты знаешь ноты.

— Теперь я много чего знаю.

— И французский?

— И французский, и английский, и чешский, и... короче, не важно.

— Когда ты успел?

— Ну, оказалось, я могу быть довольно способным, когда хочу кому-то понравиться.

Лучше расскажи, как вы с подругой очутились на кладбище? Только не говори опять, случайно.

— Нет, не случайно. Я была в отражении, когда вы спорили с Шоно. Ну... когда он хотел выкинуть твое зеркало.

Тим кашлянул.

— Мне жаль, что ты видела меня таким.

— А мне нет.

— Обычно я не такая размазня.

— Знаю.

— Что это? — Тим принялся ощупывать мое запястье.

Он потянулся к зеркалу. Комната поплыла. Окно пропало.

Тим разглядывал в отражении мою руку. От запястья под закатанный рукав змейкой убегал шрам.

— А, да это... — я попыталась раскатать рукав, но он будто приклеился к руке.

— Ты хотела?..

Я отвернулась.

Зачем он так смотрит?

— Нет, я бы не смогла...

— Расскажи мне.

Он выслушал мой сбивчивый монолог и улыбнулся первый раз с того момента, как мы встретились.

— То есть теперь тебя зовут Надина Серова?

— Угу.

— Что будем делать, Надина Серова?

— Не знаю, Тим. Ты ведь все еще Тим?

— Да уж, Тимофей Невинный... У меня сейчас много имен.

— Меня допрашивали...

Он насторожился.

— Уже?

— Я не сказала полиции ничего конкретного. Тим, нельзя ли как-нибудь вернуть книгу?

— Да как ее вернешь теперь? У меня ее давно нет.

— Просто... Я ушла в отражение прямо в комнате допросов.

— Ты не можешь вернуться?

— Может и смогла бы, но твои... боссы уже знают про стартовое зеркало и собираются его забрать, как в прошлый раз. Может я опять нужна для чего-то.

И я рассказала ему о подслушанном разговоре между плюгавым Семеном и Виктором Валентиновичем.

Тим вскочил и начал ходить по комнате.

— Забираем зеркало сегодня же. В полицейский участок я войду без проблем, — начал он рассуждать вслух. — Но это ж не просто зеркало. Это окно... Хм. Надо его демонтировать и вынести. Где находится этот участок?

— Недалеко от метро Народни Тржида.

— Ага. Допросная, та что в пржиземи?

— Это как?

— На первом этаже?

— Нет. Мы, кажется, поднимались на один выше.

— Так, нужен Шоно и желательно еще кто-нибудь. Где этого черта носит?! Так, так... Нужен чистый фургон. Ну это я устрою. Инструменты, присоски и держатели для стекла... Нам нужен шофер. Твоя подруга водит?

— Да, кажется...

— Так, я звоню Шоно, а ты предупреди... Софи? Пусть ждет в шесть вечера на Вацлаваке под конем.

— Тогда я пошла.

— Постой!

На лице Тима читался испуг слепого, потерявшего ориентир.

— Что?

— Ты ведь вернешься?

Я быстро подошла и обняла его.

Я вышла в зазеркалье и побежала вниз по лестнице черной башни. Софи наверняка уже ждет.

Не успела я спуститься на один этаж, как выход преградили птицы.

— Чего вам надо? Уходите! Отваливайте!

Птицы били крыльями и цепляли меня за штаны и рубаху. Я попятилась и уперлась спиной в дверь.

— Да отстаньте вы! Я опоздаю!

Одна из тварей тяжело вспорхнула и сильными когтистыми лапами толкнула меня в отражение. Я плюхнулась на что-то мягкое.

Впереди два кресла, обтянутых бежевой кожей. Приборная панель, напичканная электроникой.

Салон автомобиля?

«Через сто метров поверните налево» — сказал механический женский голос.

Я заметила себя в боковом зеркале и поспешила стать невидимой.

Шофер весь в черном и с гарнитурой в ухе повернул руль. Машину качнуло, и я чуть не налетела на темноволосого мужчину лет тридцати, сидящего на заднем сидении рядом. Он смотрел прямо на меня, сквозь меня...

— Вот здесь полный отчет, — сказал он.

Бледное, но не лишённое привлекательности лицо. Угрюмый взгляд. Тот самый голос — бархатный простуженный тембр!

Мужчина протянул пухлую папку Виктору Валентиновичу.

— Подопытный С38 скончался сегодня ночью.

Виктор Валентинович принял папку, всем видом выражая недовольство.

— Ну, что скажешь? — резко спросил он.

— Анализ дифференциальной экспрессии генов до и после стимуляции показал изменение активности сразу порядка пятидесяти генов. Кроме того, заработало около двадцати псевдогенов на самых разных хромосомах. На прошлой неделе мы сделали новые тесты, активность псевдогенов возросла в два, а то и в три раза. Началась инициация. Появились кое-какие способности. В отчете все описано. На диске несколько видеороликов.

— И что на этот раз пошло не так?

— Думаю, в следующий раз нужно уменьшить дозу мутагена и, возможно, попробовать другие наркотики. Сам процесс стимуляции вызывает глубокую депрессию.

— Так и должно быть.

— Да, я знаю. Мы пытаемся рассчитать точные дозировки для каждого конкретного испытуемого.

— Плохо пытаетесь, — жестом богатой дамы Виктор Валентинович смахнул невидимую пылинку со штанины и уставился в окно. — Ты очень огорчаешь меня, Влад.

Молодой мужчина, которого называли Владом, тоже отвернулся. Его пальцы впились ногтями в мягкую кожу сидения, оставляя на ней белесые полосы.

— Отец, я делаю все возможное. Я лично заинтересован в положительных результатах, ты же знаешь.

Оба помолчали.

— Я создал все условия, — устало сказал Виктор Валентинович, — видит бог, я все для тебя сделал, Влад... Ты не сосредоточен, не уверен в себе, тебе нужно научиться расставлять приоритеты.

— Я всю свою жизнь посвящаю исключительно воплощению твоей мечты, — холодно отозвался Влад.

— Вот именно! — гаркнул Виктор Валентинович так, что я вздрогнула. — Это должно было стать ТВОЕЙ мечтой и делом ТВОЕЙ жизни! Дай волю, ты выйдешь на Карлов мост бренчать на гитаре и горланить для быдла.

— Но ему-то ты позволяешь... — голос Влада задрожал.

— Да. Ему многое позволено и многое прощается, потому что за ним будущее! Он, в отличие от тебя, со своими задачами справляется.

— Хорошо же справляется...

— Его ошибки по сравнению с твоими ничто! В последний год мы заработали много благодаря ему. Ни одной проваленной операции. Незаменимый на переговорах, все сделки исключительно в нашу пользу. Твоя лаборатория, эксперименты... Ты же благополучно спускаешь средства в унитаз. Ни малейшего прогресса! Уж и не вспомню, когда ты приходил с хорошими новостями.

— На вокзале его видел в таком состоянии... — Влад брезгливо поморщился.

Виктор Валентинович хлопнул по сидению.

Влад отвернулся к окну.

— Ненавижу... — чуть слышно процедил он.

.....

— Ну, теперь-то пропустите?

Когда я вышла из отражения, птицы все так же толпились на мосту, но уже не обращали на меня внимания. Я с опаской протиснулась между ними и помчалась на площадь.

Софи сидела в нашей комнате.

— Eh bien, quoi? Quoi? Quoi?! — она запрыгала от нетерпения.

Я засмеялась.

— Софи, перестань квакать.

— Ну и ладно, — подруга насупилась.

— Не обижайся.

— Рассказывай, — буркнула она, все еще дуюсь.

— Ну мы поговорили...

— И?

— И все прояснили.

— И?

— И сегодня вечером собираемся выкрасть из полиции мое стартовое зеркало.

— Quoi?!

— Нам нужна твоя помощь. Кто-то должен вести машину.

— А Шоно участвует?

— Ну да.

— Тогда я в деле!

.....

Софи собиралась целую вечность. Когда она в очередной раз потребовала совета в выборе брюк, мое терпение иссякло.

— Не опоздай! И зеркало не прячь. Нужно проверить кое-что, — предупредила я и ушла в свой город.

Каждый раз возвращаясь из отражения я замечала, как мир зазеркалья становится шире, сложнее и разнообразнее. Новые башни самых причудливых форм и расцветок, немислимые переходы и мосты, плавно перетекающие в галереи в лучших традициях Эшера и Гонсалвеса, деревья, растущие и вверх, и вниз, водопады, которым неведома сила притяжения...

Скала преобразилась до неузнаваемости, обросла переходами и галереями, а камень скрылся за густыми зелеными лианами. Где-то там прячется выход в стартовое зеркало. Я знала, эта дверь останется на прежнем месте до тех пор, пока не вернусь в свое тело.

Миновав мост, я попала на круговую галерею и по ней взошла на вершину скалы. Моя дверь, как и прежде, стояла выше всех, обдуваемая ветрами с океана. Она мерцала неровным красноватым светом. Я попыталась войти, но на входе будто натянули сетку.

По коже пробежал легкий холодок.

Если в допросной комнате нет света, то откуда эти красные отблески? А если свет есть, почему я не могу войти? Что-то происходит с зеркалом... Надо спешить!

«Ну что, что, что?!», произносится как «э бьен, ква, ква, ква?!» (перевод с французского)

Мауриц Корнелис Эшер — нидерландский художник-график, самый яркий представитель имп-арта, Известен прежде всего своими концептуальными литографиями и гравюрами, в которых он исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия сложных трёхмерных объектов.

Канады Роб Гонсалвес — канадский художник, работающий в стиле магического реализма-сюрреализма. Картины Гонсалвеса — это всегда волшебное объединение миров, незаметные метаморфозы, перетекание объектов из одной ипостаси в другую.

— Куда ж ты топишь! — Шоно резко затормозил, крутанул руль и опять начал разгоняться.

За то время, пока меня не было, парни раздобыли фургон для перевозки стекла, на боку которого крупными синими буквами значилось «Sklenářství Chodov». Такие же надписи красовались и на серой униформе, в которую облачились Тим и Шоно. Тим очень мало походил на парня, с которым я разговаривала всего пару часов назад. Узкое лицо, мутные невыразительные глаза, тонкие губы в трещинках и заросшие щетиной щеки. Вот только кисти рук с тонкими длинными пальцами и аккуратными ногтями никак не походили на руки строителя-стекольщика. Шоно нацепил кепку, спрятав под ней выдающуюся шевелюру. Тим попробовал добавить что-то еще к его облику, но Шоно отмахнулся, заявив: «Да китайцы все на одно лицо!».

Инструменты погрузили в фургон, и теперь мы ехали на Вацлавак за Софи.

— У нас сегодня что, парад уродов?! Куда по встрече прешь, идиот? — опять воскликнул Шоно. — Ну что дружочки, как у вас дела-то? — вдруг спросил он, обращаясь исключительно ко мне. — Ну в плане...

— Те че надо? — резко перебил Тим.

— Надь, да не тушуйся, дело-то житейское. Митя пошел на митинг, а Петя пошел на...

— А Митя — это кто? — я совсем растерялась.

— Заткнись! — рявкнул Тим.

— Я к тому, что в вашей ситуации вариантов не много, — Шоно подмигнул мне в зеркало заднего вида.

— Да ты достал! — взорвался Тим. — Сиди и рули!

— А что вы, как малолетки, за ручки держаться будете?

Ах вот он о чем...

Я всегда умудрялась краснеть моментально.

— Ну, ребятки, кто ж вас научит, если не дядя Шоно. Хотя, Тимон уже многоопытный, справится...

По лицу Тима пробежала судорога. Он сжал зубы и саданул Шоно в бок.

— Я же за рулем, идиот! — прохрипел Шоно и схватился за ребра.

Отражение качнуло, и я чуть не завалилась.

— Руль держи!

— Да держу, бл...

Вот и поговорили.

А в голове заевшей пластинкой заикалось «многоопытный-многоопытный»...

— Нарву цветов, — завопил Шоно, — и подарю буке-е-е-ет, той девушке, которой больше нет!

Тимофей помотал головой и отвернулся к окну. На меня он так и не взглянул.

Мы подъезжали к Вацлавску.

— Притормози, — сказал Тим, — вон она, кажется.

Я не сразу узнала Софи. Вся в черном: водолазка, джинсы, кеды, кепка... Только волосы, собранные в пышный хвост на затылке, горели на солнце. Подруга сидела на ступеньках под статуей Святого Вацлава и нервно постукивала ногами.

— Какая она... — буркнул Шоно под нос, не отрывая глаз от Софи.

— Какая? — Тимофей вскинул бровь.

— Ничетакая, — ответил Шоно.

— Ей про Петю рассказать не хочешь?

— Отвали!

Тим выглянул из машины и громко свистнул. Софи, помедлив, поднялась и направилась к фургону.

— Привет, — сказала она по-русски, нисколько не картавя. — Как дела?

— С фургоном справишься? — спросил Тимофей.

Я позавидовала его произношению. За три года я хорошо поднаторела во французском, но Тим говорил совсем без акцента.

— А то! — весело отозвалась Софи.

— Отлично.

Тимофей коротко проинструктировал подругу и дальше мы ехали молча. В воздухе искрило напряжение.

Через несколько минут мы были на месте. Я увидела серый угол здания полиции с зарешеченными узкими окнами.

— Тимон, смотри, — Шоно мотнул головой в сторону слепой зоны.

— Черт!

Парни засуетились.

— Что там? — спросила я, но они не обращали на меня внимания.

— Бери вот эти инструменты и пойдем, — Шоно бросил Тиму сумку. — Все остальное оставляем здесь, походу уже не пригодится.

— Че делать будем? — напряженно спросил Тим.

— Разберемся. Рыжая, приготовься! — бросил Шоно по-русски, но она, кажется, и так поняла. Вид у нее был слегка ошалевший.

— Что там, Софи?

— У входа запаркован синий фургон, примерно, как у нас.

Внутри все похолодело.

— Я должна быть там!

Я выскочила из отражения и помчалась к скале. Нужно проверить те зеркала, что ближе всего к стартовому.

.....

Пустой кабинет. Не то.

Здесь? Улица. Не то.

Вот они!

Тим взлетел по лестнице и скрылся за поворотом. Шоно за ним.

Дальше. Искать.

Коридор. Пусто.

Кабинет. Не то.

Нет! Стоп!

Мужчина в синем комбинезоне (точнее нижняя его часть, что отражалась) стоял на стремянке и придерживал двумя присосками огромное стекло. Удалось разглядеть только самый краешек.

— Немного вправо! — деловито сказал кто-то. — Да, так нормально. Встало!

Из соседней комнаты послышались еще голоса. Вдруг крикнули:

— Мужики, здесь вампиры!

Тут должно быть другое зеркало!

Я выскочила в зазеркалье и тут же ворвалась в следующую дверь.

На полу два незнакомых парня корчились в страшных судорогах. Рядом Шоно.

А потом я увидела Тима. Он смотрел прямо на меня и кричал:

— Держи зеркало!

— Я? Но как?..

— Тимофей, будет только хуже, — послышался чей-то голос из под стола. —

Послушай...

— Держи зеркало! — дико завопил Тим.

Толчок. Меня сильно тряхнуло.

Лицо Тима исказилось, он вскинул руки и бросился вперед.

Пространство вокруг начало крошится и опадать. А в следующий миг меня выбросило в зазеркалье.

Вокруг целая россыпь дверей, которых не было еще пару минуту назад.

Я бросилась в другое отражение.

— Уходим, уходим! — услышала я призыв Шоно.

Весь пол был усыпан осколками стекла. В пустом проеме окна стоял Семен.

— Парни, — сказал он спокойно и деловито, — давайте быстро уберем тут, пока весь участок не сбежался.

.....

— Здесь, здесь! — по крапчатым щекам Софи бежали ручейки слез. Она крутанула руль.

Послышался визг тормозов. Картинка за окном остановилась.

В отражении появился Шоно. Он был мрачен. Протянул ко мне руку. Зеркало тряхнуло и бросило в сторону. Показался Тим.

— Ты?.. — прохрипел он не своим голосом. Глаза бегают. Щека заштрихована порезами в кровавых подтеках. — Они разбили зеркало!

— Мое зеркало?

— Да... Я... Я не удержал! — из его глаз потекли слезы. — Прости, я не удержал его! Эта сволочь пряталась за стеклом, и я не смог сделать внушение!

— Нет, Тим, нет! Оно цело.

Я схватила его за руку, притянула к себе.

— Но я видел...

— Мы оба видели! — встрял Шоно.

— Дверь на месте. Она темная, но на месте. Зеркало в порядке.

— Значит, нет? — растерянно переспросил Тимофей.

Он отстранился, утерся рукавом и сосредоточился.

— Софи, *faire un demi-tour!*

Взвизгнули шины. Софи резко сдала назад.

«Стекольщики Ходов» (перевод с чешского).

Разворачивай! (перевод с французского)

Когда мы вернулись к участку, синего фургона у входа уже не было.

— Идиоты! Шоно, мы полные кретины! — Тим ударил кулаком в панель.

— Согласен, — мрачно отозвался Шоно.

Софи медленно проехала здание полиции и свернула на соседнюю улицу. Вдруг она взвизгнула, вцепилась покрепче в руль и нажала педаль газа.

— Là-bas, voir! — воскликнула Софи, — Они едут к выезду на автостраду.

— Давай за ними! — скомандовал Тим.

— Нас заметят, это бесполезно, — отмахнулся Шоно. — В этом фургоне мы, как чирей на носу.

Софи преследовала фургон, ловко обгоняя машины впереди. Синий фургон набирал ход.

— Я могу попробовать пробраться в боковое зеркало машины и...

Меня перебил отчаянный визг электрогитары. Грубый голос захрипел что-то невразумительное.

— Уже заметили, — прорычал Тим.

Он полез в карман за сотовым.

— Они? Включи на громкую, — попросил Шоно.

— ВВ... — сказал Тим и зажмурился.

— Сам? Блин, влипли мы по самое не балуйся! Ну, че ждешь? Отвечай!

Тимофей неуверенно поднес телефон к уху.

— Да. Я, — пауза. — Нет. — пауза. — Нет... Понял.

Тим побледнел.

— На громкую, — прошипел Шоно.

— Тимофей, — услышали мы мягкий вкрадчивый голос. — Я отношусь к тебе, как к сыну. Лучше, чем к сыну. Ты меня понимаешь? Если тебе нужна девушка, она у тебя будет. Любая девушка, какую только захочешь. Зачем пороть горячку?

Почему он молчит? Почему позволяет этому типу так говорить?

— Все, ради твоей безопасности, — продолжал голос из трубки. — Она свидетель, очень опасный свидетель. Из-за своих подростковых эмоций ты, возможно, не понимаешь всю серьезность ситуации.

— Я отлично понимаю серьезность ситуации. Если вы вернете зеркало, все будет как прежде. Вы можете на меня рассчитывать, — голос Тима звучал как-то слабо, неуверенно.

Да что с ним?!

— Как прежде, быть уже не может. На кону слишком большие деньги, слишком серьезные обязательства перед серьезными людьми. Мы взялись за это дело и должны довести до конца. Тимофей, мы обсуждали... Эти нелепые чувства просто недостойны тебя. Мне казалось, ты понимаешь.

Тим молчал. Он сжимал трубку так, что костяшки пальцев походили на кусочки мела.

Я приблизилась к его отражению и взяла его за руку. Он вздрогнул, будто проснулся. Посмотрел на меня серьезным, вдумчивым взглядом и мягко высвободил руку.

— Что я должен сделать? — спросил он.

— Возвращайся. Поговорим и решим все наши проблемы.

Шоно покачал головой и фыркнул.

— И Шоно пусть приходит.

— Сейчас! — одними губами сказал Шоно.

— Хорошо, — Тимофей отключился.

— Софи, при первой возможности съезжай с автострады, — сказал Тимофей по-французски.

— Мы больше не будем их преследовать?

— Нет, не будем.

Софи насупилась и продолжала ехать вперед.

— Это бесполезно. Мы не узнаем, куда везут зеркало. Съезжай! — раздраженно приказал Тим.

— Нет, узнаем! — меня взбесил его покорный тон. — Я найду в фургоне другое зеркало и прослежу, куда они едут.

— Нельзя этого делать, — возразил Тим.

— Но почему?! Они меня не увидят и даже не узнают...

— Уже знают, — спокойно возразил Шоно.

— Если мы не прекратим слежку, твоё тело заберут из больницы прямо сейчас, — добавил Тимофей. — ВВ сказал: «Мне все равно, выбирай, зеркало или тело...» Нельзя рисковать.

— То есть мы ничего не можем сделать?

— Мы придумаем что-нибудь, — но голос Тима звучал совсем не обнадеживающе. — Софи, freins!

Софи посмотрела на меня вопрошающе. Я нехотя кивнула. Тогда она сбавила ход и скоро свернула к выезду. Мы так гнали, что успели оказаться в пригороде. За окном мелькали частные двухэтажные дома.

— Ну и что? Какой план? — спросил Шоно. Он запихал в рот большой палец и начал откусывать ноготь. Но тут же выдернул руку изо рта, встретившись взглядом с Софи.

— Я должен вернуться, — ответил Тим.

— А я, пожалуй, повременю, — отозвался Шоно. — Подстрахую, если вдруг что.

— Согласен. Найдешь, где перекантоваться?

— Не думай об этом.

.....

Шоно и Софи сошли на автобусной остановке. Тим развернул фургон и поехал назад. Он напряженно молчал, а я не знала, как к нему подступить.

— Тим... — решила я.

— Сейчас... сейчас... мне надо подумать.

— Зачем ты к ним возвращаешься? Ведь Шоно...

— Потому что я могу, а Шоно не должен рисковать. Ему могут не простить.

— А тебе?

— А мне простят. Все дело в том, кто сколько стоит...

— Ты так говоришь, будто вы вещи.

— Для них так и есть. Я — вещь подороже, Шоно — подешевле. Я пытаюсь сообразить, как набить себе цену, чтобы стоять дороже, чем ты и твоё зеркало.

— Я — дороже тебя?

— Ты — дороже всех.

Тим надолго замолчал. Его руки механически переключали скорости и поворачивали

руль. Случайно включенные дворники истошно скребли сухое стекло, но Тим продолжал ехать, не замечая ни противного звука, ни мельтешения перед глазами.

— Почему он так ко мне относится? — вдруг сказал Тим.

— Кто?

— Сын его разочаровал. Понятно, во мне он видит того, кем не стал Влад. Но есть что-то еще... Я должен знать, что еще скрывается за этой привязанностью. Почему я дороже, чем Влад?

— Ничто не может быть дороже собственного ребенка, — возразила я, поняв о ком он.

— Собственного ребенка... Именно! Его собственного ребенка. Только другой собственный ребенок. Ведь он почти сказал мне тогда... почти сказал...

— Что сказал?

— Он думал, я совсем обдолбанный и ничего не соображаю, — продолжал Тим. — Нет, я все отлично помню. Мне не приглючилось, как он хлестал меня по щекам и орал: «Моя кровь не может дойти до такого свинства!» Он сказал: «моя кровь»... Я все думал и думал, зачем он так сказал? А теперь вспомнил, что видел его... видел много раз, еще до Праги, в Зауральске, и в Горянке, и до того. Он появлялся, когда было труднее всего. Теперь я знаю, сколько на самом деле стою...

Вон там, смотрите! (перевод с французского)

Тормози! (перевод с французского)

Навалились сумерки, и в отражении стало тесно. Тишина между нами загустела и приобрела зловещей привкус. Вспышка озарила лицо Тима. Рядом оглушительно ухнуло, так что занули стекла в машине.

— Вау! — Тим оживился. — Молния! Ударила прямо в дорогу!

Отражение качнуло.

— Что происходит?.

— Ветер поднялся. Похоже, сейчас ливанёт.

Скоро в стекла и крышу фургона, будто пальчиками, забарабанили тяжелые капли. А потом в один миг началась такая чечётка, что ничего кроме раскатов грома уже нельзя было расслышать.

— Надо остановиться! — прокричал Тим. — Свернем на заправку.

Он сбавил ход, и огни за окном перестали подмигивать. Мы остановились.

— Какая гроза классная! Весь день жарило и, наконец, прорвало.

Тим пересел на пассажирское сидение, потом установил зеркало напротив, так что теперь он отражался целиком.

Мне стало как-то не по себе. Мы вдвоем в машине... Снаружи — дождь.

— Что будем делать? — спросила я.

Мои руки, не зная куда себя деть, теребили закатанные рукава рубахи.

— Иди поближе. Я не слышу. Такой грохот стоит.

Его лицо, суровое и отстраненное еще несколько минут назад, теперь радостно светилось.

— Иди сюда.

Я протянула руку. Тим мягко привлек меня к себе на колени, обхватил ладонями затылок и шею. По позвоночнику пробежала горячая волна. Я вздрогнула, невольно выгнулась вперед и еще тесней прижалась к нему. Он судорожно выдохнул, обжег дыханием ямочку меж ключиц. Его прикосновения обволакивали теплом. Казалось, я утонула в его объятиях. Я чувствовала, как напряжение между нами растет с каждой секундой. Отчаянно хотелось большего. Но когда в очередной раз он попытался стянуть с меня ненавистную рубаху, я поймала его руки и прошептала:

— Это бесполезно, здесь только то, что отражалось.

Он обнял меня, уткнулся лицом в волосы и затих.

— Мы стали старше, поцелуев уже недостаточно.

— Ну что ты! Конечно достаточно! — слишком поспешно отозвался Тим.

— Нет...

В голове зудели слова Шоно. Я знала, что не нужно об этом спрашивать, но не спросить было так же невозможно, как оставить в покое и не сковырнуть подсохшую болячку на коленке.

— Ты действительно настолько... опытен? Ну я имею в виду...

Вот дура!

— Гм... Ну скажем... я довольно усердно старался тебя забыть.

«Усердно» — еще одно слово, которое теперь из головы не вытравишь.

А чего ты хотела? Чтобы он оставался верен призраку из зеркала? Но ведь я-то... даже

не целовалась ни с кем, кроме него.

Мне захотелось отстраниться, но он удержал.

— Просто, я в этом плане... ну ты понимаешь... осталась все на том же уровне, и, боюсь, не смогу тебе соответствовать.

Провалиться бы мне сквозь землю!

Он посмотрел на меня и сонно улыбнулся.

— Я бы расстроился, если бы ты... перешла на другой уровень без меня.

— Ты все еще понимаешь, о чем мы говорим?

— Не уверен.

Мы оба рассмеялись.

.....

Мы сидели в фургоне и молча слушали дождь. У неба сегодня был траур, оно рыдало навзрыд и никак не хотело успокаиваться.

С Тимом тоже что-то происходило. Он выглядел обеспокоенным, поминутно тер виски, вздрагивал и ерошил волосы.

— Тим, ты дрожишь?

— Да, есть немного.

— Тебе плохо?

— Нормально. Я просто давно не... пополнял запасы энергии. Как-то все не до того было, а меняться пришлось много, — он кинул виноватый взгляд в зеркало. — Мне, наверно, придется уйти ненадолго.

— Куда пойдешь? Ой! Извини. Можешь не отвечать.

— Ничего, — он нахмурился. — От этого не уйдешь. Давно надо было объяснить, кто я на самом деле. Если честно, до сих пор не придумал, как.

— Тогда не нужно.

— Нужно. Я только надеюсь, ты не возненавидишь меня.

— Ты отнимаешь любовь?

— Нет. Теперь нет. Даже когда вижу, что человеку оно не надо... любить важнее, чем быть любимым.

— А как же ты тогда?

— Гм... Ну, обычно я иду в ночной клуб, нахожу девчонку, которая ищет приключений на одну ночь. Внушаю ей чувство влюбленности. Ну, и... на следующее утро она мало что помнит.

Я не хочу об этом знать!

В глазах вдруг защипало, и в душе поднялась такая буря, что я тоже начала дрожать.

— Я... Это многое меняет...

— Мне нужны только эмоции! — выпалил Тим. — Я не обязан с ними спать!

— Однако, спал.

Между нами повисла тишина.

— Что ты чувствуешь, расскажи? — спросила я.

— Ну, сначала трещит голова, мутит или просто слабость. Потом начинают болеть кости и мышцы, иногда судороги, потом — обмороки, а дальше голодать не пробовал.

— А ты не можешь пока просто купить себе сэндвич?

Он рассмеялся.

— Не, я не ем больше.

— Как, вообще?.. И пить тебе не надо?

— Ну, пить иногда надо, но не так часто, как людям.

— А я не могу помочь? Ты бы мог немного...

— Нет! И никогда не предлагай. В любом случае, я не чувствую тебя за зеркалом, —
показалось, он выдохнул с облегчением.

— Тим, ты прости, что я так... просто... поезжай, найди себе девушку.

Я старалась говорить спокойно, но вышло наоборот.

— Нади, ты не беспокойся, — он нащупал мое лицо и погладил по щеке. — А мне нравится «Нади»... Я знаю, что делать. Нужно только дождаться утра и заехать домой за виолончелью.

— За виолончелью?

— Публика любит музыкантов...

— Уверен?

— Угу.

Я еще раз придирчиво оглядела его. Трудно было поверить, что вот такой может быть реакция на голод.

— Тим, а это не может быть?.. Ну, ты принимал...

— Нет, с этим покончено.

— Ты уверен?

— Да, я уже несколько... хм... Пару месяцев — чистый.

— Зачем ты это делал?

— Я хотел забыть... вообще все. Так, чтобы даже себя не помнить. Но, знаешь, получилось совсем наоборот. Я разговаривал с тобой часами. Были такие яркие иллюзии, что ты рядом... по-настоящему.

— И что ты принимал?

— Таблетки, лед, крек... хм... да все подряд. Мне и не важно было.

— Долго?

— Достаточно.

— А почему бросил?

Я почувствовала, как он поежился и опять вздрогнул.

— Потому что не помогло, а только усугубило все. Оставь это, ладно?

— Хорошо.

И я решила больше не спрашивать.

.....

Дождь постепенно сошел на нет. Небо на горизонте посветлело. Тим тоже затих. Он продолжал обнимать меня, но силы в объятиях уже не было. Я тихонько высвободилась, но он не проснулся. И тут я заметила, что губы у Тимофея фиолетовые. Я дернула его за руку. Он повалился на сиденье.

— Тим?.. Тим! Боже, боже!

Я развернула его, прислушалась, но не смогла различить дыхания.

Что делать?! Врача! Для вампиров?

Я хлопала его по щекам, но он не выказывал ни малейших признаков жизни.

— Как тебе помочь, Тим!?

Истерика заклокотала глубоко в горле.

Думай! Думай!

Из его кармана торчал сотовый. Я схватила телефон и дрожащими пальцами начала тыкать в кнопки.

Вот!

Ана, Болт, ВВ, Вика... Катка, Моника, Марго... Семен, Симыч, Стас... Шоно... Шоно! Я вдавила кнопку звонка. После первого гудка включился автоответчик. Мужской голос весело сообщил: «Volaný účastník hovoru nerijímá».

Что это значит!?

Надо найти Шоно!

Я выскочила в зазеркалье и помчалась к Софи. Может, она знает, где его искать.

.....

— Идиот! Как ты достал своими экспериментами! Нянька я тебе что ли?! — глаза Шоно блеснули черными огоньками. Он впился в Тима сосредоточенным вязким взглядом, но это не произвело никакого действия. Тим по-прежнему лежал, никак себя не проявляя. — Че, и это уже не помогает?

У меня затряслись руки.

Шоно стал еще мрачнее. Глаза затопило чернилами, так что белки пропали. Лицо исказилось, кожа потемнела до оливкового цвета.

Боже, он убьет его!

— Тогда твое любимое, — буркнул Шоно, опять хватая Тима за руки.

Тим выгнулся дугой, как от разряда электрошокера. Его глаза распахнулись, но зрачки тут же закатились под веки, голова запрокинулась и начала трястись.

— Оставь его! Оставь! — завизжала я и бросилась на Шоно с кулаками.

Шоно стряхнул меня и оскалился, как дикий зверь.

— Очухается сейчас, — прохрипел он, приходя в себя. Глаза прояснились

Через пару секунд Тим задыхался и резко сел.

— Я убил ее, убил... — прошептал он. На лице паника, глаза бегают.

— Никого ты не убил, кретин! Какого хера ты пожрать не можешь вовремя?! Я тебе не полевая кухня.

Я кинулась обнимать Тима.

— Ты не дышал, ты почти умер...

— Ага, — проворчал Шоно, — попробуй, убей эту сволочь. Ты опять за свое взялся? Я тебе сколько раз говорил, это невозможно? Ты у нас тупой, да?

Тим не отвечал. Он остервенело тер виски и глаза.

— Надь, и че ты в нем нашла, у него мозгов, как у ершика для унитаза!

— Шоно, уймись, — простонал Тим.

Азиат зло сверкнул глазами и треснул Тима по голове.

— Шоно, блин! Блин! — Тим сломился пополам, обхватил голову руками и спрятал ее в коленях. — Урод, бл... Чертова паскуда!

— Щас еще получишь по своему больному месту! Иди жри, сказал!

— Я на мост собирался...

— Какой, нахрен, мост! Ты на адреналине десять минут продержишься и опять откинешься. Вон девки какие-то на заправке трутся, иди прямо сейчас!

— Нет!

— Тим, иди пожалуйста, — взмолилась я.

— Да не пойду я!

— Ах ты засранец, — глаза Шоно опять налились чернотой. Тим схватился за голову, соскочил с подножки фургона и, пригибаясь словно от пуль, побежал на заправку.

Я отвернулась.

«Абонент разговор не принимает» (перевод с чешского).

Почему так? Ну почему?

Я ушла. Дождаться, пока он там флиртует с какими-то девками, не было никаких сил. Душили слезы, внутри кислота. Хотелось выдохнуть, очиститься, но не получалось.

И что, теперь так будет всегда? Он будет уходить к другим, потому что иначе нельзя? А мне ждать и надеяться, что он останется честен со мной. Мама, ты знала лучше, как будет!

Мне так захотелось увидеть родителей, и чтобы все было как прежде. Мама, папа и я... Мы жарим сосиски в кемпинге где-то на побережье в Италии. Над нами небо, полное звезд. Родители вспоминают забавные случаи из моего детства.

Где это все? Куда ушло?

.....

Мама сидела в кресле напротив зеркала. Глаза плотно сжаты. Она теребила в руках платок и поминутно прикладывала его к носу.

Мое тело было тут же, на больничной кушетке рядом. Все до боли знакомо, словно время, как пленку в кассете, перемотали на три года назад. Капельница на стойке, прибор для мониторинга частоты дыхания и сердечного ритма, игла в вене и прищепка на пальце.

Отца в палате не было.

— Мама, — тихо позвала я.

Она встрепенулась, подскочила к кушетке.

— Мама, я здесь, в зеркале.

Она обернулась и застыла.

— Мам, не бойся.

— Надя! — всхлипнула она и присела на краешек кресла. — Доченька... — она прижала ладонь к губам. По щекам побежали два ручейка.

— Мамочка, все хорошо.

Мне стало так жаль ее. Я знала, когда она плачет по-настоящему.

Я подошла ближе, присела на корточки рядом и тихонько взяла ее ладонь. Она сжала мою руку.

— Прости меня, милая, прости, — прошептала она.

— Мама, не надо. Я знаю, вы старались, как лучше.

— Все должно было быть не так...

— Я знаю. Но так получилось.

Какое-то время мы сидели молча. А потом я не выдержала. Я рассказала ей, что чувствую, и как мне больно сейчас. Наверное, глупо переживать по таким пустякам, как отношения с мальчиком, когда за тобой охотятся бандиты, на кону собственная жизнь и благополучие родителей, но ничто сейчас не волновало больше.

Мама слушала и гладила мою руку.

— Надя, он очень хороший мальчик, — сказала она. — Такой силы и мужества, как у него, не встретишь и у взрослого мужчины. Но ты должна понять, вы несовместимы. Ты должна отпустить, дать ему возможность быть собой. Его не переделаешь.

— Он будто обреченный...

— Да, милая, так бывает. Вы слишком молоды. Вы еще дети. Ты полюбишь еще, и, возможно, не один раз. Тебе сложно принять это сейчас, но поверь, так будет, так всегда

бывает. Сейчас тебе кажется, что эти чувства навсегда. В какой-то степени это действительно так, но ты изменишься, ты повзрослеешь. Ты не знаешь пока, что значит по-настоящему быть с мужчиной, жить с ним бок о бок, разделять его радости и неудачи, справляться с его проблемами. И не думай, что он не поймет и осудит. Он сам отлично понимает.

— Он ждал, мама... Все эти годы он искал меня. Он ничего не забыл.

— Надя, я боюсь, что именно ты разобьешь ему сердце. Настанет момент, когда он вынужден будет переступить через себя, он сам оттолкнет тебя. Поймет, что иного пути нет. Ты снова привязываешь его к себе, не даешь успокоиться, не даешь найти себя в этой жизни. У него другое предназначение, Надя.

— Но я люблю его, мам! У меня голова кругом, как люблю! Я все ему прощу, только пусть не гонит.

— Дочка, невозможно прощать каждый день. Такой любви не бывает. Простить, значит отпустить и забыть. Я знаю, о чем говорю.

Я уткнулась лицом ей в колени. В горле стоял ком.

— Прости, милая, прости, — мама провела рукой по моим волосам. — Мне жаль, что это случилось с тобой.

Я встала.

— Нужно идти, мам.

— Уходишь? Мы ведь так ничего не решили. И отец запропастился, — она недовольно швыркнула носом.

— Я приду опять, как только смогу. Вы берегите меня, ладно?

— Конечно-конечно, о чем ты говоришь!

— Ну я пошла, — я обняла ее на прощанье. — Мам, я тебя люблю... и папу.

.....

Может, где-то там, в будущем, мысли потекут другим руслом, чувства поблекнут, может быть, я даже разлюблю его... «так будет, так всегда бывает». А может, никакого завтра для меня нет... Есть только память и то, что я чувствую сейчас. А сейчас я сдаваться не намерена!

Дверь в зеркало Тимофея была темна и войти не получалось.

В груди засвербило.

То есть теперь он меня видеть не желает?!

Я принялась проверять подряд все двери на этажах черной башни. Четвертая попытка увенчалась успехом. Я попала в тот самый кабинет, где пару дней назад подслушала разговор между бандитами. Теперь в кресле напротив письменного стола сидел Тимофей. Вид у него был вполне здоровый.

— Давай-ка мы с тобой чаю выпьем, Тимофей. Тебе с сахаром?

Виктор Валентинович держал фарфоровый чайник, какие можно увидеть только в музеях да антикварных магазинах.

— Чаю не хочется, спасибо. Если можно, просто воды, — ответил Тим.

Он виновато смотрел в пол.

— А я, знаешь, иногда чайком балуюсь. Бодрит.

Виктор Валентинович налил себе в чашку. Потом достал из шкафа тяжелый бокал для виски, плеснул туда из графина и подал Тиму.

— Спасибо, — Тим взял бокал и поставил рядом на подлокотник.

— Сколько ты уже не ешь?

— Не помню точно. Может, года полтора.

— Это очень удобно, не находишь?

— Ну да.

— Ну, что ж, — сказал Виктор Валентинович и шумно выдохнул. — А Шоно, значит, не пришел...

— Он будет позже, — Тимофей пожал плечами, извиняясь.

— Надеюсь.

— Виктор Валентинович, можно мне забрать зеркало? — попросил Тим.

— Тимофей, меня меньше всего сейчас волнуют твои проблемы с девочками, — его доброжелательность несколько сбавила градус. — Я хотел бы обсудить вещи куда более важные.

Тим покусывал губы и щурился.

— Считаю, наступил момент, когда я должен ввести тебя в курс дела. Очень надеюсь, со временем ты станешь моим главным соратником, правой рукой. Книга — всего лишь первый маленький, но очень важный шаг в достижении глобальной, великой цели. Семен, конечно, думает, мы закупаем партию наркотиков для собственной наживы. Хочет подмять под себя всю местную мафию, быть монополистом рынка. Но меня его мелкие человеческие амбиции мало интересуют. Я расскажу тебе кое-что. Позволь начать издалека.

Так вот он какой, товар. И Тим знал... По крайней мере, удивленным не выглядит.

— Тебе известно, Тимофей, таких как ты и я по пальцам пересчитать. Да и вампиров страха немного. Но хуже всего, что каждый сам по себе. Подавляющее большинство считают себя частью человеческого стада, таких не ущемляет роль тайных паразитов. Лентяи и трусы, готовые подбирать крошки с барского стола! Люди в общей массе лишь догадываются о нас, но находят и те, кто открыто преследуют вампиров, травят, изгоняют. А должны почитать, как расу совершенных созданий, высшую ступень эволюции. Каждый из нас обладает

уникальными сверхспособностями. Право, данное вампиру самой природой, стоять на вершине общественной пирамиды. Скрываться по углам ниже нашего достоинства. Нам давно следовало объединиться в кланы. Создать новый общественный порядок. Но, к сожалению, вампиров слишком мало, чтобы заявить о себе. Проблема в том, Тимофей, что вампирами не рождаются, вампирами становятся.

— То есть, мы все-таки были людьми? — тихо спросил Тим.

— Когда был молод, как ты, — продолжал он, — по глупости своей плодил детей, думая, что все они станут преемниками, пополнят наши ряды. Как жестоко я ошибался. Мой сын Влад подавал большие надежды. Я забрал его у матери и обеспечил всем необходимым, но и он разочаровал. Влад остался человеком, хоть и ему кое-что доступно. Когда понял, что его инициация не завершилась, я отчаялся и оставил глупые мечты в прошлом. Но каково же было мое изумление, когда узнал о тебе. Ты рос, как трава у дороги, и, видимо именно поэтому, стал сильнейшим из нас. Я всеми силами старался не вмешиваться, настолько, насколько это было возможно и так долго, как только мог. Ты тот, кто не разочаровал меня, Тимофей. Ты единственный, кто не разочаровал...

Тот слушал Виктора Валентиновича с широко раскрытыми глазами.

— Ты помог вновь поверить, что наступит время, когда вампиры выйдут из тени и предъявят свои права на этот мир. Но прежде, нас должно стать больше. Проблема в том, что далеко не всех можно инициировать. Наследственность все-таки играет свою немаловажную роль, — Виктор Валентинович расхаживал по кабинету и, казалось, разговаривал теперь сам с собой. — Мы много экспериментировали, Тимофей, много. Прежде всего, Шоно был изучен вдоль и поперек, а потом и несколько других вампиров страха. Знаешь, что мы обнаружили, сравнив гены вампира и человека?

— Что же? — настороженно спросил Тим.

— Тебе известно, что такое псевдогены?

— В школе мы такого не проходили.

— Я тебе объясню. Это такие гены, которые никак не функционируют, никак себя не проявляют. Они утратили способность кодировать белок. У людей таких генов очень много. И все они молчат. Но представь себе, там, где у человека псевдогены, у вампира настоящие, работающие гены. Все сверхъестественные способности заключены в них. Вопрос в том, как разбудить псевдогены? Как заставить их работать.

Глаза Тимофея еще сильнее округлились.

— Не знаю, известно ли тебе, но для обращения и полной инициации вампиру страха нужно пережить сильнейший стресс, как психологический, так и физический. В обычной жизни такое случается не часто. Но с помощью наркотиков возможно смоделировать необходимый стресс. Хотя методика еще не до конца отработана. Долгие годы я тестировал психотропные вещества и сейчас с уверенностью могу сказать, у некоторых людей инициацию можно запустить. Однако, воздействия наркотиков недостаточно. Иллюзии должны быть во сто крат сильнее тех, что вызывает героин. Нам повезло. Шоно один из лучших, кто может мастерски усиливать любые видения.

На переносице Тима мелькнула морщинка, но тут же разгладилась. Он продолжал слушать с большим интересом.

— Так вам нужны наркотики для экспериментов? — спросил Тим. — Пятнадцать миллионов, которые вы хотите получить за книгу, — это много. На эти деньги можно купить полтонны героина.

— Тимофей, если бы ты знал, как дорого обходятся исследования, сколько стоит лабораторное оборудование, реактивы, расходные материалы, содержание подопытных... Мы не госучреждение, как ты понимаешь. — Виктор Валентинович устало вздохнул, и посмотрел на Тимофея так, будто тот был коллегой из соседней лаборатории. Тим кивал в ответ. — Так или иначе, мы либо получим выкуп за книгу, либо используем ее под залог крупной партии и приумножим средства на продаже наркотиков. Нужно продолжать опыты. Мы возродим нашу расу, Тимофей. Мы войдем в историю.

— А вы можете протестировали меня? — сказал Тим с воодушевлением. — Ну... это наверняка помогло бы лучше понять, что делает человека вампиром. Таким вампиром, как я.

Виктор Валентинович довольно подбочился.

— Тимофей, ты не представляешь, как я доволен твоей заинтересованностью. Должен признаться, мы уже это сделали.

— Уже?! — обрадованно воскликнул Тимофей.

— Я не знал, как ты к этому отнесешься, но теперь вижу, опасения были напрасны.

— Что же вы нашли?

— Паттерн экспрессии твоих псевдогенов значительно отличается от паттерна вампира страха.

— И что это значит?

— Количество работающих псевдогенов у тебя чуть ли не вдвое больше, чем у того же Шоно, но и те, что совпадают, работают в своем ритме.

Тим скривил губы, выражая и удивление, и самодовольство.

— Понятно, — отозвался он. Его взгляд на мгновение убежал в сторону. Руки стискивали подлокотники кресла, оставляя глубокие вмятины.

— А можно узнать поподробнее, что это за гены?

— Конечно. В свое время Влад предоставит информацию, которую тебе нужно знать.

Тим чуть заметно дернул губами, но тут же выдохнул и улыбнулся.

— Я вижу, ты взволнован, — Виктор Валентинович опять прошелся по кабинету. — И немудрено. Обдумай все, Тимофей. Реши для себя, наконец, на чьей ты стороне.

Тимофей поднял глаза на Виктора Валентиновича. В них была... надежда.

— Ты мне очень нужен, Тимофей. Я могу рассчитывать на твое посильное участие в общем деле?

— Конечно, — ответил Тим, не раздумывая и уверенно кивнул.

Что у него в голове?! С кем он?!

— Твое благополучие для меня вопрос первостепенной важности. Мне очень хочется доверять тебе, как прежде...

— И все-таки... — Тим заискивающе замялся. — Отдайте зеркало.

Меня затрясло.

— Тимофей, — процедил Виктор Валентинович, — почему мы снова и снова возвращаемся к этому вопросу? Я предоставил тебе абсолютную свободу. Если ты что-то хочешь, если ты кого-то хочешь...

— Я хочу ее, — сказал он тихо.

— Эта девчонка тянет тебя в пропасть. У вас нет будущего. Ты прекрасно знаешь, долго их держать при себе нельзя.

— Знаю. Просто прошу вернуть ее в реальный мир. Оттуда я не могу ей... пользоваться.

Пользоваться, значит?

— Понимаю, — промурлыкал Виктор Валентинович. — У нее к тебе настоящие чувства, да? Деликатес...

— Угу. И потом у нее там слишком много свободы, — добавил Тимофей бесстрастно. — Ее сложно контролировать. Обещаю, я сделаю внушение, она забудет, кто я.

— Будь честен с собой, ты уже этого не сделал, — возразил Виктор Валентинович, отхлебнув из чашки. — Вот что, я сам сделаю внушение. Согласен?

— Да, конечно!

От звука этого «да» я содрогнулась, как от пистолетного выстрела.

— Тим, ваше с Шоно неразумное поведение в полиции...

— Больше не повторится!

— Надеюсь, это был спонтанный, необдуманный поступок. Спишем на горячность молодости. Скажи Шоно, ему нечего опасаться. Мы — одна семья. Он нужен мне. Он важная часть плана.

— Спасибо.

— Можешь идти, Тимофей, — Виктор Валентинович открыл ноутбук. — У меня накопились дела. Наше сообщение с предложением выкупить кодекс получено. Надеюсь, руководство библиотеки не станут фокусничать. Передай секретарше, пусть зайдет. Я еще не завтракал.

Я ушла как можно дальше, лишь бы не видеть черной башни и горящей, будто полярная звезда, двери на ее вершине. Но башня вытянулась, обросла новыми мостами и теперь была видна из любой части зазеркального города. Тогда я скользнула в первое попавшееся отражение.

Здесь уже были сумерки. Сонно шелестело море. Я присела за стойку пляжного бара. Вокруг мигали разноцветные лампочки. Несколько молодых людей что-то шумно обсуждали то ли на испанском, то ли на португальском. На соседнем табурете сидел угрюмый мужчина в шапке из темно-русых волос, шелковой цветастой рубашке и расклешенных брюках, будто только с вечеринки в стиле семидесятых. Перед ним стоял массивный бокал с янтарной жидкостью. Он обвел мутным взглядом окружающих и опустил голову на руки.

Бармен поменял диск и заиграла сальса. Софи частенько врубала что-то подобное и пыталась заставить меня танцевать. Сейчас не отказалась бы. Во мне кипело столько противоречивых эмоций, искавших выхода, что безумная пляска была бы как нельзя кстати. А еще хотелось напиться, да так, чтоб до беспамятства, чтоб вдрабадан!

Вспомнилось, как я впервые попробовала спиртное. Было мне тогда что-то около пяти лет. К родителям пришли гости, и я так объелась конфет, что решила запить их целым фужером таинственной водички, которую, чокаясь, все пили... Я так торопилась и сделала никак не меньше двух глотков, прежде чем почувствовала, что все внутренности объаты огнем. Я выронила бокал и схватилась за горло. Именно звон бьющегося хрусталя привлек внимание мамы. Мне здорово влетело в тот вечер.

Софи была права. Плохие вещи случаются, когда трусишь и трясешься за свою шкуру. Все повторяется лишь за тем, чтобы я исправила ошибку.

И какая мне, в сущности, разница, на чьей он стороне? Главное, на чьей я стороне.

.....

Тимофей смотрел на стену. Его тонкие кисти свесились, пальцы то и дело подрагивали. Он покусывал губы и временами, казалось, что-то шептал, но разобрать слова было невозможно. Глаза мутные, темные. Он всегда такой разный...

Я вошла в отражение невидимкой и присела на пол. Пусть смотрит на меня... Так захотелось притронуться к нему, почувствовать тепло ладони. Руки у Тима всегда мягкие и горячие, будто его слегка лихорадит. Я вряд ли когда-нибудь привыкну к переменам его внешности, но горячие ладони и движения тонких пальцев, напряженную морщину на переносице, задумчивый взгляд чуть прищуренных глаз, то, как он облизывает губы и кусает их изнутри, как вдруг прикрывает глаза и начинает барабанить пальцами по коленке или зажимать невидимые струны — все эти родные жесты я узнаю без труда и ни с кем его не спутаю.

Глаза Тима посветлели и залучились ультрамарином. Вдруг он вытянул руку с растопыренной пятерней и начал плавно водить в воздухе, прямо у меня перед носом. Я невольно качнулась за рукой, а Тим, словно заклинатель змей, продолжал обследовать пространство вокруг. Я почувствовала, что не выдержу, ухвачусь за руку и выдам себя.

Скрипнула дверь. В отражении появился Шоно. В ту же секунду Тим встал, коротко бросил «Привет, Шоно» и со всего размаху саданул тому в глаз. От неожиданности Шоно налетел на табурет и вместе с ним повалился на пол.

Я беззвучно ахнула и прикрыла рот руками.

— Падла узкоглазая! — прошипел Тим, подскочил к Шоно и еще раз попытался ударить того в лицо, но Шоно успел прикрыться. Он с силой отпихнул Тима, а потом со звериным рыком напал на него.

— Ты обдолбался, бля, что ли! Какого хера?!

Шоно свалил Тима на пол, придавил всем телом и зажал ладонью рот. Тим остервенело мычал, мотал головой, одновременно осыпая Шоно градом ударов в ребра и ноги. Шоно выкрикивал ругательства и безуспешно старался поймать Тима за руку.

Надо что-то сделать!

Я подвинула валяющийся рядом табурет ближе к Тиму. Тот врезался в него кулаком, тут же схватил за ножку и со всего размаху огрел Шоно по загривку. Сиденье табурета отлетело, а Шоно повалился на бок и схватился за голову. Тим вскочил, пнул его и заорал:

— Башкой своей об косяк шибанись!

Шоно резко мотнул головой и приложился о косяк. По его лбу потекли две красных струйки, заливая глаза.

Да они поубивают друг друга!

Вид крови на секунду смутил Тимофея, и Шоно воспользовался этим. Как слепой носорог, он кинулся на противника, изловчился и на этот раз схватил того за обе руки. Тим тотчас забился в судороге, упал и отключился. Шоно пнул бездыханного Тима в бедро и сплюнул в сторону кровью. Поливая Тимофея отборным матом и тяжело дыша, он сделал пару кругов по комнате, потом присел на корточки и опять взял Тима за руки. Тот вздрогнул, выгнулся, шумно выдохнул и сел.

— Пиво будешь? — спросил Шоно.

— Давай.

У меня челюсть отвалилась от таких поворотов.

Шоно вышел. Когда он вернулся, в руках держал пластиковый ящик с шестью бутылками. Он брякнул ящиком об пол, сел рядом с Тимом и, растирая по щекам кровь, спросил:

— Ну, и че, блин, приключилось-то?

Тим взял бутылку, свернул крышку и тут же опустошил половину.

— Ничего рассказать не хочешь? — спросил он, переводя дух.

— О чем рассказать?

— То есть не о чем? Давай-ка я тебе помогу...

Шоно опять вскинулся, закрывая рукавом глаза.

— Какого рожна с тобой сегодня происходит, а?! — выкрикнул он.

— Расскажи об опытах, в которых ты участвуешь, — сказал Тим металлическим голосом.

Шоно медленно опустил руку.

— Угу... — он тоже взял бутылку. — Понятно.

— Ну?

— Подожди, — Шоно отхлебнул пива, потом пошарил в карманах, вытащил пачку сигарет, заглянул в нее, тут же смял и отбросил.

— У тебя нет?

— Какого хера ты вечно спрашиваешь? — Тим опять начал закипать.

— Да кто тебя знает, на что ты успел подсесть, — Шоно поднял с пола какую-то майку

и приложил к голове. — Бля, морда саднит спасу нет! Ну, че у тебя есть покурить? Давай!

Тим вскочил, нервно прошагал к подоконнику, взял жестяную банку и вернулся на пол к Шоно.

— Вот.

Шоно достал из банки самокрутку, неторопливо помял ее в пальцах, прикурил и выпустил струю дыма прямо в лицо Тимофею. Тот отвернулся.

— Не, не буду, — буркнул он.

— Решил опять стать пай-мальчиком?

— Типа того. Шон, давай уже! Не тяни кота за яйца!

— Да тут сообразить надо, с чего начать, — раздумчиво проговорил Шоно и опять затянулся.

— Начни с того, как стал вампиром. Ты помнишь?

Взгляд Шоно вдруг остановился.

— Помню ли я? Хотел бы забыть... Могу показать. Не хочешь?

— Нет. Расскажи.

Шоно опять утерся майкой. Кровь продолжала сочиться из раны на лбу.

— Ну.. было мне четыре... четыре года, пять месяцев и два дня. Мы с семьей... мама, отец, сестра... сестре семь... было. Мы жили в Бурятии, Улан-Уде... ну, город такой.

— Да слышал я.

— Ну, вот. Там у нас мост есть через Селенгу. Большой такой, высокий. Мы ехали... это в начале декабря было. Въехали на мост, а там строительные работы и гололед. Ну, и упали... прямо в Селенгу.

— В реку?

— Угу. Я помню, как мама пыталась сестру отстегнуть. А та дергалась и ртом... воздух ловить пыталась. Мы прямо под лед ушли. День еще солнечный такой был. И луч света, так красиво... так видно все было... А я не был пристегнут. Меня мама на коленях держала. Сама пристегнулась и меня держала. А потом резко так холодно стало. Отец, помню, поймал меня и давай из окна выпихивать, и сам вылез. Сначала об лед долбанулись, а потом все-таки вынырнули. Отец меня на лед выбросил и сам вылезти пытался. А лед, зараза, тонкий совсем. Отец высокий, метра под два наверно. Он всегда выше всех был. И весил, наверняка, за сотню.

Шоно опять затянулся, убрал с языка соринку:

— Отец пытается вылезти, а лед под ним ломается. Он под воду с головой. Потом снова, и снова, и снова... А потом и я в воду под лед ушел. Отец меня за ногу поймал и опять выволок. Больше он вылезти не пытался. Помню, сказал мне: «Лежи сынок, не двигайся». Я и не двигался... Отец в полынье завис, руки на снег сложил. Вскоре глаза у него у него стали голубые... Всегда черные были, а тут вдруг голубые...

Я сидела в углу, уткнувшись лицом в колени, и беззвучно плакала. Шоно отхлебнул пива. Опять затянулся. Он не плакал. И голос у него не дрожал. Спокойный был голос.

— Меня долго с реки снять не могли, — добавил Шоно после паузы. — Помню, кто-то с моста на тросе спустился. Забрали, и лед провалился. Отец... его так и не нашли. Унесло куда-то течением. Смешно так... докторша там была в скорой. Говорит, у мальчика волосы в инее. Давай она мне башку тереть полотенцем каким-то. А потом перестала и завывла. Ну вот как-то так...

Тим взял у Шоно самокрутку, быстро затянулся и вернул.

— Ну, по крайней мере, не ты не виноват, что так случилось с твоей семьей.

— Да задолбал ты! Виноват не виноват... В этом не виноват, в другом виноват. Где ты невиновных видел?

— Ну а дальше?

— А дальше много всего было и тебя не касается! — рыкнул Шоно. — И только попробуй, сука, мне глазки соорудить...

Шоно отбросил пустую бутылку и вперился заплывшими глазами в Тимофея.

— Но ты же как-то понял, что теперь вампир? — не унимался Тим.

— Понял... — бросил Шоно, — когда бояться перестал... совсем. Страх сидел во мне, как шаровая молния. Я двигаться не мог, говорить не мог, а потом... потом я просто выбросил его из себя. Ну и пошло.

— Ладно. Расскажи про эксперименты.

— Ну, а че рассказывать. Я с детдома сбежал лет в двенадцать. Поскитался порядочно. А потом меня вычислили. Держали, как и тебя сначала, взаперти. Жрать нихера не давали. А потом вели в соседнюю камеру и заставляли торчков пугать. Ну, а мне че делать?

— И как часто ты торчков пугаешь?

— Ну, бывает пару тройку раз за месяц. А бывает и полгода тишина.

— И все это время ты был в курсе? ВВ и тебе лекцию прочитал о высшей ступени эволюции?

— Ну, а че? Есть у него такой пунктик. Семен давно недовольный ходит. Ворчит, мол, вместо того, чтобы деньги в дело вкладывать, шеф экспериментики свои проворачивает. Миллионы на это спускает. Семен давно бы слился, да ты же знаешь, ВВ убеждать умеет.

Шоно открыл новую бутылку.

— Ты-то у нас звезда, бля, привилегированная! Тебя от всего беречь надо. Носятя с тобой, как с писанной торбой, — пивная пробка полетела в угол комнаты, чуть не угодив мне в лицо. — А меня два года в камере мурыжили. Всего датчиками облепили, искололи всего! Потом только отстали.

— И че ты молчал?

— А че говорить-то? Я тебе все докладывать должен? Кто ты мне такой, на?

— Да, вроде как, друг...

— Спасибо, бля, друг! — Шоно опять промокнул лоб окровавленной майкой. — Я вообще к девушке собирался. И как теперь с такой харей идти? Ты се щас марафет наведешь, а мне че делать?

— Че за девушка?

— Рыжая.

Тим поднял бровь и хмыкнул.

— Ты же по-французски не общаешься. И как вы разговариваете?

— А мы не разговариваем.

— Ммм...

Эти сволочи горлышками пивных бутылок стукнулись и заржали, как две гиены!

Черт их поймет! Сначала морды друг другу бьют, потом пиво пьют, ужасы рассказывают и тут же ржут! Вот засранцы! И Софи тоже хороша...

Я встала и вышла вон.

— Говоришь, у них там целая лаборатория?

— Ну, я так поняла.

— Слушай, подпольная лаборатория, проводящая такие серьезные эксперименты, — это фантастика, только в кино бывает, уж поверь. Посуди сама: они же должны постоянно закупать реактивы, новое современное оборудование. Где они все это берут? В Баухаусе такого не купишь.

— Ну а как тогда, Софи?

— Как-как? Я думаю, что у них вполне себе официальная коммерческая лаборатория или предприятие, типа того.

— Хочешь сказать они открыто проводят эксперименты над людьми, колют героин и все такое?

— Ну, нет, конечно! Просто проворачивают свои делишки в свободное от официальной занятости время. Скажем, в первую смену делают общий анализы крови, а во вторую — вампиров клонируют. Я только хочу сказать, что никакая это не подпольная лаборатория в бункере посреди леса, а обычная организация, у которой, наверняка, есть конкретный адрес и телефон.

— Думаешь?

— Да всяко!

— Ну, даже если так, как узнать, где их искать?

— Ты же говоришь, видела этого... Влада, да? Он отчитывался о ходе эксперимента.

— Да.

— Ну, так мы можем в интернете поискать. Сейчас все компании свои странички заводят. Он там, походу, не последний человек. Может и фотка есть.

— Точно, Софи! — я аж подпрыгнула.

— Засада в том, что уже совсем поздно, а в этом отеле, — Софи сжала указательные пальцы, изображая в воздухе кавычки, — интернет есть только в кабинете директора. А она давно домой ушла.

— Может, ключи попросим?

— Попросить нельзя, — сморщилась Софи, — там этот противный пан Жижка на рецепции сегодня. А вот украсть можно...

Софи потянула за кончик банданы. Рыжие кудряшки рассыпались по плечам. Она запустила пальцы в волосы и взрылила гриву так, что стала похожа на горящий одуванчик.

— Ща, подожди, шорты надену и пойдём.

— Ты думаешь, сработает?

— Он, хоть и пан Жижка, но вроде как мужик, нет? Или я что-то пропустила?

Софи скинула пижаму, натянула джинсовые шорты, бывшие ей в пору классе эдак в пятом, и белую майку-алкоголичку, через которую двумя крупными горошинами выпирали соски.

— Софи, он старый гипертоник...

— Зато умрет счастливым, — беспечно отозвалась та. — Пойдем! Я буду зеркальце держать, чтобы отражалась стойка с ключами. Пока отвлекаю, ты ключними и брось на пол, а я уже подберу как-нибудь незаметно.

— Ок.

.....

Мы час паялились в монитор. Просмотрев множество сайтов исследовательских лабораторий, так и не удалось найти ничего подходящего. Лица мужчин в строгих костюмах и белых халатах слились в одно. Я уже сомневалась, что помню того самого Влада.

— Клиники проверим? — предложила Софи.

— Давай, — уныло отозвалась я.

Похоже наша операция по обольщению портье была напрасной. А старикан теперь, наверняка, Валидол глотает.

— Еще бы чешский знать, — проворчала Софи, — а то тыкаемся, как слепые котята.

— Да бесполезно это!

Я оторвалась от компьютера, который занимал половину зеркального отражения.

— Давай, убери меня оттуда, а то уже в глазах рябит.

Софи продолжала скролить очередной сайт.

— Шоно наверняка знает, где эта клиника. И почему не осталась с ними подольше? Может, разведала бы, — посетовала я.

Я не стала рассказывать Софи про последние, небрежно брошенные фразочки Тима и Шоно по поводу нее. Но было как-то обидно за подругу.

— Софи, что у вас с Шоно?

— У нас все хорошо, — отозвалась Софи, явно думая о чем-то другом.

— Он ведь был с тобой, когда Тиму стало плохо, и я...

— Подожди, — перебила Софи. — Вот посмотри сюда. Здесь небольшая заметка о новом коммерческом центре пренатальной диагностики. Заведующий — доктор, специалист по медицинской генетике Владислав Земан.

Я посмотрела в монитор.

— Ну и что? Фотографии нет. Фамилию того типа я не знаю. Владислав — славянское имя, в Чехии таких полно.

— Тогда больше вариантов нет, — Софи откинулась в кресле, потерла глаза кулаками и зевнула. — Шоно уже не придет, пора баиньки.

— Софи, ты уверена, что он к тебе относится серьезно?

— Конечно, нет. И отлично! Это все не для меня.

— Тебе так кажется, на самом деле наступит момент...

— Нет, не кажется. Никаких серьезных отношений! Все, закрыт вопрос!

Софи нашла на директорском столе ручку и на тыльной стороне ладони записала адрес клиники.

— Завтра пойдем на прием к врачу. А сейчас спать! Уже три ночи.

.....

Софи отправилась спать, а я вернулась в зазеркалье. Посидела немного под рыжим кленом. Пригляделась к дереву и вдруг заметила, что листья все будто ржавчиной покрыты. Сорвала один, потерла, и он рассыпался. Как это я раньше не замечала?

Стало так грустно, что я решила заняться чем-нибудь полезным. Например, пробраться еще раз в кабинет Виктора Валентиновича. Вдруг еще что-нибудь узнаю?

В кривом отражении совсем темно. Лишь рваный свет луны освещает рабочий стол да часть шкафа.

Я огляделась. До выключателя не добраться. Лампы настольной нет.

Что ж, придется довольствоваться малым.

Я подошла к столу, а там ничегошеньки. Только золотая ручка в подставке поблёскивает. Ни компьютера, ни хотя бы клочка бумаги. Я подергала дверцу шкафа. Заперто.

Ну вот, напрасная вылазка.

Я села в широкое пружинящее кресло, сложила руки на кожаный коврик для письма и опустила на них голову. Под ковриком что-то было...

Ага! Ключ!

Хотя чему я радуюсь? Если ключ от ящиков стола, мне это никак не поможет. Туда не добраться, ведь они не отражаются.

Может, стол получится сдвинуть?

Я вцепилась в столешницу и потянула на себя. Куда там! Тяжеленный!

Я опустилась в кресло и запрокинула голову на подголовник. Как хотелось бы сейчас просто отключиться, забыться и ни о чем не думать. Вот оно, начинается... Сначала усталость, будто не спала двое суток, за ней придет что-то вроде депрессии, потом начнутся провалы в памяти и потеря ориентации, а дальше... либо я вернусь в реальный мир, либо... Тогда, три года назад я пробыла в зазеркалье около трех месяцев. Но в этот раз, судя по ощущениям, времени у меня гораздо меньше.

Вдруг в комнате стало светлее. Луна выползла из-за гонимых ветром облаков и осветила шкаф целиком. Появилась вторая дверца, а в ней скважина! Я схватила ключ и бросилась к шкафу.

Бинго! Замок щелкнул, и дверца поддалась.

А вдруг книга там?

Я распахнула шкаф. Мелькнули стопки бумаг, выдвижные ящики и какие-то папки. Я схватила одну наугад, но луна вновь зашла за тучи, и черные тени пожрали содержимое шкафа. В комнате сделалось совсем темно, и меня оттеснило к окну.

Я раскрыла папку. Какие-то формуляры. Нужно торопиться, иначе меня выбросит в зазеркалье до того, как прочитаю хоть слово. Буквы плясали перед глазами, и я не сразу разобрала, что документы на русском.

«Свидетельство об усыновлении» — прочитала я. «Ф.И.О.: Павличенко Игорь Дмитриевич, 1996 года рождения. Усыновитель: Новакова Марие.» Скрепкой пришпилена черно-белая фотография худенького мальчишки с конопатым носом.

Дальше.

«Свидетельство об усыновлении. Ф.И.О.: Исакова Нина Ивановна, 1996 года рождения. Усыновитель: Шванда Ян.» И еще одна фотография.

И дальше... и дальше... всего десять детей. Всем от трех до четырех лет.

Почему здесь эти бумаги? Какое отношение Виктор Валентинович имеет к усыновленным детям? Неужели, его? Десять ребятишек и почти все одногодки, при этом усыновлены из разных городов: Рязань, Омск, один даже из Хабаровска. Когда успел? Да и слишком он старей. Его дети, должно быть, уже взрослые, как Влад. Нет, тут другое...

В комнате сделалось чуть светлее. Я засунула документы в шкаф, куда придется. Папка утонула в густой тени. Как ни старалась, изъять из шкафа еще хоть что-то не получилось.

Я закрыла дверцы, вернула ключ на место и... увидела туфли — два круглых мыска, выступающих из мрака комнаты в полосу света. Один мысок приподнялся и тихо стукнул об пол...

Не замечая препятствий, я бросилась к двери.

.....

Кто-то видел, как я роюсь в чужих документах. Почему этот кто-то не обнаружил себя? Никто не мог меня видеть. Для стороннего наблюдателя ящики открывались сами собой, листы бумаги сами собой переворачивались и летали в воздухе. Неужели Виктор Валентинович был в кабинете все то время, что я шарилась в шкафу? Почему тогда не остановил, не спугнул? Он-то сообразил бы, что происходит. А может быть он хотел, чтобы я нашла что-то? Но это абсурд! Да и в самом ли деле я видела то, что видела? Туфли... Почему именно туфли? Может быть, это тень от шторы или кресла, или еще бог знает чего. Туфли... Ерунда какая! А может, это тот самый человек-призрак в старинном плаще с говорящей виолончелью?..

Нервное напряжение не спадало. До утра оставалась пара часов, а проводить их в одиночестве не улыбалось.

Если он уже спит, просто посижу рядом.

Я направилась к черной башне. Птицы, как всегда, толпились на подступах, но обычного гомона не доносилось. Пернатые обитатели зазеркалья уныло слонялись по галереям. Одни прихрамывали, тяжело волоча громоздкие крылья, другие, словно перхотью, сыпали повсюду мелкими черными перьями.

И с ними что-то не так...

Стало их даже как-то жалко. Я успела привыкнуть к неугомонным соседям. Может, получится приручить их со временем.

Я вошла в отражение и сразу насторожилась. Теперь посредине стоял письменный стол, но от завала вещей и музыкальных девайсов не осталось и следа. На столе лежал лист бумаги и пара отточенных карандашей. Больше ничего.

Тимофея в отражении не было. Но я чувствовала, он в комнате, прячется где-то в слепой зоне.

Неспроста он приготовил все это.

А если ловушка?

Я медленно подошла к столу. Чуть подвинула карандаш, но ничего не произошло.

Да что можно сделать, пока я в отражении?

Я села за стол, взяла карандаш и принялась рисовать... черную башню, птиц, двери, мосты и переходы... Радостная поглощенность любимым занятием разлилась по телу, искрила в кончиках пальцев, щекотала позвоночник. Сколько раз случалось, мама или отец подходили в такие минуты и пытались что-то спросить, а я никак не могла разобрать слов, будто внезапно они начинали говорить на иностранном языке. Я настолько растворялась в движениях рук, в потоке образов, что разум отказывался отвлекаться на другие незначительные раздражители. Но его голос я уловила сразу.

— Что это? — спросил Тим, все еще не появляясь в отражении.

— Мой мир, — отозвалась я. — Вот здесь, на скале, дверь в стартовое зеркало. Возле рыжего клена, дверь к Софи. А черная башня — это путь к тебе. Все остальные двери непостоянны. Появляются и исчезают, когда им вздумается.

— Ты знаешь, я видел сон недавно... Как обычно, играл на Карловом мосту, только без зрителей. Вдруг такое чувство... будто ты рядом. А скоро из тумана действительно вышла ты. Пройшла и не узнала, а я никак не мог объяснить, что я — это я, и бояться нечего. Силился сказать, но выходило совсем другое. Помню, ты искала черную башню...

Перехватило дыхание.

Сон?

— Когда? Когда ты видел этот сон?

— Да точно уже и не вспомню. Часто снятся кошмары, стараюсь не запоминать.

— А это кто? — Тим появился в отражении. Он подошел к столу и ткнул пальцем в рисунок.

— Это птицы.

— Выглядят довольно агрессивно.

— Только кажутся такими. На самом деле, неплохие.

— Раньше ты про них не рассказывала.

— Их не было. Теперь все по-другому.

Я отодвинула рисунок и поднялась.

— Тим, я могу доверять тебе?

— Ну, даже как-то обидно. Я никогда тебе не лгал.

— Да. Но порой ты просто недоговариваешь. Ну, так кажется...

Он протянул руку, но я не спешила дотронуться до него.

Не позволю опять уговорить себя!

— Надя, главное, что ты должна знать: я готов отречься от всего и от всех, даже от самого себя... В моей жизни есть только ты.

— Это слова, Тим... Красивые слова. Ты должен доверять мне.

Он опустил руку.

— Я делаю все, чтобы спасти тебя.

— Да не надо меня спасать! Просто уходи, начни новую жизнь без всей этой грязи. С твоими способностями тебя никто не найдет. Уходи прямо сейчас!

Тим придвинулся совсем близко. Он не мог видеть меня, но почему-то казалось, смотрит прямо в глаза.

— Ты сделала выбор, помнишь? Я тоже. И теперь мы вместе...

— Я уйду. Надо подумать.

Сеть хозяйственных магазинов.

Утренняя Прага мелькала за окнами трамвая умытой дождем брусчаткой. Город был свеж и молод, будто стряхнул с плеч тяжелый груз своей тысячелетней истории.

Софи рассказала, что перед самым рассветом началась гроза. Она проснулась и полчаса просидела на подоконнике у раскрытого окна, слушая дождь. Пришлось потратить добрых пятнадцать минут, чтобы разбудить ее.

— Нади, это невообразимо! Круть! Такая стихия, что даже в воздухе искрит! Знаешь, отчаянно хочется жить еще! Чтобы полной грудью и легко... чтобы чувствовать до предела...

— У тебя опять приступ саморазрушения?

— Ты не понимаешь... Да и хорошо! — она рассмеялась.

— Слушай, если честно, я волнуюсь. Как мы будем действовать? Ну, что мы им скажем?

— Да расслабься! Я наговорю чего-нибудь.

Софи в своем репертуаре! Только сегодня это не забавляет.

«Чего-нибудь наговорю»...

.....

Клиника пренатальной диагностики не пряталась в подземном бункере посреди леса, но ехали мы по адресу не меньше часа, а потом еще минут двадцать искали нужное здание, блуждая между частных домиков с глухими изгородями. Пока прочесывали жилой массив, встретила лишь компания ребятшек с трехколесным велосипедом. С горем пополам Софи дозналась, в каком направлении идти.

Клиника оказалась непримечательным трехэтажным зданием, которое выделялось лишь неброской вывеской «Centrum prenatalní diagnostiky» да довольно высокой изгородью из кирпичной кладки.

Софи положила зеркало в нагрудный карман, проковыряла дырку в материале и нажала на звонок.

Дверь открыли без промедлений. Мы миновали уютный дворик. За маленькой стойкой регистратуры долговязая медсестра в белом перебирала бумажки.

— Привет, вы по-английски говорите? — спросила Софи.

— Добрый день. Чем могу помочь? — отозвалась сестра на неплохом английском.

— Тут такое дело... Кажется, я беременна. — выпалила подруга.

Начинается!

Я вздохнула и приготовилась слушать. Гнать Софи умела.

Медсестра приподняла брови домиком и моргнула.

— У вас есть направление от гинеколога? — спросила она.

— Не, я сразу к вам.

— Девушка, у нас специализированное учреждение. Мы принимаем только по направлениям, если есть какие-то проблемы генетического характера.

— Есть! — выдала Софи очередное заявление. — Понимаете, у меня гепатолентикулярная дегенерация.

Ого!

— Болезнь Вильсона-Коновалова, — продолжала Софи без запинок. — Ну вы знаете...

Уверена, медсестра, как и я, впервые слышит про Вильсона, а уж тем более про Коновалова. Но вместо этого, та скорбно вытянула тонкие губы и еще сильнее заострила

крышу домика из бровей.

— Сочувствую, — пискнула медсестра.

— Угу... Мне все врачи говорили, мол, с вашими титрами мёди детей не ждите и все такое... Ну, я и не предохранялась. А тут задержка три недели. И есть серьезные подозрения...

— Так, случай, конечно, неординарный. Я думаю, вам действительно стоит проконсультироваться, — сестра потянулась за толстой книгой на стойке регистратуры. — Дайте-ка посмотреть, кто из специалистов по моногенным патологиям свободен в ближайшее время.

— Мне очень рекомендовали доктора Земана. Я бы хотела к нему.

— Главврач редко ведет прием сам. У него другие обязанности.

— Поймите, такие, как я, — случай на миллион!

Сестра, к удивлению, кивнула.

— Пожалуй, я узнаю насчет вас. Вам повезло, доктор Земан сейчас у себя.

— Ага, спасибочки вам большое!

— Присядьте пожалуйста, — она указала на кресло напротив.

Софи послушно направилась к креслу, и тут я ахнула! На стене висел стенд с информацией о клинике, и в самом центре он! Доктор Владислав Земан. Вымученная улыбка на бескровном лице.

— Софи, это он! Мы нашли!

— Здорово! Только потише...

— Пока не вернулась медсестра, сваливаем.

— Чего это? Мы только начали. Когда еще случай представится сюда попасть?

— Я сама все разведую. Тут наверняка есть зеркала.

— Да успокойся ты! Может, он и не примет. А если примет, хороший шанс узнать что-нибудь новое.

— Это очень рискованно!

— Не кричи, тебе говорят. И не выйду я. Там калитка закрыта. Мне что, через забор лезть?

Наш спор прервала медсестра. Доктор Земан согласился принять Софи через пятнадцать минут.

После решения всех формальностей, Софи провели на второй этаж в приемную.

— Так-так... Софи Ван Бовен, — прочитал доктор Земан карточку. — Полных семнадцать, диагноз — гепатолентикулярная дегенерация, — и доктор, и Софи с легкостью жонглировали этими трехэтажными терминами, которые я даже про себя произнести не могла.

— Постоянно у кого-то наблюдаетесь? — спросил доктор.

— Да, — отозвалась Софи, — в Брюсселе, в клиники Генетической патологии при университете, и еще меня координирует наш семейный врач в Льеже.

— Ну, а почему же тогда не обратиться к ним?

— Родители сразу узнают и, если я действительно беременна... в общем, хотелось бы знать точно, вы понимаете? Родители у меня католики...

Сначала было забавно слушать, как Софи на ходу придумывает названия болезней, какие-то невероятные обстоятельства, но чем больше она рассказывала доктору, тем сильнее меня разбирали сомнения, что это вранье.

— Понятно. Можно мне взглянуть на ваши глаза? — спросил доктор и привстал из-за стола.

Софи тоже встала, приблизилась к врачу.

— Нда... — тот повернул Софи к свету. — Давно у вас кольца Кайзера-Флейшера? Какие еще кольца?!

— С шести лет, — невозмутимо ответила Софи.

— С шести... так-так... А неврологические симптомы уже были?

— Да, в прошлом году дрожали руки, но потом увеличили дозу Купренила и все прошло.

— Сейчас сколько принимаете?

Вдруг заиграла пиликающая мелодия. Доктор извинился, отошел к окну и заговорил по-русски.

— Слушаю... Я не торможу, просто хочу быть уверен, что на этот раз все просчитано с максимальной точностью. Мы не с мышами работаем... — выпалил он, запнулся и принялся дергать себя за мочку уха. — У меня сейчас пациентка. Перезвоню... Понимаю.

Разговор доктору был явно неприятен. Он сжал кисть в кулак, но быстро взял себя в руки. Вскинул брови, нацепил вежливую улыбку и вернулся к столу.

— Извините. Так сколько Купренила вы принимаете? — спросил он.

— Три грамма в сутки.

Доктор сделал пометку в карточке Софи.

— Какие-нибудь прогнозы вам делали?

Это как? Что за прогнозы такие?!

— Ну, — я услышала, что отвечает Софи уже не так бойко. — Шесть-десять лет.

— Угу, — качнул головой доктор. — Если вы действительно беременны — это было бы чудом. Давайте для начала проясним с беременностью, а заодно определим, какие именно у вас мутации? Возьмем кровь на анализ, а судя по результатам будем решать, что с вами делать. Согласны?

— Да. Все, что угодно.

— Приходите завтра, после обеда. И оставьте мне номер телефона. Как только буду знать о беременности, сразу сообщу.

Софи вписала в карточку номер мобильного.

.....

Пока медсестра водила Софи в процедурную, я не могла думать ни о чем, кроме как о болезни подруги. Прогноз — шесть-десять лет... Это как? Кто раздает такие прогнозы? Как вообще можно делать такие заявления?! Она ведь здорова... Выглядит абсолютно здоровой! Софи не может умереть через шесть тире десять лет!

Сил не было дожидаться, пока Софи выйдет на улицу.

Но только мы оказались снаружи, как подруга затараторила, выдавая слова пулеметной очередью:

— Над забором со двора натянута тонкая проволока. Не удивлюсь, если она под напряжением.

Софи вынула зеркальце из кармана. Щеки ее горели ярким румянцем. Волосы рыжими антеннами выбивались из банданы. И глаза, те самые, уникальные с коричневыми ободками по краю радужки...

Нет! Она все придумала. Вычитала в интернете или может быть у кого-то из родственников такая беда, но не у нее... Разве может с ней что-то случиться?

— И на окнах, ты заметила? — продолжала Софи. — Что-то вроде москитных сеток, но я уверена, они покрепче капрона. А лестницы на третий этаж нет. Она, конечно, есть где-то. Вот только обычные посетители, наверняка, ее никогда не видели. Да и вообще, где все врачи, где пациенты? Медсестра сказала, не приёмный день. Черта с два я ей поверила! В процедурной какой-то тип в халате косился на меня, будто я крыса лабораторная. А Земан, тот да, настоящий врач и дело свое знает. Голос у него, как у Стинга.

— У кого? — спросила я, все еще изучая каждый сантиметр ее лица и выискивая признаки страшной болезни.

— Ну ты даешь! Поставлю тебе сегодня. Надо, в конце концов, заняться твоим музыкальным образованием.

— Софи, ради бога, расскажи! Кольца в глазах, Вильсон-Коновалов, мутации, беременность...

— Да не беременна я, не бойся.

— А все остальное?

— Ну... все остальное правда.

— Почему ты никогда не рассказывала?

— Что именно? — бросила Софи с вызовом. — Ты теперь всегда на меня так смотреть будешь?

Я невольно прикрыла рот, спохватилась, убрала, но через секунду рука опять была там же.

— Софи, мне так жаль... — по щекам покатились слезы, но я ничего не могла с собой поделать.

— Да пошла ты!

Улица резко качнулась, и стало темно. Меня выбросило в зазеркалье.

Я упала на что-то мягкое. Огляделась и увидела, что лежу на куче листьев под голым деревом.

.....

Софи не пускала к себе целый час, но, наконец, дверь в ее зеркало посветлела, и я ворвалась в отражение.

— Софи, прости, прости, пожалуйста!

— Да ты просто чума, подруга! — сказала она и помотала головой.

Кажется, недавно я уже слышала такое в свой адрес.

— Прости...

Софи ухмыльнулась. Она сидела на лавке в каком-то сквере и выглядела усталой.

— Да если бы все ваши сочувствия собрать и на полочку выставить, целая батарея получится.

— Просто не ожидала...

— Что я умру? А ты нет?

— Ты права, сто процентов права!

Софи пожала плечами.

— Все это хреново, конечно. У меня был брат-близнец, и та же беда. Умер в три... После этого родителям на почве религии кукушечку сорвало. Merde! В жопу все! И покаяние, и сочувствия, и прогнозы — все в пекло! Я БУДУ ЖИТЬ!.. пока не умру.

Она залезла в сумку, достала бутылку воды и выхлебала залпом.

— И больше об этом говорить не будем, понятно? — она вытерла губы.

— Как скажешь, — тут же согласилась я.

— Давай лучше вот о чем. Что делать дальше? Какой у нас план?

— План такой, что больше ты в клинику не пойдешь. Теперь я знаю, где искать. Там внутри наверняка есть отражающие поверхности.

— А если нет?

— Есть, — уверенно возразила я. — Ну, а если действительно нет, тогда и подумаем. Ну, зачем поперлась на прием, Софи? Теперь им известно твое имя. Я же говорила, это ужасные люди. Очень опасные!

— Вряд ли они прямо там подопытных держат. Условия все-таки не те. Сестра сказала, в здании стационара нет, только лаборатория и генетическая консультация.

— А если подвал или целый подземный этаж?.. Мы такое проходили.

— Да все может быть... Я у них сдуру оставила номер сотового.

— Это ты зря. Но хоть адрес-то липовый?

— Конечно.

— Тогда симку выкинь.

Софи кивнула.

— Парню своему расскажешь? — спросила она.

— Если расскажу, поймет, что подслушала про эксперименты, инициацию вампиров и все остальное. Знать бы, как он на самом деле ко всему этому относится.

— Врет?

— Да нет. Недоговаривает. Я не могу в нем разобраться, Софи. Он теперь совсем другой. Задумается порой о чем-то, и такая ненависть в глазах, будто весь мир прокликает. Я немного боюсь его... И еще больше люблю.

— Плохой мальчик, да? — Софи понимающе покачала головой.

— Да какой мальчик? Такое чувство, что он гораздо старше, а ведь мы ровесники. Тот мальчик потерялся где-то.

Я села на лавку рядом с Софи. Устала.

— Почему просто не уйдет, не начнет новую жизнь?

— Ну, Нади... Говорят, люди ко всему привыкают. А еще говорят, что каждому кто-то нужен.

— Неужели он хочет, чтобы эти грязные опыты продолжались, и сам готов в них участвовать? Это мерзко, Софи! Если он такой... боюсь, не смогу ему помочь, понимаешь?

— Думаешь, ему твоя помощь нужна?

— Мне нужна! Он стал таким из-за меня.

— Каждый сам выбирает...

— Нет, Софи. Выбор между жизнью и смертью — это отсутствие выбора, рок, судьба, называй как хочешь. Но я вытяну его из ямы, даже если сам этого не хочет!

Усталость накатывала все сильнее. Я ловила себя на мысли, что временами просто отключаюсь.

Почему так быстро? Сколько я здесь? Теперь и вспомнить точно не получается. По ощущениям месяца два, но на самом-то деле от силы неделю.

— Я вчера опять новости смотрела с девчонками, теми чешками из TV-room.

— Что? — я зажмурилась и ущипнула переносицу.

— Передавали про Вышеградский кодекс. Сказали, бандиты вышли на связь и требуют выкуп. Показывали страницу из книги... Открыли фонд для сбора денег. Такая заваруха.

— Выкупят книгу или нет, похоже, не важно.

— Это как?

— А вот так. Отдаешь ценную вещь под залог товара, получаешь партию наркотиков, продаешь ее по завышенной цене. И долг отдаешь, и ценность свою возвращаешь, и прибыль получаешь. А потом схему можно повторить еще и еще.

— Зачем тогда выкуп?

— Не знаю.

— Еще по телику передавали, — Софи запнулась, — ну.. за любую достоверную информацию о кодексе вознаграждение пятьсот тысяч долларов. А если книгу найдут — два миллиона.

— Софи...

— Только не надо так смотреть! Хотела бы подзаработать, давно сдала и перед тобой не отчитывалась. Просто подумай, вдруг ты знаешь то, что поможет полиции отыскать книгу? Ну... так чтобы всех плохих повязали, а все хорошие остались не при делах.

— Да понятия не имею! — вздохнула я и начала пальцами растирать виски. Было такое ощущение, что прямо по темечку кто-то топориком тюкает.

— Засада...

— Софи, я пойду. Ты там давай, не пропускай занятий. Втянула я тебя в проблемы.

— Ладно, брось!

Мы договорились увидеться ближе к вечеру, если будут какие-то новости.

«Центр пренатальной диагностики» (перевод с чешского).

Британский музыкант, певец и автор песен.

В зазеркалье что-то изменилось. Не покидало острое ощущение чего-то лишнего, неродного. Я всегда знала, этот мир мой и только мой. Как сердце подчиняется безотчетным импульсам мозга, зазеркалье подчиняется и существует лишь для меня. Здесь нет места чужакам.

Вороша память, я пыталась найти те пресловутые десять отличий между картинками, как в детском журнале. Мосты, переходы, башни, тоннели, террасы — Эшеровская геометрия. Я знала ее куда лучше той, что преподавали в школе. Я никогда не плутала здесь, точно зная, как пройти из пункта А в пункт Б самым коротким путем. Но что-то изменилось...

Сначала не отыскался нужный переход. Потом забрела в незнакомую галерею с потрескавшимися стенами, из которых сочилось что-то бурое и вязкое. Галерея заканчивалась стеной, что неприятно удивило. Ничего случайного здесь не бывало. Переходы обязательно вели куда-то, но не этот. Так показалось сначала. А потом я заметила проем — большую трещину у самого пола. Из проема тянуло сквозняком. Я заглянула внутрь, но ничего не увидела. Кромешный мрак. Мурашки пробежали по спине. В моем мире не было темных углов. Здесь даже тени едва намечались. Свет шел отовсюду. Сам город был источником света.

«Эй-эй!» — крикнула я в проем. Звук вернулся, отпрыгнув в лицо зловонной волной. Запах!.. Откуда запах?! В зазеркалье нет запахов. Я просунула голову в щель и тут же отпрянула. Как тогда, в склепе на кладбище, мной вдруг овладел животный страх. Ни за что на свете не подойду больше к этой черной дыре!

Спотыкаясь и поскользываясь на бурых потеках, я помчалась назад. Только добежав до моста, перевела дух. Опасливо оглядываясь, тихонько пошла к скале. Повсюду на грубой брусчатке смоляными каплями чернили перья птиц. Я попыталась поднять перо, но оно раскрошилось золой от одного прикосновения.

Сзади послышались хлопки. Я вздрогнула и оглянулась. Ко мне, тяжело взмахивая крыльями, летела птица. Не долетев нескольких метров, черный гигант рухнул и распластался на брусчатке.

Я бросилась к птице, присела рядом, приподняла ее голову. Птица посмотрела грустными, человеческими глазами и разинула клюв. Что-то пестрое упало на землю. Издав душераздирающий вопль, птица затихла и просто рассыпалась. Ветер подхватил черный песок и унес в океан.

Птица принесла клочок шелка.

Смерть этого сильного существа подняла в душе бурю. Захлебываясь слезами, я уткнулась лицом в колени. Вот так все в моей жизни, как песок сквозь пальцы. И не за что зацепиться, чтобы понять зачем, почему, в чем смысл, и главное, кто я, куда иду, к чему стремлюсь, кому и для чего предназначена? А может быть я — это вовсе не я, а другой кто-то? Я же потерялась где-то, превратилась в того, кем никогда не стремилась быть. Помню, я была сильной и независимой, самодостаточной и решительной. Как можем мы удержать кого-то, если даже себя удержать не в состоянии?

.....

Дверь на вершине черной башни слабо помигивала. Я пригляделась и уловила закономерность в чередовании вспышек света.

Морзянка?

Азбуку Морзе я не знала, но и так понятно, он зовет меня.

Я направилась к башне. Не успела войти в отражение, тут же вылетела назад. Тим продолжал сигналить.

Остановись!

Я дождалась долгой световой вспышки и проскочила в дверь с криками:

— Хватит! Я здесь!

— Привет! А здорово я придумал... — он осекся, заметив мой недовольный взгляд. — Как ты? Все в порядке?

— Нормально.

— Что-то случилось?

— Неважно.

Отныне зовите меня «леденящая взглядом».

— Чего ты хочешь? — спросила я.

— Есть новость.

— Да?

Тим насупился, сощурил глаза, явно соображая, стоит ли продолжать разговор в таком тоне.

Лучше иди, поговори со случайным прохожим. Ему, наверняка, расскажешь больше, чем мне.

— Я разговаривал с ВВ.

— С кем?

— С Виктором Валентиновичем.

— А... ну, и? Он не сказал, где книгу прячет? Нет? Очень жаль!

— Слушай, так не пойдет.

— Да что ты? Правда? А я думала можно... Вдруг прокатит врать и улыбаться.

— Я не...

— Да? Хорошо. Ну и что тебе поведал ВВ?

— Ты можешь выйти из зеркала, — Тим впился взглядом.

— Ой как здорово! Когда же?

— Очень скоро.

— Даже так? Мм... А не хочу! Мне и тут хорошо.

— Ты же знаешь, опасно так долго... И потом, боюсь, он может передумать.

— Да мне плевать!

— Тебе что?

Ага... как тебе такая петарда под нос?!

— Плевать мне, понял! Плевать! И на него, и на всю вашу шайку-лейку!

Он молчал. Лицо сделалось непроницаемым, чужим.

Я махнула рукой, понимая, этот разговор бесполезен. Он не раскроет карт.

— Ты со мной или с ними?

— Я всегда с тобой.

А лицо все такое же каменное.

— Почему ты не ушел?

Молчание.

— Тебе нравится то, чем промышляют твои дружки? Ты разделяешь их цели?

Одобрять их методы? Почему ты все еще с ними?

— Потому что только с ними у меня есть будущее.

— Какое будущее? Только представь себе это будущее!

— Надя, что у меня было? Никому не нужный пацан из детского дома... Да у меня даже кроссовок своих не было.

— Зато теперь шмотья в каждом углу навалено!

Я подхватила рубашку и джинсы из кучи на полу.

— Что тут у нас? А, ну конечно... Calvin Klein и Levis. Не с китайского рынка, надо думать.

— Ты не знаешь, сколько всего они для меня сделали. И дело совсем не в шмотках.

Лучшая частная школа, учитель музыки, репетиторы по языкам, экономика... Да я уже в два вуза поступил...

— Чего не купишь за деньги!

— Я сам поступил, — он сжал зубы, так что желваки дернулись.

— А крэк и марихуана тоже входили в твою образовательную программу?

— Быть довольным не значит быть счастливым.

— То есть, все опять из-за меня?

— Нет! Прости! — осекся он. — Просто хочу, чтобы ты поняла... — он взъерошил волосы, таким знакомым, родным движением. Внутри заныло, заскребло, потянулось к нему.

— Я никого не выгораживаю, поверь. Я знаю, кто они... Но ведь нельзя просто отмахнуться. Эти люди стали мне семьей. Я ничего о себе не знал, ни кто я есть, ни на что способен. Они помогли открыть себя. Сложно в это поверить. Я и сам бы проклял себя три года назад... Просто никого, никого не было рядом.

— А директор Никитского? Он был таким...

Тим не дал закончить.

— Да это сволочь распоследняя!

Он заходил туда-сюда по комнате.

— Нет...

— Нет? Он шпионил за нами, не знала? Ладно обо мне ему сразу рассказали, но вся эта история с кражей зеркала... Можешь сказать ему большое спасибо! Он сдал тебя. А теперь владеет собственным особняком в Зауральске, знала? Женился на директорше нашей.

Я открыла рот, но не смогла выдать и слова.

— Я один остался, понимаешь? Почему не ушел, спрашиваешь? Убегал я. Раза три, не меньше. Месяцами мотался по вокзалам, выманивал деньги. А знаешь, какая там публика? Им бы самим кто подал. Ночевал в каких-то притонах. Есть совсем перестал... Придурок! Нельзя было... — Тим говорил, будто сам с собой. — И радовался. Идиот! Круто, че! А надо было от энергии отказаться, так чтобы совсем... может инициация и не завершилась бы.

— Ты о чем сейчас?

— Да так... Это все бред. И Шоно говорит, что бред.

Он посмотрел до боли пронзительно.

— Я хочу быть с тобой.

Я не выдержала, подошла и обняла его.

— Выйду, когда скажешь, выйду, — пообещала я.

Он схватил мои руки, прижал к губам.

— Послушай, я знаю, кого ты боишься.

— Знаешь?

— ВВ — вампир. Люди для него — расходный материал, средство достижения своих гнусных целей. В нем нет жалости к простым смертными. Но и насчет его истинного отношения ко мне я не обольщаюсь. Пусть он твердит без конца, будто я для него — надежда и уверенность в будущем... Не верю ни одному слову! Он не прикормит меня дорогими безделушками, мнимой свободой и радужными перспективами. Ты права, он мерзавец. Что бы ни говорил, никто не узнает его истинных намерений.

Ой ли?

— И кем бы он мне ни приходился... — Тим закрыл глаза, его губы дрогнули.

Что?

— Послушай, нужно, чтобы ты вышла, — он притянул меня к себе и зашептал прямо в лицо. — Сейчас такой момент... ВВ все контролирует. Он ведь понимает, от зеркал не уберечься... — Тим погладил меня по щеке, я невольно начала отстраняться.

— Ты все еще сердисься?

— Тим, чего ты хочешь?

— Хочу, чтобы ты верила. Я ВСЕГДА С ТОБОЙ.

Я попыталась высвободить руки, но он сжал их так, что сделалось больно.

— ВЕРЬ МНЕ, ТОЛЬКО МНЕ!

— Хорошо, — выдохнула я.

— Твое зеркало в порядке.

— Я видела красные всполохи, но войти не смогла.

— Это краска. Она легко смывается.

— Где мое зеркало, Тим?

— Не знаю.

Я опять дернулась.

— Но я буду рядом!

Я закусила губу, чтобы не расплакаться.

— Надя, послушай, ты должна помочь.

— Что я могу? — я всхлипнула.

— Портал...

— Что?

— Меня наверняка не пустят к тебе. Но если сделаешь портал для меня и Шоно, мы будем на месте, где бы ни оказалось стартовое зеркало. Вдвоем мы сможем защитить тебя, когда ты выйдешь.

— Ты правда хочешь помочь?

Он подхватил меня, укрыл руками, как ребенка.

— Ну, конечно, девочка моя!

Марки одежды.

— Слушай, а откуда ты знаешь про схему с наркотиками и книгой? — спросила Софи.

— Да так... разговор один услышала.

— Я тут почитала в интернете. Нарыла одну статейку. Там все схемы по полочками разложены, прямо инструкция к применению. Знаешь, как это называется?

— Ну?

— Артнепинг. Казалось бы, ну кто купит такую книгу? Ведь ее никому не покажешь, только в сейфе хранить. А тут, оказывается, целый бизнес. Для бандитов предметы искусства — валюта, причем такая, которой не страшна инфляция. Ворованные ценности закладывают и перезакладывают, передают друг другу на хранение, обменивают на партии наркотиков, оружия, да чего угодно. Гуляют краденые картины, книги, и даже скульптуры по сейфам преступников, и концов не найдешь. Если их и продают, то как раз тем, у кого украли. Только дураки на аукцион с краденым пойдут.

— Хочешь сказать, искать бесполезно?

— Ну, с одной стороны, да. Хотя...

— Что?

Софи задумалась, скорчив рожицу.

— Давай, сейчас любые, даже самые дикие идеи, кстати, — подбодрила я.

— Ну, если Клементинум заплатит выкуп, то все... — Софи вздохнула. — Книга, конечно, вернется владельцам, но нашим планам это никак не поспособствует.

— Да какие у нас могут быть планы?

— Ну ты даешь, подруга! — Софи втянула подбородок и посмотрела так, будто я сморозила глупейшую из глупостей. Надо сказать, она частенько так поглядывала. — Планы у нас с тобой грандиозные! Мы разрушим их вампирский синдикат! На самом деле, против вампиров я ничего не имею. Они такие милые...

Это она про Шоно? Это он-то милый?..

Так, о чем это... Какие у нас планы? Во-первых, вернем национальное достояние бедным чехам. Во-вторых, обломаем сделку с закупкой наркоты. В-третьих, мы взорвем их чертову лабораторию и больше не позволим проводить бесчеловечные эксперименты. И последнее, но самое важное — найдем стартовое зеркало и вытащим тебя назад.

— Ого! Ты себя-то слышишь?

— Тот, кто стремится к большему, достигает большего. Не помню, кто сказал, пусть буду я.

— Нет, серьезно? Зашибись! Давай, мы еще пофилософствуем сейчас!

— Давай лучше подумаем. Что тебе известно? Рассказывай!

— Софи, я не знаю...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ну, что сейчас на ум приходит? — подруга нетерпеливо встряхнула руками.

В голову почему-то шли только последние слова Тима и все, что было потом без слов.

— Кто поставщик наркоты? — спросила Софи.

— Откуда мне знать! Я только слышала, что товар... ну, видимо, наркотики привезут в конце месяца из Украины через Польшу в фуре с э... как это по-французски? Такой черный материал, типа смолы, который на крыши кладут... — я осеклась. — Вот блин!

— Охренеть! Какая неважная информация! Ты точно не знаешь где книга, Нади?

— Не, ну... это же как вилами по воде. Деталей при мне не обсуждали.

— Детали раскроют те, кто этим и должен заниматься.

— Ты имеешь в виду?..

— Полицию, кого ж еще! Такой наводки вполне достаточно. У них и ресурсы, и осведомители. Было бы желание, найдут.

— А вдруг они Тимофея найдут?

— У полиции против Тимофея только ты, а ты в коме. Ну предупреди своего непутевого на всякий случай.

— Ты предлагаешь анонимный звонок или письмо?

— С письмами и звонками всегда есть риск, что вычислят. Почерки можно сличить, а голос записать и распознать человека. Я, конечно, могла бы попробовать, но... понимаешь, я ведь тоже в библиотеке была, когда книгу подменяли. То есть теоретически могла что-то заметить, а тут вдруг от меня такое сообщение. Не хотелось бы подставляться. Слушай, а что, если?.. — лоб Софи прочертила морщина. — Такая сумасшедшая идея...

.....

Для осуществления сумасшедшей идеи нужно было, во-первых, найти в отражениях того самого полицейского, который допрашивал меня о Вышеградском кодексе. «Ок, это мне по силам!» — воодушевилась я. А во-вторых, действовать по обстоятельствам. В этой части плана мой энтузиазм начал проседать, как подсохший песчаный замок. «Главное, не оставляй никаких материальных сообщений и свидетельств своего пребывания» — наставляла меня подруга.

Зашибись!

Перебор возможных вариантов альтернативных сообщений занял ровно пять секунд. По большому счету, вариантов не было. Но тут Софи пришла смска, она засуетилась, заявила, что, мол, важные дела и, если я найду следователя, она додумает все остальное позже. Пришлось уйти.

Как в разбухшем зазеркальном городе искать двери, где мог появиться следователь, я понятия не имела, однако была уверена, что найду. Нужно только сосредоточиться, представить человека, вспомнить его особенности, и тогда интуиция подскажет направление. Странное дело, но лицо следователя вспоминалось смутно. Усталый вид, серые круги под глазами, невыразительное, смазанное лицо. Зато его руку с изломанными шрамами и обрубком пальца я помнила отлично.

Я шла по городу, всматриваясь в каждую башенку, мансарду и переход, ловя себя на мысли, что где-то в кривых закоулках видела искореженное, уродливое строение. Вот только где оно?

За мной увязалась одна из птиц. Она устало плелась следом, опустив голову и задевая клювом брусчатку.

И чего ей нужно?

Но птицу я не гнала и останавливалась подождать, когда та вдруг замирала, тупо уставившись в пол. Отчего-то было тревожно и не хотелось оставаться одной.

Может быть, птица поможет найти нужную дверь? Ведь зачем-то она следует за мной.

Я входила в отражения и скоро возвращалась, а птица покорно ждала у входа. Проведя в пустых скитаниях не меньше часа, я начала терять терпение.

— Ну и куда мне идти? Ты знаешь, как найти этого полицейского? Как его там?

Я даже имени вспомнить теперь не могла.

Птица посмотрела задумчивым взглядом, будто спрашивая: «Тебе действительно это надо?».

— Ну и убирайся тогда, если не хочешь помогать!

Черная глыба из перьев развернулась и поплелась в сторону по переходу, таща за собой крылья так, будто они весили целую тонну. С минуту я стояла в раздумьях, но, когда птица скрылась из виду, я побежала за ней и нырнула в просвет тоннеля. С другой стороны, было как раз то, что я искала — нагромождение бесформенных каменных глыб с кривыми лесенками между ними и полуразрушенная башня, больше напоминающая маяк (наверное, потому что за башней не было уже ничего, кроме океана).

И почему эта носатая дурында не показала мне проход еще час назад? Хотя отчего бы мне сразу не спросить...

Я была здесь однажды, но с тех пор слишком многое изменилось.

Птица вышагивала по лестницам, перепрыгивала с камня на камень и выглядела теперь куда активнее и живее. Я бы даже порадовалась за нее, но провожатая вдруг начала свирепо щелкать клювом и бросать в мою сторону угрожающие взгляды.

Не поймешь этих тварей, честное слово.

На крутых каменистых лестницах мутно светились всего пара дверей. Я направилась к ближайшей, но моя рассвирепевшая попугчица держала круговую оборону, хлопала крыльями и огрызалась.

— И зачем ты меня сюда привела, если пускать не хочешь?

Птица мотнула головой, признавая свой промах, но сдаваться не собиралась.

— Пусти, тебе говорят! Мне нужно войти! Это очень важно!

Птица мотала черной башкой, хваталась за камни и сталкивала их вниз по лестницам.

— Ну что там такое?

Вдруг птица замерла и уставилась куда-то в сторону. Немедля ни секунды, я бросилась вверх по лестнице и прыгнула в первую дверь.

.....

В отражении стоял сплошной непроглядный туман. Рядом мелькнула чья-то тень. Я прошла вперед, пошарила руками, натываясь на еле различимые предметы.

Гадство! Куда меня занесло, и как теперь отсюда выбираться?

Вдруг стало почти темно, а когда посветлело, клочки тумана остались лишь кое-где. В воздухе повисли водяные капли. В отражении появился небритый, тщедушный мужчина с серыми кругами под глазами. Он был раздет до пояса. На узких костлявых бедрах болталось выцветшее полосатое полотенце.

Как же его все-таки звали?

Следователь почесал подбородок и потянулся куда-то в слепую зону. В руке у него появилась белая баночка без этикетки. Он отвернул крышку, вытряхнул на ладонь две круглых пилюли. Хотел было бросить их в рот, но взглянув в зеркало еще раз, передумал, скинул таблетки назад в баночку и отставил в сторону. Мужчина достал бритву, какое-то время возился с ней, отмывая налипшую щетину, потом тщательно намылил подбородок и начал раздумчиво скрести щеки.

Ну, вот я нашла следователя, и что теперь делать?

Я огляделась. На умывальнике скользкий обмылок, растрепанная зубная щетка и покореженный тюбик пасты. Какая-то одежда свалена кучей в углу. Справа от умывальника

приоткрытая дверца душевой кабинки. За дверцей ничего не видно, запотела.

Следователь уже оголил впалые щеки и теперь принялся за подбородок. А я все не могла сообразить, как оставить сообщение, чтобы оно потом испарилось... испарилось... Мысль зацепилась за слово и никак не хотела его отпустить.

Мужчина отложил бритву и опять потянулся к баночке. Тяжело вздохнув, он заглотил таблетки, запил водой из крана и собрался уходить.

Совсем отчаявшись, я подскочила к душевой кабинке и быстро написала на запотевшей дверце «Kodex». Буквы продержались всего пару секунд, а потом сбежали вниз прозрачными слезками. Скрип пальцев о мокрый пластик привлек внимание следователя. Вцепившись в раковину, он уставился на таинственную надпись. Тогда я продолжила, написав: «залог», «героин», «июль», «граница Польши», «фура», «стройматериалы»... Каждое новое слово уничтожало предыдущее водяными потеками. Места оставалось всего на пару слов, и теперь я холерично соображала, что еще добавить.

Следователь продолжал дико таращиться на душевую кабинку. Его глаза были полны такого ужаса, что и мне стало не по себе. Я всматривалась в его осунувшееся бледное лицо, пытаюсь понять, сумел ли он прочитать? Запомнит ли? Я серьезно опасалась, что от страха следователь вряд ли что-либо понимает сейчас. И тут я услышала скрип. В том месте, где собиралась дописать, медленно проступали русские буквы...

«НАДЯ»

А потом появился отпечаток ладони. Кто-то смазал все написанное прежде.

Сзади что-то загремело. Мужчина, теряя полотенце, вылетел вон из ванной. Как бы я хотела последовать за ним, но вместо этого даже дышать перестала. Внутри все окаменело.

Потух свет. Меня выплюнуло на острые камни. Я открыла глаза и первое, что увидела — горку черного песка. Птица...

.....

Кто-то следит за мной. Другое зеркало ходит по тем же отражениям, что и я. Кто он и как узнает, где меня искать, если я и сама не знаю, куда отправлюсь в следующий раз? Туфли, туфли... Невозможно поверить, что мы в который раз пересеклись случайно. Откуда он узнал мое имя и зачем выдал следователю?

Я тщетно пыталась успокоиться. Ведь этот таинственный кто-то не сможет пробраться из отражений ко мне в зазеркалье. Ведь все, что здесь есть, создано мной и только мое... Или нет? Но кто сказал, что это так? Кто сказал, что люди-зеркала не могут повстречаться по ту сторону реальности?

Я не одна?

— Где ты?! — крикнула я. — Выходи! Давай поговорим?

Никто не отозвался.

Надо как-то заставить его проявить себя снова, но на моих условиях.

Я нашла Тимофея в компании Шоно. Они сидели за барной стойкой и пили пиво. Где-то рядом гремела музыка. Я подошла и присела на соседний табурет. Нужно было сразу дать о себе знать, но я промедлила, а потом просто не смогла прервать их беседу.

— Шон, неужели ты не хочешь быть нормальным?

— Что значит нормальным? Я абсолютно нормален именно потому, что я вампир. Если копить в себе яд, и дуркануть не долго! Это как рвота, проблюешься и гораздо легче становится. После той аварии я мечтал о смерти. Ты можешь представить, чтобы четырехлетний пацан хотел убить себя? Я стал вампиром только от невозможности это сделать. Я освободился и вновь стал тем, кто способен хоть чему-то радоваться. Чувак, я реально не пойму, как можно не принимать себя? Ты тот, кто есть. И поверь, многие бы позавидовали твоим способностям. Ты хоть понимаешь, на что способен? Да ты супермен, на! Только летать не умеешь.

— А вдруг? Ты ж проверить не дал.

— А... — отмахнулся Шоно. — Я всегда говорил, что ты чокнутый идиот!

— Блин, Шон, я сам не пойму... вот как тогда накрыло и все...

— Да вижу. Розовыми соплями только не захлебнись, — презрительно скривился Шоно. — Ну а на нее-то посмотри. Она, вообще, нормальная? Тусит где-то за зеркалом, а тут, в реалке, живой труп. Может, тебе на мертвых баб переходить?

— Обхохочешься.

— Ну правда. Вы — парочка, один другого лучше. А вообще, Тимыч, это жизнь. У каждого свои глюки и тараканы, каждый как умеет, так и справляется. Смирись уже и приспособляйся.

— Я не могу приспособиться к тому, что себя ненавижу! Мне все это, — Тим покрутил указательным пальцем вокруг лица, — не надо! Ты-то должен понимать, что это уродство. Я чувствую себя ущербным инвалидом, которому недоступны обычные вещи. Меня не воспринимают как личность. Со мной выделяются, ведут себя неестественно. Да нахрена мне это поклонение! Я хочу всего лишь нормальных человеческих отношений. Меня тошнит от обожания! Да лучше бы ненавидели — это честнее.

— Хм. А вот тут ты не знаешь, о чем говоришь.

— Может быть. Вот поэтому я и спрашиваю, неужели ты не чувствуешь себя одиноким, непонятым?

— Да плевать мне на понимание, — Шоно отхлебнул пива. — И так зашибись.

— Я тебе не верю.

— Склифосовский нашелся!

— Станиславский.

— Да насрать! Расскажи о своих проблемах вон тому гоблину с заячьей губой, — Шоно мотнул головой в глубину зала.

Тим не оглянулся. Он напряженно потер ладонями виски.

— Я все время думаю, что могло бы быть иначе, семья, мама...

— Семья — это круто, чувак. Кто спорит? Вот у меня была семья, а потом раз, и не стало. Семья — это страх, а страха в моей жизни больше не будет.

— А мне нужен этот страх! В этом весь смысл, чтобы бояться за кого-то.

— Ты безнадежен! — Шоно скорчил насмешливую мину. — Влад на это не подпишется, вот увидишь.

— Ха! Другой возможности меня прикончить у него не будет.

— Ты себе льстишь, если действительно думаешь, что он тебя ненавидит. Но я не об этом. Я о том, что они уже тучу лет пытаются инициировать хоть кого-то, но я пока не видел ни одного «искусственного» вампира. Это природа, брат! Ты рожден быть вампиром, потому и стал им. Если уж о Владе зашла речь, он ведь чувствует энергию, видит, но управлять ей не способен. Не дано, понимаешь? Меня убивает, что ты не сечешь, насколько крут!

— Нас с тобой, Шоно, пользуют. Вот такие мы крутые.

— Э! Ты давай тут...

— Ладно. Это вопрос философский. По поводу моей... проблемы. Короче, чтобы включить лампочку, нужно замкнуть электрическую цепь выключателем, нужно, чтобы ток побежал по проводам и разогрел спираль, а в лампочке был вакуум, короче дофига всего нужно. А чтобы выключить лампочку, достаточно просто кинуть в нее камнем.

— И расхреначить в дребезги. Ты этого хочешь?

— Да все со мной будет нормально! Я же гребаный супермен.

— ...Слегка долбанутый на голову.

— Но представь, если получится? Это такой шанс! — Тим покрутил в руках бокал с пивом, а потом одним глотком осушил его. — Слушай, а давай нарежемся?

Он повернулся и бросил проходящей мимо официантке:

— *Další pivo prosím!*

Девушка заулыбалась, будто получила самый изысканный комплимент, и кивнула.

— Пижон! — проворчал Шоно. — Получится, не получится... Да ты вампир до мозга костей! Ты уже и шагу ступить не можешь, чтобы не расплескаться.

Тим закатил глаза.

— Да-да... — скептически протянул Шоно и отодвинул свой пустой бокал. — Слушай, сегодня никак. Уже с рыжей договорился.

— Ты ее так и зовешь?

— Ага. А как ее зовут-то?

— Ну ты даешь, бро! Софи ее зовут.

— Клевая она! Совсем безбашенная.

Я впервые увидела, как глаза Шоно посветлели и стали... добрыми.

— Давай я тебя хоть паре слов по-французски научу? — предложил Тим.

— Все что надо и так знаю!

И Шоно продекламировал в одно слово: «вулевукушеавекмуасесуар».

— Романтично, — Тим покачал головой.

— Романтик у нас ты, а мне этой херни не надо. А вообще, если че сказать хочу, я ей просто показываю.

— Смотри, не перестарайся.

— Слушай, я от нее сам в шоке. Она реально кайф ловит, когда ее пугаешь.

— Шон, это судьба, — Тим весело подмигнул.

— Ладно, пойду я. Она уже часа два дожидается, а я тут с тобой зависаю.

Тим остался один за стойкой. Официантка принесла новое пиво. Он улыбнулся ей, что-то сказал по-чешски. Деваха расхохоталась.

Иди уже, дура косоротая!

Обслуживать других клиентов официантка совсем не спешила. Топчась на месте и теребя в руках круглый поднос, она принялась увлеченно рассказывать что-то Тиму, а тот молча тянул пиво и хитро шурился. Стало так тошно, будто меня заставили выпить стакан рыбьего жира. Я подошла к стойке у него за спиной и смахнула забытую кем-то пивную бутылку. Она звонко шваркнулась об пол и разлетелась вдребезги. Тим оглянулся, ощупал задумчивым взглядом зал, а потом обратился лицом к бару и уставился в зеркало.

Мне сделалось так стыдно, так противно. И что я за стерва?! Будто внутри живет еще одна Надя, вечно недовольная и депрессивная, подозрительная и малодушная, та, кто никому не верит и всех презирает. И ничем эту Надю не вытравишь! Как ненавижу себя, что опять шпионю, опять услышала, чего слышать не следовало. Ну почему я решила, что он должен докладывать о каждом своем шаге, о каждой мысли? Все, что нужно знать — он любит меня и никогда не предаст! Это я — та, кто предает и следит исподтишка!

.....

Я тронула Тима за руку.

— Я здесь.

— Так и подумал, — отозвался он тихо.

— Со же? — переспросила официантка, заискивающе вперясь в Тимофея.

— Уходи, — буркнул Тим, мельком глянув на официантку.

Девушка послушно пошла прочь.

Я показала в зеркале. Тим широко улыбнулся и вдруг сказал:

— Пойдем, потанцуем?

— Это как? — растерялась я.

Даже не спросил, как долго за ним наблюдаю, а вот я бы обязательно выяснила...

— В соседнем зале танцпол, там вокруг зеркала. Сможешь перейти туда?

— Наверно. Но ты представляешь, как это будет выглядеть со стороны?

— Да плевать! — Тим отставил недопитый бокал. — Подумают, перебрал, только и всего. Здесь таких много.

Я пожала плечами.

Вышла из отражения и огляделась. Рядом тускло поблескивали пара дверей. Я вошла в одну из них, верно догадавшись, что это огни дискотеки.

В зале гремела музыка. На тесном пятачке танцпола кипела толпа наших с Тимофеем ровесников. Разноцветные лучи выхватывали изломанные фигуры в странных позах, распахнутые ладони, разинутые рты, голые пупки и икры, фосфоресцирующие футболки. Кто-то прыгал и дергался в такт музыке, а кто-то двигался в своем заторможенном хаотичном ритме.

Откровенно говоря, я впервые попала в настоящий европейский клуб. Были, конечно, школьные дискотеки, когда я неизменно забивалась в самый темный угол класса и смотрела, как дурачатся мои одноклассники, нахватавшиеся в туалете дешёвого алкоголя. До сих пор не понимаю, зачем я приходила на все эти сборища в честь 8го марта, дня Валентина или еще бог знает чего. Культурная программа, как водится, состояла из нелепых сценок, в которых я никогда не принимала участия, а потом колонки начинали греметь оголтелой пошлятиной, и все вставали в кружки.

Тимофей стоял на краю танцпола и вглядывался в зеркала. Я подошла и взяла его за руку. Он тут же притянул меня к себе и обнял.

— Диджей Финик мой приятель, — крикнул он. — Сейчас поставит что-нибудь

поприличнее.

— Я совсем не умею танцевать, — закричала я ему на ухо.

— Тогда закрой глаза и просто иди за мной. Только не отпускай, ладно?

Он легко приподнял меня за талию и поставил поверх кроссовок.

— Я тебе ноги оттопчу, — запротестовала я.

— Ты — перышко.

Горячее дыхание Тима тронуло мочку уха. Я обняла его за плечи.

Заиграло что-то психоделическое, растяжное, так что многие пары сцепились и начали покачиваться, создавая волны на танцполе. Мы встроились в волну и поплыли вместе со всеми.

— Ты когда-нибудь ощущала себя частью киселя? — весело спросил Тим.

— Вот прямо сейчас, — засмеялась я. — Только давай не будем размахивать руками, как тот тип? Кажется, он сейчас взлетит.

— Да он уже.

Стало грустно. Неожиданно для себя я решила больше ничего не скрывать.

— Тим, я знаю... про опыты на людях и про попытки инициации вампиров.

— Угу, — только и ответил он, не переставая переступать ногами.

— И что ты об этом думаешь?

— Сейчас ничего. Сейчас я танцую со своей девушкой, и мне очень хорошо.

— Мы с Софи были в клинике доктора Земана.

Тим остановился. Кто-то толкнул его в спину, мы пошатнулись и чуть не упали.

— Так, давай-ка все-таки отойдем.

Он потащил меня к колонне под желтым фонарем.

— И что вы там делали? — спросил Тим холодно.

— Хотели узнать, где...

— Не там, — отрезал он, не дослушав. — Надя, какого черты вы туда поперлись?!

— Но если не там, то что тут такого? Софи просто сходила на консультацию к врачу и сдала анализы. Тем более, она действительно больна. У нее какая-то страшная наследственная болезнь. Какой-то Коновалов...

Я осеклась. На лице у Тимофея застыл одновременно и ужас, и злость.

— Да вы сдурели обе!? Влад — живодер!

— Мы просто хотели найти место, где он проводит эксперименты.

— Да неужели вы думали, что он держит людей в клетках прямо посреди жилого квартала?

— А почему нет, Тимофей? Я отлично помню репортаж о маньяке, который похитил девочку и восемнадцать лет держал ее в подвале обычного частного дома. У этой девчонки было от него трое детей. И никто даже понятия об том не имел. Если обычный офисный служащий способен организовать такое, почему этот ваш доктор Земан не может?

Тимофей молчал.

— Да вспомни, где они держали тебя! Почему ты уверен, что прямо сейчас в подвале этой миленькой частной клиники не спрятаны чьи-нибудь дети, накачанные героином и ожидающие, когда придет Шоно?

— Шоно бы мне сказал, — но в голосе Тимофея промелькнули неуверенные нотки. — Он никогда не знает заранее, куда нужно приехать. И с чего ты взяла, что дети? Шоно сказал, всегда приходилось пугать взрослых и выглядели они, как бездомные или конченные

наркоманы. Он бы не стал пугать детей.

— Шоно сказал, Шоно объяснил, Шоно успокоил и отвлек, а если надо и косяк предложил. Расчудесный Шоно!

— Он мой друг.

— Хорошо же началась ваша дружба...

— Его заставили.

— Это тебя заставили выбирать там, где выбора не было! А его кто заставил? Он был старше, чем ты сейчас, и у него были деньги. **ОЧЕНЬ МНОГО ДЕНЕГ...** Ты когда-нибудь спрашивал, почему он вернулся, и где та сумка?

Тим опять промолчал.

Я взъерошила волосы, вдруг осознавая, что начинаю копировать его движения.

— Тим, я не собираюсь вставать между вами. И, конечно, шпионить — это последнее дело. Но, пойми, я в такой ситуации... сложной. В общем, я была в кабинете у ВВ, нашла в шкафу документы на усыновление десятерых детей в возрасте около четырех лет. А потом Шоно рассказал, как и, главное, когда он стал вампиром...

— А я все думал откуда взялся табурет...

— Какой табурет?

— Продолжай.

— ВВ сказал, что они достигли успехов в инициации вампиров. Не знаю, в чем заключается этот успех, но никто не выжил. Ни одного обращенного за все эти годы. Они все мертвы! Подопытный С38... Это сколько человек было до него?

Тим смотрел куда-то вниз и покусывал губы. Вдруг выпалил:

— Ты помнишь телефон Софи?

— Ты думаешь, за нее стоит волноваться?

— Теперь не знаю.

Я продиктовала ее номер. Каким-то чудом я действительно помнила его наизусть... ее и мамин.

Тим набрал, сбросил, набрал опять.

— Не отвечает.

— Она выкинула симку, — вспомнила я.

— Так, Шоно...

У Шоно занято.

— Адрес?

Пива еще пожалуйста! (перевод с чешского).

Не хотите ли переспать со мной сегодня (перевод с французского).

Что, что? (перевод с чешского).

Ни Софи, ни Шоно нигде не было. Я проверила несколько зеркал. Тимофей съездил по нескольким адресам, но все напрасно. Они бесследно пропали, и это выглядело тем более подозрительно, что на телефон ни тот, ни другой не отвечал, а когда я в очередной раз собралась проверить зеркало Софи, дверь попросту исчезла. Внутри все оборвалось. С ней что-то случилось.

Поиски осложнялись еще и происходящим бардаком в моем мире. Переходы вращались совсем не туда, куда я так стремилась попасть. Галереи ветвились, объединялись в замкнутые клубки. Башни осыпались. Обвалился тот самый первый дымчатый мост к черной башне. А еще я повсюду натыкалась на издыхающих птиц. Они жалобно стонали совсем не по-птичьи, а после смерти колючий ветер раздувал их прах. На земле какое-то время чернели неподвижные тени.

С каждой минутой океан злился все сильнее. Он шипел и издавал булькающие гортанные звуки. Словно громадное чудовище разинуло пасть, и город вот-вот сгинет в темной пучине его глотки.

Лишь черная башня стояла прочно и, как маяк в бурю, ярко светила дверью на вершине.

Я вышла в отражение. Тимофей шел по улице и держал зеркало в руках. Я позвала, он тут же откликнулся.

— Я не нашел их, — сказал Тим хмурясь. — Звонил всем, кому можно, никто не видел. Проверил еще пару адресов, был в нескольких клубах, все бесполезно.

Неожиданно для себя я вздрогнула и перед глазами поплыла муть, но через пару секунд все опять встало на место.

— Мне показалось, или... как будто помехи в телевизоре.

— Все в порядке, — успокоила я, а самой стало неуютно.

— Надя, я сделаю все, чтобы найти Софи в самое ближайшее время. Но сейчас у нас есть проблемы поважнее.

Это точно. Кажется, скоро меня просто не станет. Странно только, что не страшно совсем, не как тогда.

— Звонил ВВ, говорил елейным тоном, а значит он в бешенстве. Сегодня что-то там сорвалось. Они пытаются продать кодекс владельцам, ну, то есть Национальной библиотеке. Те вот-вот должны получить деньги по страховке. Все было на мази, но вдруг возникли какие-то несостыковки... ВВ настаивает, чтобы ты вышла сегодня же. Надя, ты что-то сделала?

— Может быть...

Напрасно я сомневалась в следователе. Хоть и испугался, но отлично запомнил все подсказки. Развел бурную деятельность. В поисках Софи я случайно попала к нему в кабинет и оказалась на собрании группы оперативников. По-чешски мало что поняла, но стало ясно, полиция активизировалась.

Тимофей смотрел вопросительно.

— Я рассказала полиции, где искать книгу.

Тим разинул рот.

— Ну не то, чтобы рассказала... оставила несколько подсказок. Не волнуйся, я тебя не выдала.

— Да при чем тут я! Ты понимаешь, что ВВ это так не оставит? Думаешь, с ним можно шутить? Ты должна молчать. Тебе не полиция стоит бояться...

— А я и не боюсь!

Тим хотел еще что-то сказать, но передумал, только головой покачал.

— Ладно, сейчас не важно. Скажи, ты справишься? Пусть даже Шоно не будет рядом, я сделаю все, что смогу. Последние пару дней я копил энергию, а ВВ — старик. Ему чертова туча лет! Я одолею его. Надя, ты сможешь сделать портал?

— Я попробую. Это не просто, но я постараюсь.

— Я могу чем-то помочь? Что для этого нужно?

— Найди зеркало в человеческий рост.

— Да это без проблем! А дальше?

— А дальше я сверну пространство.

— Хм?

— Вся суть в том, чтобы установить дверь в нужное отражение напротив двери в стартовое зеркало. Я не могу перемещать двери, но могу двигать лестницы и переходы, могу создать мост и повернуть его, могу немного сжать пространство. — Тим помотал головой. — У тебя в детстве не было головоломки «Змейка»? Вот примерно то же самое, только поворачивать можно в любом направлении. Дверь в мое стартовое зеркало, как центр вселенной, где все сходится и двигается относительно нее.

— А когда ты развернешь двери, что тогда?

— Тогда я выгну отражения, и они сольются, получится портал — сквозная труба.

— И как ты их выгнешь?

— Ммм... Я позову их. — я пожала плечами. — Честное слово, я не знаю. Зеркала, они живые, они тянутся ко мне, когда зову.

— Уф... — Тим потер лоб. — Ты точно справишься?

— Я постараюсь. Тим, а как же мое тело? Родители не позволят просто забрать его. А еще полиция...

— ВВ не нужно применять силу, чтобы заставить людей подчиняться. Но ты не волнуйся, никто не пострадает. Я поеду в больницу прямо сейчас и предупрежу твоих. Мы справимся!

— Ладно. Как будешь готов, помигай, как тогда.

.....

Это снег?

Ветер утих, и в воздухе плавно кружили белые хлопья. Пушистая вата законопатила трещины меж камней, улеглась отложными воротниками на перила мостов, прикрыла брусчатку.

Откуда здесь снег, ведь совсем не холодно?

Я зачерпнула у ног белизны, потеряла в руках, понюхала. Похоже на пепел, вот только гарью не пахнет.

Я побрела сквозь снежное марево к скале, замечая, как кренится серая тень башни и гаснут огоньки дверей. Под ногами глухо похрустывало, как раздавленные жуки. Птиц теперь не было видно вовсе, только кое-где попадались припорошенные холмики.

Портал... Нет, никакого портала на этот раз не будет. Слишком поздно. Я выйду или не выйду, тут уж как получится. Вернуться, чтобы потерять память, любовь, себя... Не лучше ли стать частью этого белого снежного пепла, сгинуть, растворится, вот как эти следы... следы

на снегу.

Круглый носок, широкий каблук. Цепочка неровных или заметных следов выходила с моста и тянулась в город. Этот кто-то был у двери в стартовое зеркало.

Я кинулась к скале, взбежала по круговой галерее на вершину. Моя дверь была на месте и уже излучала алые всполохи. Следов не видно, и не удивительно. Хлопья падали так часто, что наверняка давно успели занести все знаки. Я встала на колени и попыталась раздуть пепел. Ничего! Нужно вернуться на мост и, пока не поздно, пройти по следам, найти того, кто так бесцеремонно вторгся в мои владения.

Я бросилась назад. На мосту следов уже не осталось, но в переулке, куда пепельному снегу было сложнее добраться, чернели отчетливые вмятины. Я пошла по следу. Знаки обрывались как раз у начала галереи с черным провалом в конце. Я опасно двинулась вперед, миновала первый поворот и вдруг услышала глухое шарканье совсем рядом.

Вернись! Вернись к скале, дождись, когда посветлеет дверь в стартовое зеркало, и выходи!

Но ноги уже не слушались. Они несли все дальше и дальше, прибавляя шаг с каждой секундой, и когда я выскочила из-за следующего поворота, в самом конце галереи увидела его... Он стоял спиной ко мне, лицом к провалу. Памяти потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить человека в цветастой шелковой рубахе и расклешённых брюках по моде семидесятых.

— Кто ты?!

Незнакомец не обернулся и не ответил.

— Кто ты?! — крикнула я опять. — Как ты попал в мой мир?

— Он не твой, — тихо прошелестел чужой голос.

— Нет, мой! Обернись! Кто ты?!

— Я — это ты, а ты — это я...

— Обернись! — Я сделала несколько шагов вперед.

— Я — это ты, а ты — это я, я — это ты, я — это ты...

— Что за бред! — я подскочила к незнакомцу и дернула его за плечо. Он оглянулся, и я узнала... СЕБЯ.

Перед глазами заплясали желтые пятна. Я почувствовала, что оседаю, как пальто, соскользнувшее в вешалки. Сильная рука подхватила меня и толкнула вперед. Я полетела в черный провал.

Змэйка Рубика—головоломка, представляющая собой 24 шарнирно соединенных между собойпризмыв прямоугольном сечении.

В неврологическом отделении меня уже знали и пропускали без вопросов.

Для всех я был ее «симпатичным французским бойфрендом». Неделю назад приехал из Бельгии и ни слова не понимаю по-чешски. Я улыбался медсестрам и докторам, мило картавил «Merci», так что меня теперь и в операционную пустили бы, не то что в палату интенсивной терапии.

Сегодня Надю переводили в обычную палату. Лечащий врач заверил, угрозы для жизни больше нет. Пациентка хорошо восстанавливается, а полная амнезия и неспособность говорить — это вполне распространенные последствия комы, и процесс восстановления может занять несколько месяцев. Полицию такой прогноз не обрадовал. Пару раз следователи пытались допросить Надю, но не добились ничего. Она их просто не замечала. Как результат, выезд из страны запретили на ближайший месяц. Полиция надеялась, что со временем все-таки сможет выжать из свидетеля хоть какую-то информацию о Вышеградском кодексе. Им и в голову не приходило, что похититель самой дорогой книги в Чехии целыми днями толчется возле свидетеля.

Я подошел к дверям палаты, поздоровался за руку с дежурившим полицейским, шепнув, как обычно: «Я свой, пропусти». Увидев меня, Настя встала, одарила ледяным взглядом и вышла. Я ни разу не упрекнул ее и даже не заикнулся о прошлом, но она ненавидела меня так сильно, как только может ненавидеть человек, не желающий признавать свои ошибки. Но у этой женщины, по крайней мере, был характер. Стас, тот вел себя, как распоследняя тряпка, прятался в больничных коридорах, глаз не смел поднять, так ему было тошно от меня, а скорее от себя самого. Вчера он улетел назад в Бельгию, заявив, что «кто-то должен зарабатывать деньги на лечение дочери», хотя необходимости в этом не было. Я мог бы, конечно, поправить их отношение ко мне, но... нет. Пусть сами нянчатся со своими скелетами в шкафу.

Надя полулежала на больничной кушетке и внимательно разглядывала что-то за окном. Она вообще только туда и смотрела всю эту неделю. Я сел в кресло в дальнем углу так, чтобы не маячить у нее перед носом. Она этого не любила. Надя смотрела в окно, а я смотрел на нее, пожирал взглядом до тех пор, пока в глазах не начинало щипать. Тогда я вставал и уходил, но скоро возвращался. Теперь казалось, пережить несколько лет без нее было куда легче, чем эту неделю с ней.

Глядя на Надю, я снова и снова воскрешал свои терзания. Будто и не возвращалась она вовсе, и не было тех бесконечных разговоров ночь напролет, когда мы захлеб рассказывали каждый о своем, не было тех минут в машине, тех прикосновений... Черт! Вот она, рядом, и нет ее...

Тогда, три года назад, от Нади не осталось ничего, кроме бесполезного зеркала, которое я с одержимостью хранил, уже не надеясь больше увидеть ее. И, хотя ее больше не было рядом, она все так же бесцеремонно вклинивалась в каждый мой день. Ночью мучили кошмары, в которых я бродил в зеркальных лабиринтах, пытаюсь отыскать ее. Утром открывал глаза и первое, о чем думал, где она и что сейчас делает? Я жадно цеплялся за самые незначительные воспоминания. Доходило до того, что отправлялся в парк ловить снежинки, пытаюсь найти идеальную, такую же, как она показала однажды. И даже в те убогие несколько минут, когда терял невинность с какой-то шлюховатой дурой,

подосланной Шоно, мог думать лишь о том, что, может быть, и она где-то с кем-то именно сейчас делает то же самое. Я был настолько жалок, что мутило от себя самого.

Я очень хотел увидеть Надю глазами наших одноклассников. Перебирал в памяти и искал подтверждения всем тем дразнилкам, что они кидали ей вслед. Тощая, плоская, бледная, пучеглазая, губа, как утиный клюв. Нет, она никогда не была «девушкой с модельной внешностью», как сказал бы один мой знакомый. Но всякий раз, воскрешая ее образ, я безнадежно осознавал, что каждая черточка в ней была живой и особенной для меня. Хрупкая девочка с чистой, почти прозрачной, кожей. Когда на ее бледных щеках вдруг вспыхивали розовые пятна, голова шла кругом. Казалось, между нами натянут электрический кабель и такое напряжение... Она, угловатая и нескладная в свои четырнадцать, волновала, как ни одна из тех красоток, что я знал потом. Шелковые спутанные волосы, не изуродованные пирсингом аккуратные ушки, узкие запястья, тонкие, измазанные синей ручкой, пальцы, — моя девочка была воплощением нежности. Ее глаза преследовали в каждом сне, в каждом наркотическом забытье. Глубокие, пронзительные, всегда влажные, они завораживали своей чистотой. Они, как два маленьких зеркала, отражали меня, но не того меня — вампира и пожирателя чужих чувств, а того, кем я всегда хотел быть — человека. Я любил ее навзрыд и так тосковал, что жизнь превратилась в бесконечную пытку.

Перепробовал все, чтобы забыть ее. Ударился в учебу. В занятиях и уроках было много правильного, чего так не хватало в той среде, где я очутился. Потом всерьез увлекся музыкой. С нее-то и началось мое падение. Музыка разбередила душу, всколыхнула и усилила неразрешенные чувства и разногласия с совестью. Раскис настолько, что просто перестал жить. Все потеряло смысл.

Тогда появились наркотики. Блаженные мгновения иллюзорного счастья. Я видел мою девочку и разговаривал с ней! Чего еще пожелать? Вряд ли бы остановился сам, но так случилось, что в прекрасный момент прихода я шагнул из окна седьмого этажа. Шоно поймал за шиворот и затащил назад.

После того случая за меня взялся ВВ. Мы встречались раз в неделю, и во время «сеансов» ВВ забирал мою энергию любви. Я позволял откачивать излишки эмоций, но к глубинным своим чувствам не подпускал. До сих пор не понимаю, почему не отдал ему то, от чего так страстно хотел избавиться. ВВ очень злился, но его внушения не оказывали большого действия. Я остался при своём. Хотя надо отдать ему должное, сеансы помогли успокоиться и взять себя в руки.

И вот, когда был сделан окончательный выбор в пользу той жизни, о которой постоянно твердил ВВ, когда я стал полноценным членом банды и меня начали привлекать к серьезным делам, совершенно неожиданно появляется она.

Я ждал, что судьба так или иначе столкнет нас вновь, ждал каждый день. Миллион раз представлял, как это случится, что скажу ей, как буду себя вести.

«Привет. Как дела? Неплохо выглядишь, бла-бла-бла...»

Но встретить ее там, в библиотеке, именно в тот злополучный момент... Я не был готов. Настоящий шок! В проеме окна, в лучах света стояла моя девочка — хрупкий, нежный ангел, до боли знакомые черты... Я очумел! Взгляд отвести не мог, забыл, как говорить, как дышать. А потом эта книга...

Я знал, что нам нельзя встречаться. Я должен был закончить начатое. Все давно спланировано, решено, и еще... я разозлился. Понял, что эта встреча была чистой

случайностью для нас обоих. Она испугалась...

Но потом я нашел предлог и вцепился в него хваткой бультерьера. Нужно поправить ей память. Нужно стереть эту нелепую сцену из ее головы. Она забудет, и все останется, как прежде. И я пошел, помчался на встречу, полетел, как реактивный самолет.

Я почувал ее издали и едва не рухнул на месте. Шквал любви... Три года, три года и такая буря! Я затрясся, в горле полыхало, не вдохнуть не выдохнуть. Я запаниковал. Скользнул за угол, попытался уйти, но ноги подкашивались. А она все металась по галерее, разнося головокружительную, чистейшую ауру своей любви... любви ко мне. Я хотел ее убить.

Надя заметила меня. Как в бреду, наговорил ей гадостей и сбежал. Чуть не умер от тоски в тот вечер, но был счастлив, ведь она не забыла меня.

А теперь в больничной палате обитала живая кукла, холодная и безучастная.

.....

С того вечера ни Шоно, ни Софи так и не появились. Я узнал, что в Прагу приезжали родители рыжей и даже подавали заявление о пропаже, но скоро забрали и уехали. В их быстром отъезде я подозревал руку ВВ. Я спросил его напрямую. Тот, не смутившись, заверил, что никакой Софи он не знает, а с Шоно все в порядке, и сейчас он на задании, о котором пока никто не должен знать.

«Как здоровье у нашего драгоценного зеркала?» От беспечного тона этого лицемера меня передернуло. Довольный, уверенный в своей непогрешимости, власти и превосходства над целым миром ублюдок! Убил бы его!

Ах, как хотелось найти того, кто отнял ее душу, ее память, любовь ко мне и ко всему живому! Уж лучше б это был ВВ...

Они не забирали тело Нади из больницы, и когда я примчался туда, вся компания была уже в сборе. Полицейский в ауте, весь медперсонал куда-то исчез с этажа. Родители Нади не сопротивлялись, тихо сидели у кровати дочери и с надеждой смотрели в стартовое зеркало. Тело Нади усадили так, чтобы оно отражалось целиком. Когда я ворвался в палату, ВВ приветливо воскликнул: «Ну, а вот и он! Теперь, надеюсь, и Надя выйдет.»

Я заволновался. В комнате три амбала, в коридоре еще пятеро. Будь я с Шоно, он бы взял всех молодцов на себя, а я управился с ВВ. Но одному с этой стаей не совладать. В отражении появилась Надя. «Не выходи!» — заорал я, но она даже не взглянула на меня. Сделала шаг и пропала из отражения. Зеркало вздулось пузырем и тут же опало. Никогда такого не видел. А потом Надя на кровати зашевелилась. Она распахнула глаза, обвела всех диким взглядом и прыгнула. Даже ВВ остолбенел. Надя подскочила к одному из громил, выхватила у него пистолет и выстрелила прямо в зеркало. В ушах зазвенело. Надя рухнула на пол.

Я оттолкнул двух громил и подскочил к ней.

— Надя?

Она молчала. Я обнял ее и выплеснул всю энергию любви, что только была во мне. Ее веки дернулись, приоткрылся один глаз.

— Слава богу... Зачем?..

Надя оттолкнула меня и поползла под больничную кушетку. Как умалишённая дикарка, она выглядывала оттуда и рычала. Я попытался подойти, но Надя взглянула с такой ненавистью, что я попятился. Опомнились ее родители. Стас принялся тянуть дочь из-под кровати, но та заскрежетала зубами и укусила его до крови. Только Насте удалось

приблизится к дочери. Она присела на пол рядом с ней и оставалась там, пока не пришли врачи.

Отнять у Нади было нечего. Она была пуста.

Зеркало уцелело. Пуля отскочила, оставив лишь небольшую звездочку. Я не знал, что зеркало бронированное, хотя мог бы догадаться, что окна в допросных сделаны не из простого стекла.

Спасибо (перевод с французского).

В «Метро» было не протолкнуться и тянуло табачным дымом. Курить в клубе запрещали, но все равно кто-то смолил. У меня от этого запаха все нутро свербило.

Посреди зала на сцене какой-то «перспективный» новичок в клетчатой куртке разогревал публику. Чувак реально старался, от души плевал в микрофон, раздувал ноздри, пыхтел и скрипел, чуть ли не задницей звуки издавал, но суровая публика не проникалась. Одни отправляли перспективного в игнор, другие откровенно подальше. Все ждали появления гуру битбокса и начала настоящего батла.

Шоно никогда не пропускал батлы, особенно такие, как сегодня, когда ожидали гостей из заграницы. Сам Шоно битбоксил зачётно. По части шоу и эмоций равных ему не было. Он всегда был ярким, звуки выдавал жестко, ритмично, агрессивно, но техника не дотягивала. Потому и нагло штукарил. И только я знал, как достаются ему победы.

Ясное дело, Шоно не любил, когда я появлялся на батлах. О сегодняшнем я знал давно. Шоно готовился и все уши прожужжал угрозами порвать какого-то Болта. Но когда я спросил организаторов о Шоно, мне сказали, что он соскочил.

Только, чувак, я-то знаю, ты не вытерпишь и все равно засветишься. Такого облома тебе не пережить! Еще не вечер, подожду.

Скоро к сцене потянулись реальные мастера. Появился ведущий и начал нести пургу об организации и спонсорах. Фольки свистели и аплодировали своим кумирам. Я в очередной раз обошел вокруг сцены, заглянул за колонны, проверил коридор и заплеванные кабинки в туалете. Шоно пока не проявился.

Пришлось еще полчаса качаться в толпе и симулировать оргазм от происходящего на сцене прежде, чем почувствовал его рядом.

Весь в темном, как обычно, Шоно мимикрировал в углу, недалеко от запасного выхода. Стараясь не спугнуть, я пошел к туалетам. Там, на всякий случай, отжал у какого-то мажорика кепку, и обогнув зал по периметру, подкатил к Шоно сбоку.

— Здорово. Чего тенью отца Гамлета по углам жмемся?

— Здорово, — он был как-то не очень в восторге. — Че хотел?

— Да много чего. Пойдем, поговорим?

На сцену вышел Болт и уже распинался, что его противник «se posral a utekl».

— Урою тварь! — прошипел Шоно.

Он отвлекся, и я успел зацепить его за руку.

— Пойдем, — приказал я.

Шоно послушно заковылял следом по исписанному граффити вонючему коридору к черному выходу. Я знал, очень скоро Шоно очухается. Мы давно привыкли к выплескам энергии друг друга, и у каждого сформировался иммунитет.

Скоро король битбокса выдернул руку, но все-таки следовал за мной. Мы вышли из клуба, нырнули в переулок, прошли до тупика и остановились.

— Ну че скажешь? — Шоно достал пачку, вытряхнул одну сигарету и, привалившись к стене, закурил. Знает, что меня это нервирует.

— Где ты был, Шоно?

Молчание и злые прищуренные глаза сквозь дым.

— О'кей, не важно. Ты обещал и тебя не было, проехали. Где Софи?

— Откуда мне знать?

— Не заставляй меня...

Он отбросил сигарету и сверкнул глазами, но я был готов. Сильно ошибается, если думает, что я пришел на стрелку голодным.

— Стоять! — приказал я, впившись в него взглядом.

Шоно замер, но рассудка не потерял.

— Говори!

Азиат скалился и настырно пытался прикрыть рукавом глаза.

— Отпусти! — прорычал он.

— Нет, пока не ответишь.

— С ней все нормально!

— Что с ней?

Я усилил поток энергии.

— Ее инициировали! — прохрипел Шоно.

— Что?! Да как ты?.. Как ты позволил?!

— Потому что нет выбора! — взревел Шоно. — Нет его! НЕТ! Ты идиот, и они идиоты если думают, что инициировать можно кого угодно и когда угодно. Лишь те, кто видел смерть — вот здесь, — Шоно с трудом подтянул ладонь к лицу, — вот здесь, сука, прямо перед носом, только тех можно! А она видела не один раз. Она уже была инициирована до меня и до них. Ей только нужно помочь завершить процесс, иначе она не жилец.

— Шоно, ни один не выжил в ваших экспериментах. Только не говори, что не знал. А если получится, подумай, на что ты ее обрекаешь.

— Я даю ей шанс жить, другого не будет!

— Это одиночество, страх, голод, ненависть к себе...

— ЭТО ЖИЗНЬ! Ничего нет лучше и важнее жизни!

— Это то, чего она хочет? Ее выбор?

— ЭТО МОЙ ВЫБОР! Я выбираю ее!

— Так нельзя, Шоно.

— Только так и нужно. Ты сам так сделал.

Слова рыбьей костью застряли в горле.

— Послушай...

— Нет, ты послушай! Здесь все так или иначе вампиры. Все до единого, даже самые близкие, пользуются друг другом, обманывают, играют на нервах. Изменив физиологию, ты не станешь лучше. Смысл жизни в том, чтобы жить, черт возьми, жить любой ценой!

— Любой ценой?

— Да! Любой абсолютно. А еще в том, чтобы радоваться, если тебе перепадает что-то хорошее. Да мне насрать на ее принципы, — руки у него слегка подрагивали. — И пусть верит хоть в бога, хоть в сатану, только если есть шанс выжить, она его получит, а там разберемся. Не ищи ее, не твоя забота!

Похоже он знает, что делает.

— Мне нужно встретиться с Владом, — сказал я.

— Тимыч, я вообще, о чем сейчас говорил, а? Какого хера ты не уймешься?!

— Скажи ему, пусть не боится. Я ничего не сделаю. Мне нужно поговорить с ним так, чтобы никто не знал, ни одна душа, особенно ВВ.

— Черт бы тебя побрал, Тим!

— Если он боится, поговори с ним сам. Ты ведь знаешь, чего я хочу.

— Нет!

— Шоно, ты сделаешь это для меня.

— Лучше б я тебя тогда не удержал...

— Возможно.

Я пошел прочь.

— Позвони, как сможешь, — крикнул я через плечо.

«обосрался и сбежал» (перевод с чешского).

Спать не хотелось, и я решил не ехать домой, а побродить по городу до рассвета, чтобы потом сразу отправиться в больницу. В центре все еще шарахался народ. Пьяные компании туристов возвращались из клубов. Самые неутомные любители приключений цепляли проституток и исчезали с ними в подворотнях. Другие орали и улюлюкали им вслед. Кого-то уже приходилось тащить под руки. Дешёвое пиво, дешёвые шляхи, дешёвая наркота, смаженный гермелин, свинина с кислой капустой, Абсент и Бехеревка, пьяные англичане, пьяные немцы, черные сутенеры, зазывала в костюме Губки Боба, в витринах разноцветный хрусталь, матрешки и шапки ушанки с красными звездами, олимпийский мишка с автоматом в лапах, призывающий посетить музей коммунизма, красные фонари в переулке от Вацлавака, портье в старинном красном кафтане и черном цилиндре, красная черепица, шпильки, мансарды, засранные птицами статуи святых, ползающие по телебашне младенцы, трамвайные рельсы, выщербленная заплыванная брусчатка, оружие чайки на опорах моста, неприкажные лебеди, жирные голуби, Ленон на облупившейся стене. Прага.

Открыли метро. Я зашел в последний вагон, развалился на двух сиденьях. Чужая кепка услужливо сползла на глаза. Ехать минут сорок, успею вздремнуть.

Я провалился в сон моментально и оказался в центре города, в еврейском квартале. Вынырнул из грязной подворотни и очутился напротив той самой синагоги, что примыкала к старому еврейскому кладбищу. Ворота были распахнуты настежь. Я заглянул внутрь. Никого.

Отчего бы не зайти?

Я начал протискиваться между покосившихся, источенных временем плит со стертыми письменами. Дорожек на кладбище не было, и немного смущало, что приходится наступать прямо на могилы. Зайдя не так уж далеко, я решил повернуть назад и вдруг понял, что потерялся. Синагога, мой ориентир, пропала из виду. Вокруг торчали разнокалиберные надгробья, да мясистая трава резала глаза пронзительной зеленью.

Где, черт возьми, выход?!

Я озирался по сторонам. Вдалеке мелькнула черная широкополая шляпа, какие носят ортодоксальные евреи в этой части города.

— Эй! — заорал я, — подождите! Эй! — я попытался протиснуться меж каменных плит, но они сгрудились стеной. — Да что же это?! — Я вдруг стал таким громоздким и неповоротливым, ноги увязали в траве, а руки ослабели. — Эй! Помогите!

— Помогите! Кто-нибудь! Вытащите меня отсюда! Здесь так темно и нечем дышать! Кто-нибудь!

Внезапно понял, что кричу вовсе не я. В глазах потемнело, я вздрогнул и проснулся.

.....

Для посетителей слишком рано, но меня, конечно, пустили. В отделении было пусто, все еще спали. Я прошел гулким коридором. Рассеянно поздоровался с дежурной медсестрой по-чешски. Она закивала и в ответ бросила «бонжур». Ну и ладно. Я подошел к двери Надиной палаты и уже хотел войти, но увидел Настю в коридоре. Она стояла у окна и смотрела на улицу. Ее, высокую и тонкую, легко можно было принять за Надю, если бы не пучок темных волос на затылке. Я остановился.

Подойти? Но мы же практически не разговариваем. Хотя, пожалуй, стоит спросить,

можно ли к Наде, если она все еще спит.

Я подошел и тихо поздоровался. Настя не ответила и даже не оглянулась.

— Там в палате не моя дочь, — вдруг сказала она бесцветным голосом.

— Что?

— Это не Надя.

Я ничего не ответил, но вдруг понял, что и сам в какой-то момент начал так думать. Странно, что Настя заговорила о таких вещах со мной.

— Вчера на ужин принесли творог, — монотонно проговорила Настя. — Надя терпеть не может творог. Как-то в детстве я пыталась ее накормить, думала она просто балуется, притворяется, что не любит. Запихала ей в рот несколько ложек, заставила проглотить. Она вся позеленела, и ее стошнило. А вчера принесли творог, она сама взяла ложку и все съела.

— Но это хорошо, — возразил я, — у нее появился аппетит. А вкусы со временем меняются.

— Да, вкусы меняются, но... она держала ложку правой рукой. А еще она копалась в еде. Знаешь, ложкой так... туда-сюда перекатывала. Прямо как... не важно. Она уже проснулась, иди.

Я пошел к палате и тихонько приоткрыл дверь. Надя лежала на кровати и смотрела телевизор без звука. Я молча сел. Она даже не оглянулась.

Почему Надя не проявляет ко мне ни малейшего интереса? Откуда этот отсутствующий взгляд? Что с ней на самом деле произошло?

Зазвонил мой мобильник, и Надя оторвала взгляд от телевизора. Гаджеты выводили ее из транса. Сотовые вызывали особый интерес.

На дисплее высветились две ненавистные буквы «ВВ».

И чего ему нужно в такую рань?

Надя пустым взором смотрела на телефон, чуть наклонив голову. У меня сердце екнуло.

ВВ желал видеть у себя в офисе немедленно. Раз уж ответил, придется подчиниться.

.....

— Здравствуй, Тимофей. Ну что, как там Надя? Поправляется?

— Вы же знаете.

— Ты прав, — тяжело выдохнул ВВ. — Светские разговоры сейчас ни к чему. Пора выложить карты на стол. Тебе так не кажется?

Я молчал.

ВВ подошел к чайному столику, взял массивную серебряную сахарницу и, внимательно оглядел со всех сторон.

— Нда, — процедил он сквозь зубы, — моя любовь к антиквариату сыграла злую шутку. Привязанности, даже самые незначительные, губят нас. Как жаль, ты слишком молод, чтобы понять, — он поставил сахарницу на место. — Но к делу. Я позвал тебя вот зачем. В последнюю неделю значительно осложнилась ситуация с перевозкой контрабанды в Чехию. Внезапно ужесточились правила и проверки. Очень сильно пострадали наши конкуренты. Несколько грузов перехватили и рынок резко подорожал. Будь у нас достаточно товара, я бы даже порадовался, но проверки не прекращаются, и с каждым днем ситуация все более обостряется. Свои люди есть везде, и мы, конечно, не подставимся. Но, к сожалению, наш поставщик не настолько уверен в себе, нервничает и хочет отложить перевозку на неопределенный срок. Мы же, напротив, хотим поторопиться. Сам понимаешь, в таких условиях можно сорвать двойной куш.

Опять втянет в какую-нибудь хрень, не отмоешься...

— Но возникла еще одна проблема, — ВВ присел на край стола. — Наличие, на которую мы рассчитывали, так и не поступила. У нас Вышеградский кодекс, но продать его на сторону было бы самоубийством, а Национальная библиотека вдруг получила официальный правительственный запрет на какие-либо переговоры с нами. И это в тот момент, когда уже обо всем договорились. Решение было принято настолько внезапно, что повлиять на него я не успел.

— Я должен что-то сделать?

— Вот именно, — ВВ хлопнул себя по коленям. — Поставщик готов взять книгу в залог реализации товара и кое-каких дополнительных бонусов, но не хочет сам вывозить книгу из Чехии. Я обещал, что с вывозом проблем не будет, тем более, и везти недалеко. Тимофей, после всего, что случилось, мне очень трудно тебе доверять. Но я так привязался к тебе за эти годы и готов дать последний шанс.

Да он черт из преисподней!

Я скривил расстроенную мину.

— Я готов на все, чтобы вернуть ваше доверие.

Нужно быть убедительным, черт возьми! Ради Нади...

— Ты отвезешь Вышеградский кодекс в Амстердам. Я уверен, тебе не составит труда пронести книгу через досмотр ручной клади в аэропорту. Семен поедет с тобой.

— Я и один...

ВВ прервал меня жестом.

— Вы передадите кодекс поставщику и сразу вернетесь.

— Хорошо.

— Все очень просто. Тут не о чем волноваться.

— А Надя?

ВВ поджал губы:

— Надя останется в Праге. Насколько мне известно, ей запрещен выезд из страны.

— Да.

Эта мразь оставляет ее здесь в заложниках!

— Ты согласен?

— Конечно.

— Отлично. Вылетаете завтра первым рейсом.

Я поднялся.

— Подожди-ка, — сказал ВВ. Он обошел стол, выдвинул ящик и достал какую-то бумажку. Я не сразу догадался, что это фотография.

ВВ взглянул на меня, потом на фотографию и снова на меня.

Я почувствовал, что холодею изнутри. Отчего-то понял, в этом снимке заключено все мое прошлое и будущее одновременно.

— Взгляни.

Я принял карточку.

На черно-белом снимке красивая молодая женщина держала ребенка в полосатых ползунках. Она что-то говорила своему малышу. Круглолицый бутуз с торчащим вихром черных волосенок восторженно внимал маме. Он широко улыбался, демонстрируя пару проклюнувшихся нижних зубов, и выглядел счастливым. К малышу тянулась еще чья-то рука. Я заметил, что край фотографии ровно загнут. Тогда я развернул сгиб и отпрянул, чуть не

выронив карточку.

Рука принадлежала мужчине, которого хотелось забыть больше всего на свете. Здесь на снимке он не выглядел безумцем с вытаращенными красными глазами. Он был спокоен и улыбался, глядя в объектив.

— Это мой... — я подавился словами.

— Дядя, — закончил ВВ.

— Что вы сказали?

— Это твой дядя, Тимофей.

Я вперился взглядом в снимок.

ВВ попытался забрать фотографию.

— Нет, стойте!

На обратной стороне было что-то написано. Я пробежал по строчкам.

«Ждем и скучаем по нашему папе. Поскорее возвращайся! Тимошка уже ползает.

Привет от Саши.

Люблю тебя!

Таня»

Ее звали Таня, Таня, Татьяна... Запомнить, запомнить эти черты! Она любила меня...

ВВ выдернул фотографию из моих рук.

— Я отвечу на любые вопросы не раньше, чем вернешься. А теперь иди, — он убрал фотографию назад в стол.

Ненавижу!

Я выскочил из кабинета. Меня мучило. Виски стали мокрыми. Голова шла кругом. Я согнулся и, уперевшись руками в колени, попытался отдышаться. Вдруг почувствовал, что в приемной не один. В кресле в углу сидел кто-то. Влад.

Интересно, а он знает, что мы...

Я встряхнулся.

— Надо поговорить, — я шагнул к Владу. Тот вскочил и испуганно покосился на дверь кабинета ВВ.

— Нам не о чем разговаривать! — отрезал он и поспешил скрыться за дверью.

Трус! Тряпка половая!

Жареный сыр по-чешски.

Чешский крепкий ликёр.

Герой популярного американского мультипликационного сериала, вышедший на экраны в 1999 году.

Имеется в виду знаменитая граффити Джона Ленона.

Шоно, возьми трубку! Возьми трубку, гад!

— Возьми! — орал я в голос и тряс сотовым, пугая прохожих.

Битый час я пытался дозвониться. Долгие гудки ядом капали на нервы. Его телефон был включен, но звонки и смски оставались без ответа.

Придется идти одному, без страховки и помощи.

Я выскочил из метро и направился напрямиком в Н&M. Схватил было черную куртку с капюшоном, но рассудил, что такой маскарад уже не прокатит. Черную куртку, кепку и клетчатый шарф показали по всем каналам. Придется поработать над собой капитально.

Я взял женский плащ посветлее, розовый шарф, какую-то беретку и брючный костюм. Если натянуть юбку, сразу просекут, что я ряженный мужик. А так есть шанс.

Собрав шмотье и прихватив огромную дамскую сумку, я заперся в кабинке примерочной. Подправить лицо заняло лишь пару секунд: брови потоньше, скулы покруглее, нос поменьше, глаза шире, губы полнее, и главное, никакой щетины. Я нарастил волосы до плеч. Разобраться с мышцами оказалось сложнее всего, а главное, больнее. Стиснув зубы и потратив на трансформацию минут десять, я сдулся, как воздушный шарик, и стал уже в плечах. В голове загудело. Первая ласточка голода.

Переоделся в новые шмотки и оглядел себя. Из зеркала угрюмо смотрел хилый трансвестит.

С мышцами перебор. На заднице, пожалуй, стоит добавить.

Ну, конечно, кадык!

Я сосредоточился на шее и почувствовал знакомую боль. В любых потасовках Шоно неизменно метил в горло. Знал, сучара, что, лишив меня голоса, можно не опасаться внезапных приказов биться башкой о стену. Ему все больше приходилось работать руками, ведь к пронзительным взглядам я давно привык.

Шея выровнялась, но чего-то не хватало, чего-то очень существенного.

Я опять ощупал себя взглядом с ног до... груди.

Черт! Ну уж нет! Убейте меня, сиськи наращивать не стану!

Я так и эдак крутился перед зеркалом, но по всему выходило, что без двух бугорков на груди баба из меня получается недоделанная.

Ну зашибись!

Проклиная себя за дурацкую идею, я выскочил из кабинки и промчался по рядам до отдела женского белья. Схватив пару тряпок, полетел обратно в примерочную.

В голове гудело и руки подрагивали. Слишком много энергии потрачено на превращение, придется идти до конца.

Я кое-как натянул тесный топик и сунул по футболке с каждой стороны.

Жесть!

.....

Понедельник в Клементинуме был коротким днем. С переодеваниями я опоздал на последнюю экскурсию, но мне позволили догнать немецких туристов. По словам старого билетера, группа только что поднялась на астрономическую башню.

Тем лучше! Никто не будет маячить возле Барочного зала.

Я взбежал по винтовой лестнице. Этажом выше громко разговаривали по-немецки.

Похоже, билетер просчитался, туристы уже возвращаются.

Нужно торопиться!

Я дернул замок сумки и направился к стенду. Вдруг заметил, книги на месте нет.

Я заметался по комнате. Перебегая от одной витрины к другой, от шкафа к шкафу, нужной книги так и не увидел. Реплику кодекса, должно быть, унесли и надежно спрятали. В отчаянии я закусил губу.

На лестнице послышался топот ног. Народ цепочкой тянулся к выходу. Замыкающим шел экскурсовод, долговязый тип в клетчатом засаленном пиджаке.

Он мельком заглянул в холл, увидел меня и остановился.

— Барышня, а мы уже закончили.

— Да, конечно, — услышал я свой блеющий голос. — Можно вас на минутку?

— А что такое?

Экскурсовод подошел и, почесав небритую шею, уставился на меня. Я взял его под руку. Плохая идея вести себя так перед камерами, но сил оставалось немного. В затылке пульсировало, в глазах двоилось.

Как и ожидал, мужик приосанился и посмотрел заинтересованно.

— Я только хотел спросить вот о чем...

Блин! ХотелА! Надеюсь, не заметил.

— Хм... Вот тут написано про Вышеградский кодекс...

— Здесь выставлялась копия.

От экскурсовода несло давно не стиранными носками. Я судорожно сглотнул, подавляя прилив тошноты.

— Я же рассказывал в начале экскурсии, не слышали? Я вас, кстати, не запомнил... Вы с группой пришли?

— Нет, сам...а по себе. Опоздала, но очень хотела послушать.

— Понятно, — мужик расплылся в щербатой улыбке, и вид у него стал совсем жалким.

— Но вы же знаете эту историю? Кража и...

— Да-да, конечно! Я только хотела посмотреть пусть даже на копию.

— Оу, желающих много! Но, учитывая обстоятельства, мы заказали специальную витрину, а пока убрали реплику в хранилище. Копия настолько аутентична, что и сама по себе ценность, тем более сейчас.

— Что ж, тогда идем в хранилище, — устало выдохнул я.

— Что, простите?

— В хранилище идем, — приказал я и передал экскурсоводу порцию энергии.

Тот сразу заткнулся, взгляд застыл. Экскурсовод послушно заковылял к служебному лифту. Я не отпускал руки провожатого.

Вот я болван! И почему не нашел кого-нибудь в клубе, или потом, когда болтался по городу? Перед глазами плыла муть. Пальцы дрожали.

По дороге встретились несколько служащих, никто не обратил на нас особого внимания, кроме одного — такого же потертого пиджака, как и мой попутчик. Он поздоровался, проводил странную парочку долгим взглядом и даже попытался заговорить. Пришлось отогнать любопытствующего.

Наконец, добрались до дверей хранилища.

Я огляделся. Удостоверился, что рядом никого, и тихо приказал:

— Открывай.

— У меня ключей нет, — бестолково отозвался пиджак.

— Да чтоб тебя, урод! И где ключи?

— Ключи есть у директора библиотеки и у управляющего книгохранилищем.

— Веди к кабинету управляющей, — приказал я.

От потери очередной порции энергии ноги сделались ватными. Я повис на провожатом.

— Подожди секундочку, — попросил я.

Тот остановился.

Я потер глаза, разгоняя черных мушек, и пару раз хлестнул себя по щекам.

В коридоре появилась женщина.

— Двигай, — я подтолкнул экскурсовода вперед.

Высокая пожилая дама в растянутой шерстяной кофте прошла мимо.

Я изо всех сил старался держаться прямо хотя бы до тех пор, пока женщина не скроется за поворотом коридора. Неожиданно послышался звон ключей. Кто-то открывал дверь. Я оглянулся. Женщина отпирала книгохранилище. Я оттолкнул экскурсовода и, хватаясь за стены, как пьяный, поплелся к двери. Женщина скрылась в помещении и притворила за собой вход.

— Подождите, пани!.. Пожалуйста, помогите! — слабо прохрипел я, совсем не надеясь, что услышат.

Но через пару секунд в проеме показалась коротко стриженная седая голова. Глаза женщины округлились, она быстро подошла и схватила меня под руку.

— Что с вами?

— Я с группой туристов... заблудилась... мне нехорошо.

— У вас что-нибудь болит?

Она проявила такое искреннее участие, что сразу полегчало.

Я тяжело вздохнул.

— Да вы вся бледная и дрожите! Идите сюда, присядьте. — Женщина завела меня в хранилище и усадила на стул.

— Мне бы попить, — попросил я.

— Да, сейчас! Я вызову врача, — она подбежала к столу, на котором стоял стационарный телефон.

— Ради бога, — запричитал я, делая вид, что сейчас свалюсь со стула. Женщина кинулась помогать. — Так пить хочется! — И в самом деле зверски хотелось пить.

— Но здесь ничего нет, — растерянно пропищала библиотекарьша. — В книгохранилище пить запрещено. — Она почти плакала, и стало жаль ее.

— Принесите попить, — приказал я и вернул ей ровно столько энергии, сколько только что забрал.

Седые брови женщины поползли вверх. Она метнулась к выходу и скрылась в коридоре.

Титаническим усилием я заставил себя встать.

Где же искать эту копию? Кругом стеллажи. На них рядами разнокалиберные коробки с бирками. Реплика кодекса наверняка в одной из них. А стеллажей штук двадцать, а то и больше. А ведь есть еще закрытые шкафы.

И зачем я отпустил ее?! Совсем с голодухи ума лишился! Сейчас она очухается и позовет кого-нибудь. А то и скорую вызовет. Люди набегут...

Я озираясь и судорожно соображал, что делать.

Ага!

На столе возле телефона лежала забытая связка пронумерованных ключей. Такие же номерки имелись на шкафах.

Придется шарить наугад.

Я подошел к ближайшему шкафу с цифрой «6». Ухватившись обеими руками за колюч, целую вечность пытался попасть в замочную скважину. Руки дрожали и не слушались. Пару раз я ронял ключи и приходилось их поднимать. Стоя на коленях, я, наконец, открыл дверцу шкафа.

— Что?!

Полки под завязку утрамбованы катушками старой кинематографической пленки.

— Черт!

Со злости я швырнул связку на пол, но тут же пожалел об этом.

Пополз за ключами, поднял, подобрался к следующему шкафу и опять начал метить в замочную скважину. За этим занятием и застала меня вернувшаяся с бутылкой воды библиотечка.

Она растеряно провела рукой по взмокшему лбу:

— Пани, что вы делаете?

— Ищу копию Вышеградского кодекса, — чуть не плача процедил я. — Она нужна мне сегодня же, иначе поздно!

Я сполз на пол и оперся спиной о шкаф.

Все кончено!

Женщина подошла и села рядом. Свинтив крышку с бутылки, она дала мне напиток. Я задышал глубже и спокойнее.

— Панэ Боже, Панэ Боже! — вдруг начала повторять женщина, уставившись на меня расширенными от ужаса глазами. Я и не заметил, как начал меняться, но сил контролировать себя уже не осталось.

— Ты jsi anděl? — пролепетала женщина.

— Че? — выдохнул я, не поняв сразу. — А... угу... я ангел.

— Панэ Боже! Панэ Боже! — все повторяла с придыханием женщина.

— Мне нужна книга, — сказал я. — Копия Вышеградского кодекса.

Женщина закивала.

— Конечно!

Она перекрестилась, вскочила и побежала куда-то вглубь хранилища. Я услышал грохот и скрип. Как бы ее удар не хватил. Такая хорошая. Но с женщиной, принявшей меня за ангела, все было в порядке. Она бежала назад с серой коробкой в руках.

Пожилая библиотечка сама положила книгу мне в сумку и проводила до выхода.

.....

Непослушной рукой я еще раз набрал Шоно и, когда уже совсем отчаялся, он вдруг ответил.

— Че звонишь целый день? Занят я. Сам позвоню, если будет что сказать.

— Шон... — проскрипел я и оборвался. Почувствовал, сейчас отключусь.

— Эй? Ты там че? — в голосе Шоно послышалась настороженность. — Живой?

— Не... нет...

— Ты где? — заорал Шоно так, что по ушам полоснуло.

— Напротив Рудольфинума...

— Еду!

Сеть магазинов одежды.

Боже мой! (перевод с чешского)

Ты ангел? (перевод с чешского)

Концертный и выставочный зал в центре Праги.

Кто-то тихо плакал в крошечной темноте. Я шагнул на звук и врезался в стену. Провел рукой, почувствовал гладкую холодную поверхность. Должно быть, камень. Я медленно пошел вдоль стены. Всклипы теперь доносились ближе. Так может плакать только женщина. Я позвал:

— Эй? Кто плачет?

Всклипы разом прекратились. В абсолютной темноте и полной тишине среди каменных стен сделалось до того жутко, что я начал задыхаться.

— Эй! — услышал я собственный вопль. — Не молчи!

За стеной послышалась возня.

— Кто здесь? — спросил чей-то голос совсем близко.

— Что это за место? Как я сюда попал? — я заколотил в стену, но с тем же успехом можно стучать в скалу.

— Только не уходи, пожалуйста, — услышал я крик, еще более пронзительный, чем мои собственные вопли. — Не уходи! Кем бы ты ни был, останься! Я больше не выдержу одна, я так устала! — За стеной опять послышались рыдания. — Помоги! — голос резко оборвался.

— Надя? Это ты?

Я прыгал на стены, бился и орал, но больше ни звука не доносилось с той стороны.

— Надя! Надя! Надя!..

.....

Свет саданул по глазам.

Голова звенела, весь мир ходил ходуном.

— Хорош... — пробормотал я и приоткрыл глаза.

Шоно тряс меня и хлестал по щекам. Я попытался закрыться от занесенной руки.

— Ну что ты творишь?! — услышал я его голос. — Совсем голову потерял?! — Он схватил меня за грудки и начал трясти.

— Шон... не над...

— Мужчина, прекратите, вы ж ее задушите, — пропищал женский голос.

— Вали отсюда! — проревел Шоно, но отпустил меня.

В глазах прояснилось. Я увидел искаженное злобой лицо старого приятеля.

— Вставай! — крикнул Шоно и слез с меня.

— Шоно, я совсем пустой.

Я почувствовал, что опять отключаюсь. Свет погас, но тут же последовала резкая боль, и на несколько секунд ясность сознания восстановилась.

— Да чтоб тебя, — уже беззлобно ругнулся Шоно. Он держал меня за руки. — Возьми немного, только сильно не увлекайся.

Шоно открылся, и энергия потекла, как кровь из перерезанной артерии. Я стиснул его руки, потянул поток на себя.

— Ну все, харэ, присосался тут! — он потряхнул руками. А я все цеплялся и цеплялся за него. — Иди теперь и сам найди кого-нибудь. Вставай давай! — Он хотел помочь подняться, но передумал.

Я с интересом воззрился на него. Шоно зло фыркнул, отвел взгляд и принялся хлопать себя по карманам.

— Это что за клоунада, а? Я полчаса, как ошпаренный, вокруг сквера круги нарезаю. Потом смотрю, баба какая-то в кустах кверху задницей, — он оглядел меня. Взгляд замер на груди, глаза расширились. — О, брат... Настоящие?

Он чуть было не ткнул в них пальцем.

— Нет! — вскипел я. Тут же полез под пиджак, вытащил футболки и выкинул в урну.

— Ну хоть так, а то я уже забеспокоился...

— Шоно, я кое-что сделал.

— Какая неожиданность, — деланно покивал головой Шоно, доставая сигареты. — Ну выкладывай, че опять натворил?

— Украл копию Вышеградского кодекса.

Он замер.

— Ты дебил?

— Слушай, у меня есть план.

— У дебила есть план, охренеть! Ты зачем ее украл?! Тебе проблем мало?! Ты че не уймешься-то, а?

— Я хочу вернуть оригинал.

Шоно вскочил и опять схватил меня за грудки.

— Тим, я тебя по-хорошему прошу, оставь это!

Я оттолкнул его.

— Да они полтонны наркоты хотят ввести, понимаешь?

— И че?! Мне насрать, если завтра какой-нибудь Гонза двинет кони от передоза. Это личный выбор каждого. Если сдох от дури, значит, сам так хотел. Ты все дело похеришь!

— Какое дело, Шон? Эксперименты ваши?

— Да, эксперименты!

— И ты себя возомнил вершиной эволюции?

— А почему нет? Почему я не должен считать себя выше этих конченных доходяг, бомжей, шлюх и торчков, которые и так сдохли бы в подворотне. Пусть хоть что-то полезное в жизни сделают.

— А как же дети?

— Какие дети? — Шоно сощурился.

— Дети... обычные, здоровые, детдомовские, как ты и я.

— Да че ты гонишь, я не догоняю? — Шоно отбросил сигарету, так и не прикурив.

— Я о том, что следующий эксперимент будет на детях. ВВ понял, что с взрослыми биться поздно. Сам говорил, твоя инициация случилась в четыре. А я даже не помню, как стал вампиром. Разве не логично?

— Нихера не логично!

— А то, что Надя нашла в кабинете ВВ пачку документов на усыновление детей около четырех лет — это логично?

Шоно промолчал. Достал новую сигарету, покончил с ней в три затяжки и обратился ко мне.

— Ты сейчас мне мозги не паришь?

— Нет.

— А я все смотрю, че Влад такой дерганых ходит. Он вообще по жизни дерганый, но тут прямо через край.

Шоно сел рядом. Потёр переносицу, достал еще одну сигарету.

— Я не могу сейчас подставляться, — сказал он.

— Знаю. Но все получится.

— Ну, и какой план?

.....

Не успел выйти из лифта, мимо промчалась пара медсестер. Холодной волной накатила тревога. Я бросился за ними. В конце коридора послышались крики. Я узнал Настин голос. Она спорила с медсестрами. От волнения не разобрал ни слова. Я не стал разбираться. Сразу бросился к палате, рывком распахнул дверь.

На полу повсюду разбросаны листы чистой бумаги, ручки и карандаши. Надя полулежала в кровати и все с тем же выражением пуленепробиваемой безучастности смотрела в окно. Она не взглянула на меня, но я и не ждал. Кажется, ничего не изменилось.

Я облегченно выдохнул. Вернулся в коридор.

На полу, вжавшись в стену, сидела Настя. Кисти ее рук мелко дрожали. Заметив это, она зажала их коленями. Одна из медсестер протягивала Насте бумажный стаканчик, но та смотрела в сторону.

Я забрал воду и попросил оставить нас.

— Возьмите, выпейте, — я попытался вложить стаканчик Насте в руки, но она отпихнула меня.

— Или что? Ты меня тоже заставишь?

— Да, — бросил я невозмутимо. — Вам нужно успокоиться. Иначе запретят видеться с дочерью.

— Это не моя дочь, — губы Насти задрожали.

— Выпейте, говорю!

Настя все же послушалась. Взяла воду и сделала маленький глоток, нервно покрутила стаканчик в руках, а потом осушила весь залпом.

Я заставил ее подняться и усадил на диван возле палаты.

— Теперь расскажите, что произошло?

— Мне кажется, я схожу с ума, — прошептала Настя.

— Послушайте, у меня на это нет времени. Просто расскажите, что произошло.

— Я принесла ей бумагу и любимые гелевые ручки.

— Ну?! — я еле сдерживался.

— В прошлый раз, первым, что она попросила, были принадлежности для рисования. Она и сидеть-то толком не могла, и руки ее не слушались, а все равно пыталась. Она не может не рисовать...

Я кивнул. И сам воспользовался этой ее слабостью. Так и ношу теперь за пазухой Надин рисунок, как реликвию.

— Я принесла, а она даже внимания не обратила. Оттолкнула и цыкнула на меня... — Настя силилась произнести что-то еще, но никак не могла подобрать слова. Только, как рыба, беззвучно разевала рот. — Тимофей, я любила своего брата, — выдавила она, — но он был очень сложный человек, самовлюбленный, эгоистичный, заносчивый. Надя в какой-то степени повторила его...

Она и вправду не в себе!

— Послушайте, — перебил я, — мне придется уехать, возможно, на несколько дней. Я должен быть уверен, что вы присмотрите за Надей. Точно справитесь?

Настя вдруг вцепилась мне в руку и прошептала:

— Я хочу, чтобы ты вернул зеркало!

— Настя, возьмите себя в руки, — я передал ей немного энергии, чтобы успокоить. — Вы нужны ей, вы самый близкий человек, — как ни обидно было осознавать, но моя девочка теперь реагировала только на мать, всех остальных просто не замечала.

— Тимофей, ты не подумай, я очень хорошо к тебе отношусь, — Настя затрясла мою руку

Вот это новость...

— Я в полном порядке, — проговорила она. — Лишь прошу вернуть то самое стекло, в которое Надя ушла в последний раз. Оно ведь уцелело, правда?

— Настя... — я совсем растерялся.

— Тимофей... — она умоляла взглядом.

— Зеркало здесь, в больнице. Кому оно теперь нужно?

— Ох, — выдохнула Настя, прижав ладони ко рту. — Ты покажешь?

— Ну, хорошо.

.....

Домой я вернулся уже к ночи. Весь вечер пришлось торчать в клубе и слушать пьяный бред какой-то датчанки. Силы пополнил, но радости это не принесло.

Если бы не срочная поездка... То что?

Плюс-минус одна жертва разве что-то изменит? Для меня нет, а для Нади?.. А Надя ничего не чувствует.

У Шоно все просто: «не можешь изменить, не парься, получай удовольствие».

И действительно, ну чего я парюсь? Как будто был другим когда-то. Откуда это самоедство? Но дело вовсе не в Наде, как бы ВВ ни убеждал в обратном. Дело в том, что я никогда не хотел быть таким, и если бы дали выбор... Опять эти мысли по кругу! Стоп!

Я прошелся по нашей с Шоно квартире. Здесь всегда стоял запах пустоты и заброшенности. Да и откуда взяться другому, люди тут давно не жили...

Установил на телефоне будильник и, не раздеваясь, повалился на кровать. Глаза закрылись сами собой.

Спал без сновидений, но проснулся от ясного ощущения, что кто-то схватил за руку. Открыл глаза, а в комнате никого, в квартире тихо. Я вытащил из-под подушки телефон. Время 5:59. Зазвенел будильник. Я отправился в ванную. Пять минут на душ, пять минут на сборы. В 6:15 подъехало такси в аэропорт. Я ощупал карманы. Телефон, пара кредиток, зеркало... Покрутил в руках потертый чехол и сунул назад в карман.

Пока ехал в аэропорт, пришла смска от Шоно. В тексте лишь точка, все в силе.

Значит, не передумал.

Я удалил сообщение.

Шоно всегда себе на уме. Если подумать, я слишком мало о нем знаю и с трудом понимаю его непредсказуемый нрав. Он может целый вечер трепаться без умолку и ничего о себе не рассказать. Зато из тебя вытянет всю подноготную. Мы часто обсуждали мои проблемы, а его никогда. Единственная проблема Шоно, о которой знают все — малолетний сосед, требующий присмотра, чтобы не угробил себя или не подставил других. Наверное, тогда, в четырнадцать-пятнадцать, мне нужна была отдушина. А Шоно всегда умел сказать «чувак, все путем, не парься». Он стал моим главным наставником, тем, кого я уважал и кому верил. Я давно убедился, Шоно не предаст. Вот только, что он сочтет правильным и полезным для меня?

Телефонный звонок. Из трубки слащавое:

— Где ты, голубь сизокрылый?

Меня передернуло.

— В аэропорту, выхожу из такси.

— Жду у стойки 42.

Я направился в зал регистрации. По пути приглядывался, не мелькнет ли в толпе седая, вечно растрепанная шевелюра. Но Шоно, когда хотел, умел маскироваться не хуже меня.

Сначала я заметил громилу Симыча и его помощника по кличке Нервный. Они стояли, привалившись к последней в ряду стойке, где сейчас никого не обслуживали. Завидев меня, Нервный достал рацию и, прикрыв рукой рот, что-то пробубнил.

«Боятся, суки!» — не без удовольствия подумал я.

Возле 42й стойки дожидался Семен. Нелепый мужичок в вечно изжёванных джинсах и растянутом свитере держал за горло половину чешской мафии. Приехал он в Прагу чуть более двух лет назад и так ловко повел дела, что скоро всех под себя подомнет.

Я ненавидел Семёна до дрожи в руках, не в силах притворяться. Тот самый человек в маске... ВВ предпочитал держать на расстоянии, и в реале мы практически не встречались. Но сейчас дело, похоже, уж слишком серьезное.

Я подошел к Семёну, кивнул. Тот даже кивком не удостоил. Сразу протянул билет и новенький паспорт.

Я раскрыл бордовые корочки.

— Том Катарт, — прочитал я вслух, мимоходом подгоняя черты лица под внешность на фотографии, — Королевство Нидерландов.

Обратный билет на сегодняшней вечер.

— План прост, как алкаша тост, — начал Семен поговоркой, от которых блевать хотелось. — Нас встречают в аэропорту, едем к месту передачи, отдаем кодекс поставщику,

возвращаемся в аэропорт и вылетаем назад восьмичасовым рейсом. — Больше всего раздражала его манера говорить, держа голову вполоборота. Семён редко смотрел в глаза собеседнику. Взгляд у него все время бегал, будто искал кого-то.

— Кто с нами?

— Семыч.

Да хоть бы и он. Семыч меня хорошо знает. Этот увалень скорее для острастки тех, к кому едем.

— Понятно.

— Как приятно, когда все понятно, — хмыкнул Семен. — Не беспокойся, Надя в хороших руках, все будет путем, если не облажаешься. Но учти, кто не с нами, тот с червями.

Я сжал кулаки. Эта тварь на все способна.

Возле Семена оказался Семыч.

— У нас все в порядке? — спросил он и недовольно швыркнул. Семыч со своим хроническим насморком все время подтягивал соплю, издавая носом неприятный хруст.

— Не знаю, — ощерился Семен. — Тимош, у нас все в порядке?

— Да, — бесстрастно сказал я и пошел регистрироваться на рейс.

Нервный проводил до паспортного контроля, опять что-то булькнул в рацию и удалился.

Семен протянул мне рюкзак. Тот оказался хоть и небольшим, но неожиданно тяжелым. Книга была внутри.

— Давай, сосредоточься! Если хочешь есть варенье, не лови хлебалом мух. Пройдем досмотр, рюкзак вернешь.

Паспортный контроль прошли без проблем. Документы на Тома Катарта особых подозрений не вызвали. Пограничник лишь осведомился, как я въехал в Чехию и почему паспорт без единой печати. На это давно заготовлен стандартный ответ: старый потерял, новый выдали в посольстве. Пограничник кивнул и шлепнул зеленым штампом в середину страницы.

Дальше начиналось самое сложное — досмотр ручной клади, а потом...

Семен с телохранителем пошли в другую очередь.

За шкуру свою трясутся, гады!

Я скинул толстовку и бросил в ящик на конвейерной ленте. Туда же полетел ремень, сотовый и ключи. За ящиком в тоннель поехал старомодный зеленый рюкзак. Я подошел к рамке металлоискателя, но мужик, проверяющий багаж, попросил разуться. Я попытался наладить с ним визуальный контакт, но тот забаррикадировался за мониторами.

Проклиная себя за туго затянутые шнурки, я наконец-то разулся и, бросив кроссовки на конвейер, прошел через рамку. Чувак в белых перчатках кинулся меня ощупывать. Пришлось вежливо попросить, чтобы отвалил.

Я поспешил к ленте, но зеленого рюкзака там уже не было.

— Молодой человек, это ваш? — в конце конвейера стоял служащий с моим рюкзаком.

Я кивнул.

— Обувайтесь и пройдемте со мной. Не волнуйтесь, обычная проверка.

Черт!

Делать внушение на глазах у других таможенников и пассажиров рискованно. Лучше пока подчиниться и дождаться более подходящего момента.

Я оглянулся и увидел недовольное лицо Семена.

Ничего, и тебе полезно нервишки поразминать.

Служащий, насвистывая что-то под нос, провел в небольшое помещение напротив пункта досмотра. Кабинет был заставлен аппаратурой неизвестного назначения. Под потолком в углу красным огоньком мигала камера наблюдения.

А если она и звук пишет?

— Куда отправляемся? — весело спросил служащий.

— Амстердам, — ответил я, все еще раздумывая, как быть с таможенником.

— Наркотики принимаем?

— Нет.

Сердце ускорило ход.

Вдруг на одежде остались следы? Запалиться на такой ерунде...

— Пальчики покажите?

Сейчас или подождать? Он ведь явно не из-за книги прицепился. Может, обойдется?

Я протянул руки. Служащий протер специальной бумажкой кончики моих пальцев и вложил ее в громоздкий прибор, напоминающий ксерокс. Потом другой бумажкой принялся натирать рюкзак. Мужчина по хозяйски открыл молнию, сунул руку внутрь...

Сейчас!

Я открыл было рот, но служащий уже закрывал рюкзак. Он занялся бумажками.

Около минуты мы ждали результаты, а потом мужчина объявил:

— Чисто! Можете идти.

Я схватил рюкзак.

— Тяжелый, — добавил он добродушно. — У вас там кирпич не иначе?

Я растянул губы в служебной улыбке и выскочил из кабинета.

На выходе столкнулся с Симычем.

— Ну? — прорычал тот.

— Нормально все, — буркнул я. — Мне в сортир надо.

— Тебе? — Симыч недоверчиво скривил квадратную физиономию.

— А ты думал, у меня бабочки из задницы вылетают? — бросил я и направился к ближайшим туалетам.

Надо успеть!

В туалете, кроме мужика у писсуара, никого.

— Шон? — крикнул я.

Из кабинки свистнули. Я выдохнул с облегчением.

— Вали отсюда, — приказал я мужику. Тот заковылял на выход. — Ширинку застегни!

Выглянул Шоно.

— Принес? — спросил он.

Я зашел в кабинку. Вытащил из рюкзака тяжелый талмуд. Шоно достал копию.

— Один в один, — прошептал Шоно.

Мы обменялись книгами.

Входная дверь скрипнула. Я услышал сиплое дыхание Симыча.

— Удачи, — беззвучно сказал Шоно.

Громко хлопнув дверью, я вышел из кабинки, и принялся демонстративно намывать руки.

— Рюкзак давай! — прорычал Симыч.

— Да пожалуйста, — я кинул ему рюкзак. — Какой у нас гейт? Пошли!

Выход (перевод с английского).

Амстердам встретил мелким противным дождем и, не смотря на июль, осенней промозглостью. Лишь яркая зелень деревьев и травы напоминали, что межсезонье пока не наступило. В аэропорту нас ждали пара громил вроде Семыча. Только выглядели они, как секьюрити президента: оба в строгих костюмах и с гарнитурами в ушах. Семен такого маскарада не любил. Его ребята одевались обыденно и даже небрежно.

Нас посадили в черный «Мерс» и через каких-то пять минут за окном начали мелькать ряды аккуратных остроконечных домиков из красного кирпича, каналы, велосипеды и уличные кафе.

Побывать однажды в Амстердаме было мечтой на двоих для нас с Шоно. Уж мы бы разгулялись! Прощвырнулись рейдом по местным кофешопам, попробовали знаменитых шоколадных пирожных с сюрпризом и заглянули в узкие улочки квартала Красных фонарей. Казалось, в Амстердаме из каждого створчатого окна под крышей подмигивает пышногрудая голландка, каждая кафешка окутана ароматным облаком дурманящего дыма, в каждой подворотне шедевры от Бэнкси, в любом подвальчике джазовый клуб или картинная галерея, а вдоль каналов разъезжают на велосипедах долговязые «фрики».

Теперь же местные пейзажи не цепляли. Погрузившись в недобрые предчувствия, я не смотрел по сторонам. Все обдумывал, как себя вести, если что-то пойдет не по плану. Моей задачей было наблюдать и предотвращать любую возможную опасность. Не однажды я бывал на подобных сходках, но привыкнуть так и не смог. Сегодня же особенно волновался. Шестое чувство подсказывало, никого обмануть не получится. Поставщик, конечно, заметит подставу, вопрос лишь в том, как скоро? Успеем ли мы вернуться в Прагу?

Я тяжело вздохнул и зарылся пальцами в волосы. Семен чиркнул взглядом, как ножом по коже. Только он умел смотреть так, что любая опасность по сравнению с его недовольством, покажется сущим пустяком. Я отвернулся к окну.

Скоро мы свернули в узкий темный переулок и остановились возле заведения под вывеской «Green Flamingos». Двери кафе были сплошь покрыты выцветшими граффити, изображающими и того самого фламинго в полосатой растаманской шапке с толстенным джойнтом в горбатом клюве.

Ну вот, можешь поставить галочку, был в Амстердаме, заходил в кофешоп.

Громилы обыскали нас и впустили внутрь, а сами остались на улице. В зале было сумрачно, пахло смесью табака, анаши и кислятины. Грубо сколоченные деревянные столы и лавки, замызганные цветастые подушки на сиденьях, пустая барная стойка, подсвечена тусклыми зелеными лампочками.

— Семенджон, дорогой друг, проходи, — послышался голос с азиатским акцентом. В глубине зала я смог различить лишь темную бесформенную грудку чего-то. К нам подошел тощий тип в сломанных и замотанных изолентой очках. Он проводил туда, откуда раздавались приветствия.

Семен ощерился и уверенно зашагал вперед, следом Семыч и замыкающим я.

— Ассалому алейкум, Ашурджон. Рад тебя видеть, — обратился Семен к огромной туше на диване. Ей оказался невероятно толстый азиат в тубетейке и необъятном красном халате, из-под которого торчали черные бархатные тапочки. Трудно поверить, что такие миниатюрные ножки способны удержать эту гору жира.

— Спасибо, что приехал сам. Располагайся.

— Из уважения к тебе, Ашурджон.

Азиат еле заметно кивнул. Шеи у него просто не было.

Семен уселся на диван, напротив толстяка. Мы с Семычем встали у него за спиной.

Щуплый пацан в спортивном костюме ловко орудуя чайником, разлил по чашкам темную жидкость.

Туша азиата колыхнулась вперед.

— Давай взбодримся, а потом к делу.

Семен взял предложенную чашку, едва пригубил и поставил на низкий кривоногий столик.

— Обижает, Семен.

— Ты же знаешь, Ашур, я не любитель. У меня от чифиря голова болит.

Толстый азиат налил чай в блюдце и, громко швыряя, начал пить. Семен терпеливо ждал.

— Ну что скажешь? — спросил толстяк.

— Скажу, что причин для беспокойства нет. Мы обеспечим полную безопасность транспортировки товара через границу.

— Это в ваших интересах, — толстяк запихал в рот кусок пахлавыв и принялся слизывать с пальцев мед и налипшие орехи. — При любом форс-мажоре залог возврату не подлежит. Я надеюсь, вас это устраивает?

— Чему быть, того не миновать, — согласился Семен.

— Это правда. Ну что ж, тогда давай посмотрим, что ты привез.

Семыч полез в рюкзак, достал кодекс и хотел было передать толстяку, но тот не притронулся к книге. Вместо него талмуд принял очкарик. Он внимательно осмотрел его, открыл с середины и пролистнул несколько страниц, а потом показал разворот боссу.

Я вперился в толстяка.

Ашурджон улыбнулся, откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза-щелочки.

— Сколько лет тебя знаю, Семен, а все не меняешься.

Послышался короткий хлопок и Семыч с выражением тупого недоумения повалился на меня, увлекая за диван. Из темного отверстия на его лбу закапала кровь.

— Ашурджон, ты совершаешь большую ошибку, — проблеял Семен.

— Дешёвыми трюками обмануть хотел.

Я услышал еще один хлопок, и за ним звук падающего тела.

В крови закипел адреналин. Я высвободился из-под Семыча и замер. Надо мной стоял тот самый щуплый парнишка с волевой в руках.

— Брось пистолет! Брось! — заорал я, посылая в него поток энергии.

Дуло задрожало, но оружия пацан не выпустил. Он выстрелил.

Меня ужалило в плечо. В глазах помутнело, но я быстро пришел в себя.

— Брось пистолет! — вопил я, но звук выходил глухим, сиплым.

Пацан и не думал подчиниться.

«Как папаша» — пронеслось в голове.

Еще хлопок и резкий таран под ребро. Каждая клетка в теле завопила от боли. Я пополз за диван, удивляясь собственной неповоротливости.

Возле дивана, с аккуратной дыркой меж бровей, валялся Семен.

Толстяк сидел на прежнем месте и брезгливо наблюдал.

— Чего ты мажешь, — прикрикнул он на мелкого. — Кончай его!

— Опустит... — прошептал я.

Пацан пальнул снова. Пуля вспорола обивку дивана рядом с моей головой.

В залу вбежали двое телохранителей с улицы.

Наконец-то!

Я переключился на них.

— Мочите пацана! — прохрипел я. — И в босса стреляйте!

Раздались выстрелы.

Толстый азиат завизжал, как свинья. Малой осел на пол и выронил оружие. Очкарик пропал вместе с книгой.

Собрав все силы, я поднялся. Рука висела плетью. Толстовка на правом боку стала бордовой.

— Ты, — обратился я к одному из телохранителей, — отвезешь в аэропорт.

Бэнкси — псевдонима английского андеграундного художника стрит-арта, чья личность долго не была установлена. На самом деле в Амстердаме нет ни одного граффити от Бэнкси.

«Green Flamingos» — Зеленый фламинго (перевод с английского).

Она исчезла. Просто испарилась. Никто не видел, как ушла: ни стороживший палату полицейский, ни человек ВВ, ни дежурная медсестра. И даже мать, которая отлучилась лишь на несколько минут, прокараулила Надю. Никто и не думал, что она достаточно окрепла, чтобы самостоятельно встать и уйти. Всего пара дней прошло, как ее перевели из палаты интенсивной терапии.

Пропал Настин плащ и уличные туфли.

Я был в ярости и недоумении. Как ей это удалось?

Настя билась в истерике. Опять несла окоlesiцу про своего давно умершего брата. Слушать ее сил не было. Я оставил мать и пошел на выход.

Мной овладело тупое безразличие. Я так хотел все исправить. Хотел, чтобы эта чертова кража не висела гильотиной над нами обоими. Думал начать все сначала. А она только и выжидала, чтобы сбежать от всех... и от меня.

Я ей больше не нужен?

Зазвонил телефон.

— Ты еще в больнице? — голос Шоно и шум улицы из трубки.

— Да.

— Срочно сваливайте. ВВ уже в курсе.

— Теперь не важно.

— Бери Надю в охапку и прыгайте в такси.

— Ее здесь нет.

— В смысле?

— Она ушла.

— Тимыч, я не знаю, что у вас происходит, но тебе надо делать ноги! Слышишь?

— Да.

— Бери такси и езжай в отель Глобус. Это недалеко. Я оставил на парковке джип. В багажнике кое-какие вещи. Твои паспорта в бардачке. Номер тачки скину смской. Ключи возьмешь на рецепции. Машина чистая, проблем не будет. Немедленно уезжай из страны. Лучше на юг. А оттуда лети... не знаю... в Азию... Таиланд, Камбоджи, Вьетнам, да куда угодно, хоть к папуасам. Только мне не говори. Слышишь?

— Шон, я не поеду.

— Да какого хера! Ты знаешь, что с тобой за Семена сделают?! Это еще про кодекс не знают.

— Мне все равно.

— А мне нет! — ревел Шоно в трубку. — Ты задрал! Нянчиться с тобой!

— И не надо, Шон. Все отменяется.

— Я сам тебя убью, если сейчас же не сядешь в такси!

Да какая разница.

Я вышел на улицу.

— Хорошо, — сказал я.

— Вот так! Давай! В багажнике сумка и виолончель. Удачи, брат! Береги себя.

— Виолончель? А как ты ее туда?.. Спасибо, бро.

Шоно отключился.

В багажнике джипа и вправду лежала виолончель. Я улыбнулся и провел рукой по кожаному футляру. Шоно вечно прикалывался над моим выбором музыкального инструмента. «Хуже только баян» — говорил он презрительно. Рядом втиснулась пухлая спортивная сумка.

Я сел в машину, повернул ключ зажигания. Мотор глухо загудел.

И зачем куда-то ехать? Без нее нет никакого смысла.

Почему она сбежала? Надя не могла сбежать от меня...

Ее голос зовет и молит о помощи. Но каждый раз, как пытаюсь помочь, просыпаюсь, будто что-то выталкивает назад в реальность.

Я должен понять. Должен еще раз уснуть и найти ее с другой стороны. Главное, не проснуться.

Я заглушил мотор. Достал сотовый.

— Здорово, Алик.

— Какие люди! Давненько не слышались. Думал, ты того... Завязал что ли?

— Угу. Развязать хочу.

В трубке послышалось довольное хрюканье.

— Ну смотри. Тебе как обычно?

— Нет. У меня спецзаказ. Нужны снотворные. Так, чтобы не менее суток, как под наркозом.

— Ну, могу кетиш подогнать.

— Надо так, чтоб без глюков. Просто спать.

— А че так?

— А тебе не все равно?

— Ну, ладно. Тогда кетамин плюс дроперидол.

— Когда?

— Да хоть сейчас. Подъезжай.

— Нет. Мне на вокзале лучше не светится.

— Я не гордый, могу подъехать, куда скажешь. Только сам знаешь...

— Сочтемся.

— Шли адрес.

.....

Я снял номер в Глобусе. Алик приехал к ночи.

— Вот этих сразу три, а этих одной хватит, — он протянул два зипа с колесами. — Только нахера тебе эта вата? У меня с собой ширка, сыпуха, все как ты любишь...

— В следующий раз.

Сунул ему деньги и вежливо захлопнул дверь.

Я налил воды и вернулся в комнату.

Положил на кровать черный футляр. Достал смычок, проверил натяжение. Волос немного провис. Я подкрутил, натер канифолью. Гриф привычно лег в руку. Я расположился в центре комнаты. Зажал на струнах ми-минор, сыграл арпеджио. Виолончель сдавленно засипела.

— Прости, детка. Забыл о тебе совсем.

Подкрутил колки. Попробовал еще раз.

— Так-то лучше.

Я достал из кармана два пакетика. Из первого — пять пилюлек, из второго — две. Детские дозы давно не торкают. Заглотил таблетки одну за одной, запивая отдающей хлором водой. Теперь можно и сыграть.

Я закрыл глаза, а когда открыл, абсолютно ничего не увидел. Сплошная темень. Только жужжание чьих-то голосов со всех сторон.

— Надя! Ты здесь? — я не узнал своего голоса. Он прозвучал совсем низко, и звук шел, будто не от меня, а от кого-то рядом.

Я прислушался.

«Что значит от кого? Это что за вопросы такие!?»

«Ступакова, да тут всего-то метра полтора. Прыгай давай!»

«Надька, если ты написала эти поганые слова в своей тетрадке, зачем ходишь за мной? Зачем в глаза заглядываешь? Хочешь извиниться, так извинись. А не хочешь, так и скажи прямо.»

«Наденька, ты только папе не говори. Дядя Сережа к нам больше заходить не будет.»

«Ступакова, а ты себе резиночки для волос из трусов выдергиваешь?»

«Это ты сделала?! А кто тогда? Миронова?»

«Че зыришь? Тоже хочешь в сортир башкой с Рамазановым за компанию?»

«Ты прости. Я бы сам перетерпел, но у меня там баба, ей совсем хреново. Полтинник? А больше че, нет? Родители бедные? Смотри, если свернешь не туда, догоню.»

«У вашего ребенка большая фантазия. Она потенциально опасна. Нормальный человек такого не придумает, а уж тем более не изобразит. Вы только посмотрите на детали! Это сущий кошмар! Если хотите допуск к занятиям, принесите справку от психиатра.»

«Ты дальше своих формул ничего не видишь! А если видишь, тогда зачем я тебе такая? Чего молчишь?!»

«Раздавленных голубей хоронили? Это как? Что за игра такая?»

«Эй, ну ты не расстраивайся. Я не виноват, что ты в меня...»

Это же мой голос!

— Надя! Ты где?! Надя!

Голоса зажужжали с удвоенной силой.

«Вы с ней поостроже. А то тихая, тихая, а как выкинет дикость.»

«Все рисуешь! Да лучше бы посуду за собой помыла. Вон Гуля и обед родителям приготовит, и полы вымоет.»

«Да наркоманка она, вот и пасут.»

«Сказала же, не приходи больше! Раньше надо было звать! У меня муж есть и ребенок... от мужа.»

Откуда все это? Что за место такое?

Растопырив руки, я медленно продвигался во мраке. Между пальцев застревали тонкие нити. Паутина?

«Ты мне не очень нравишься...» — услышал я опять свой голос и вздрогнул.

— Надя! — заорал я. — Где ты?!

— Прости меня! — сказала Надя совсем близко.

— Надя?

— Слышишь, прости!

— Да в чем ты виновата? Где ты?

— Я разрешила тебе пожертвовать собой, а сама струсила.

— Я бы никогда тебе не позволил! Даже не думай. Никогда! Где ты? Иди на мой голос!

Иди сюда!

— Три года пыталась убежать от себя. Я так ненавидела себя, что недостаточно любила, за страх, за малодушие, за бессилие и покорность... Я мечтала выкорчевать все это из себя! Отстраниться от того, что сделала. Очиститься. Стать другим человеком. Раздвоиться!

— Раздвоиться?

— Да! Чтобы все, что ненавижу в себе, осталось в другом человеке. Чтобы все плохое случилось не со мной.

— И у тебя получилось.

Я сделал еще несколько шагов.

— Не молчи! — позвал я.

— Я хотела все исправить. Хотела помочь, чтобы ты был свободен и сам решал.

— Так и было. Ты не в ответе за мои ошибки.

— Нет.

— Да! И хватит. Все мои решения были осознанными, обдуманнными. Я делал, что хотел.

— Ты не хотел...

«Я стал таким назло тебе, понимаешь? Я от тебя в бешенстве!» — выкрикнул мой голос из темноты.

И надо же было ляпнуть такое!

— Надя, я злился... На себя злился. Я просто слишком... сильно скучал.

Я шарил руками в темноте.

— Где ты? Нельзя здесь оставаться. Тебе нужно выйти из этой... пещеры ужасов и найти свою вторую половину. Ты сама себя держишь в этом жутком месте! Послушай, нельзя вычеркнуть прошлое. Оно часть тебя. Ты та, кто есть именно благодаря прошлому.

— Ненавижу себя!

— Зато я тебя люблю! И ты мне нужна со всеми ошибками, с прошлыми и будущими!

— Зачем возвращаться?

«...вы несовместимы... его не переделаешь...»

А это кто?!

«Ты полюбишь еще...»

«Невозможно прощать каждый день. Такой любви не бывает.»

Я сжал кулаки.

— Мы не сможем быть вместе, — услышал я Надин голос.

— Сможем!

Я сейчас кого обманываю? Ее или себя?

— И сколько это продлится?

— Каждая минута с тобой — целая жизнь!

Я вдруг закашлялся. Перехватило дыхание.

— Прости за этот пафос, я всегда был... — дышать становилось все труднее и труднее.

— Послушай, твое стартовое зеркало в подсобке в больнице. Найди себя и возвращайся. Приезжай...

В темноте кто-то схватил меня за руку и я...

Способ исполнения аккордов, при котором звуки следуют один за другим.

Страх и боль — то, что доктор Шоно прописал.

Неожиданно оказываешься на карачках в толпе. Со всех сторон толкают, остервенелю орут прямо в уши, топчут ноги, руки, лезут на голову толстые, вонючие склизкие жабы. Вдруг понимаешь, и сам ты — жаба... толстая, склизкая и вонючая. Ты тоже вопишь и, как все, бросаешься на гладкие стенки пластикового резервуара, но сверху натянута сетка и старания напрасны. Ты падаешь назад в толпу, но с тупым упорством опять бросаешься вверх, бьешься о край резервуара, и летишь вниз. Нога застревает во рту у мерзкой твари под тобой. Огромная жаба сжимает челюсти, острые игольчатые зубы протыкают кожу, яд разъедает вспоротую плоть, ты вопишь и дёргаешься. Рывок, еще рывок... Нога в ошметках мяса и обрывках кожи деревенеет. Вдруг сетка сдвигается. В резервуар лезет огромная резиновая рука, и ты оказываешься пленником за толстыми латексными прутьями. А потом... потом тебе запихивают в рот лезвие ножниц и...

— Я велел уезжать, а ты обдолбаться! — рука Шоно зажимала мне рот. Его колено шилом давило в солнечное сплетение. — Логика — не про тебя, да? Ты подставляешь меня, кретин! Раз за разом подставляешь!

Я попытался высвободиться.

— Лежи, сука, и слушай! Поедешь со мной к ВВ, расскажешь свою историю, как погиб Семен и вернешь кодекс.

Что?!

Я опять дернулся, но он держал крепко. Тряхнул так, что в глазах потемнело.

— Не вернул?.. — промычал я.

— Скажи спасибо! Иначе — ты давно труп. ВВ должен поверить тебе, а не какому-то голландскому педику. Уж расстарайся!

Шоно надавил крепче, стало нечем дышать.

— Если хоть слово, хоть слово обо мне пропердишь, урою, сука!

Азиат вытащил из моего кармана сотовый. Защелкали кнопки. Телефон полетел назад.

— Другого барыгу найди, идиот! Эта крыса о каждой твоей ходке ВВ стучит.

.....

Шоно толкнул меня в дверь. ВВ сидел за столом прямой, как шпала, с бледным бесстрастным лицом. Кажется, седых волос у него прибавилось.

Шоно прошествовал к столу и положил перед ВВ рюкзак.

— Вот, — сказал он, — при нем была.

ВВ расстегнул рюкзак, и, поморщившись, заглянул внутрь, будто ожидая, что оттуда кто-то выпрыгнет. Он осторожно вынул книгу, осмотрел со всех сторон, полистал.

— Спасибо, Шоно, — сказал он надтреснутым голосом. — На тебя можно положиться. Ступай. Подожди в приемной.

ВВ мазнул меня взглядом и указал на кресло. Я сел и виновато опустил голову. Какое-то время мы молчали.

— Ты разочаровал меня, Тимофей, — сказал он так, будто это должно было стать самым большим несчастьем в моей жизни. — Я многое готов был простить, мальчик, но ты перешел все границы.

Я ничего не ответил.

ВВ поднялся из-за стола и встал напротив.

— Семен был мне... Хм... Он был человеком, который стоил моего доверия. Я слушаю.

Я поднял голову и посмотрел на него, не в силах больше скрывать ненависть.

— Что конкретно вы хотите знать?

ВВ влепил пощечину. Длинный ноготь на мизинце оставил глубокую царапину на моей щеке. Сколько мы с Шоно дрались, синяки, порезы, разбитые лбы, вывихнутые запястья... но сейчас больнее. Щека вспыхнула. Я тут же потушил пожар. Царапина растаяла, как снег на мокром асфальте.

Он мне никто. Пустое место!

— Я желаю знать, — истерично завизжал ВВ, — как я потерял свою правую руку! Незаменимого человека, который держал в ежовых рукавицах целый город, никогда не жаловался, не обременял пустяками и умел решать любые проблемы! Говори! Правду говори, щенок!

На меня хлынул поток энергии, но я успел закрыться.

Неужели он все еще верит, что может заставить меня хоть пальцем пошевелить? Да его выхлопы, как пердеж старика, не удивляют.

— Нас привезли в какой-то бар, — сказал я. — Все шло, как и должно было. Семен разговаривал с толстым китайцем.

— Ашуром?

— Да, кажется, так его звали. Семен и Ашур пили чай и договаривались о деле. Ничто не предвещало. Тут появился очкарик, взял книгу и начал рассматривать. А потом... Я даже не успел понять, что произошло, как Семен уже валялся на полу с простреленной головой. Там был парнишка лет тринадцати, он и стрелял. Должно быть, получил тайный сигнал от босса. Семыч тоже растерялся, а пацан опять пальнул. Попал мне в плечо. Я попытался приказать пацану бросить оружие, но тот ни в какую. Он выстрелил еще раз и пробил мне правый бок. А потом Семыч бросился на малого и закрыл меня собой... На звуки выстрелов прибежали два охранника. Те подчинились беспрекословно, и только это спасло. Одному я приказал обезвредить киллера и толстого азиата, другому разобраться с очкариком, вернуть мне книгу и отвести назад в аэропорт. Так все и было.

— Почему сразу не явился ко мне?

— Операция провалилась... Раз я так облажался... В общем, я волновался, что с Надеей может что-то случиться в мое отсутствие. Она ушла... Бросила меня! Я ей не нужен. Я ошибался, а вы были правы...

ВВ запустил пальцы в свои безупречно уложенные волосы и взлохматил прическу.

Меня передернуло. Я только сейчас начал замечать, как похож на него жестами, мимикой, идиотским этим прищуром...

— Убирайся! — прорычал ВВ. — Убирайся к дьяволу, бесполезный щенок! Будь ты проклят, ублюдок!

Внутри что-то сжалось, и я еле сдержал приступ истеричного смеха.

— Убирайся! — безумно вопил ВВ.

В кабинете появился Шоно и утащил меня вон.

.....

— Дапусти ты, блин!

Шоно вцепился в руку и толкал к машине.

— Хотел семью, вот и получай, — процедил он.

— Ты знал?

— А кто не знал?

— Противно.

— Нормально. Давай уже, херувим, на землю спускайся.

Да и черт с ним! Похер все!

Я на ходу проверил карманы. Зиплоки с колесами на месте. Нужно срочно уснуть! Этот идиот, Шоно, все испортил!

— Что, развязался, невтерпеж? Успеешь, любитель потанцевать на граблях!

Шоно открыл дверцу джипа и начал толкать меня внутрь.

— Сейчас вообще не до тебя! Ты все похерил! — вскипел я и срезал его руки.

— В машину, сказал! Со мной поедешь.

— Отвали! — дернулся я, но все-таки залез в машину.

Шоно сел за руль. Поехали.

— Куда мы?

— Тут близко.

Шоно молча вел и напряженно о чем-то думал. Я отвернулся к окну и наблюдал за дорогой. Мы выезжали из города. По обе стороны от трассы замелькали складские ангары супермаркетов «TESCO», «Kaufland», «Billa». Скоро мы съехали с автострады, свернули и складам, но, не доезжая, остановились у небольшого, облицованного листами рифленого алюминия, строения без окон и вывесок.

— Ну, и зачем мы тут? — обернулся я к Шоно и осекся, почувствовав, как тот теряет энергию и, кажется, даже не замечает. Такого никогда не случалось.

Я насторожился.

— Чувак, ты как сам? В порядке?

Шоно заглушил мотор, сложил руки на руль, ноздри шумно втянули воздух.

— До сих пор не пойму, как в это дерьмо вляпался, — сказал он и окинул себя мрачным взглядом. — Пусть уходит. Тошно. Поможешь, Тимыч?

Шоно смотрел беспомощно, а энергия любви так и перла.

Он ни разу ни о чем не просил и, уж тем более, не выглядел настолько жалко.

— Нет! Даже не думай! Не буду этого делать!

Я вжался в сидение.

— Да нет, с этим можно повременить, — он махнул на себя рукой. — Не сдохну поди, как думаешь?

— Чего ты хочешь?

— Ей нужна помощь. Мне казалось, она — как я, думал, научу... Но она другая, в ней нет страха.

Я начал догадываться.

— Там? — я мотнул головой в сторону здания.

— Да. Я покажу, и ты сам решишь, можно ли еще что-то сделать.

Мы вышли из машины. Шоно отпер стальную дверь и пропустил в маленькую пустую прихожую. Тускло вспыхнула лампочка. Щелкнул замок изнутри. Из прихожей вела единственная дверь внутрь, но Шоно медлил. Я вопросительно посмотрел на него.

— Она неважно выглядит, — сказал он виновато.

— Открывай.

Он подчинился.

В комнате было сумеречно. Слабый свет падал квадратной колонной из зарешеченного окошечка на потолке. Софи сидела на кровати, вжавшись в угол и обхватив колени руками. Лица не видно, лишь растрепанная копна медных волос. Я подошел и тронул ее за плечо. Она начала заваливаться. Я подхватил ее, усадил на кровати и повернул к свету лицом. Глаза полузакрыты, зрачки, как проколы.

— Чем накачали? — спросил я.

— Морфий. Но это в последний раз. Пугать ее бесполезно.

— Ну и сука же ты! Вот они — ваши многообещающие эксперименты.

Девчонка была настолько бледной, что веснушки на ее лице казались брызгами засохшей крови. Запекшиеся губы потрескались, под ногтями чернь, волосы в колтунах.

— Она должна обратиться, — угрюмо процедил Шоно, все еще топчась у входа и избегая смотреть на Софи. — Влад сделал тесты, с такими мутациями умирают в детстве. Псевдогены... блин, вся эта хрень, в которой я ни хера не петрю! — он зло скрипнул зубами. — Короче, она все еще жива только потому, что уже не человек. В ее организме критическая масса меди. Она не жилец, если только я не пойму, что ей, черт возьми, надо! Какая энергия?!

— С чего ты решил, что я смогу помочь? — Я схватил холодные ладони Софи и передал ей немного энергии. Она задышала глубже. На щеках проступили красные пятна.

— Да ее в больницу нужно! Посмотри! Софи, — позвал я. — Comment allez-tu, Софи? Как себя чувствуешь?

Она попыталась что-то сказать, а потом криво улыбнулась.

Я подхватил девчонку на руки.

— Шоно, мы сейчас же отвезем ее в больницу.

Он по-бараньи замотал головой.

— Сейчас же, Шоно!

Он скривился, будто я ударил его.

— Хорошо, — согласился Шоно и отпер дверь.

Я сделал шаг вперед, но ноги вдруг стали ватными и подкосились. Я чуть не уронил Софи.

Черт, похоже опять голодный!

Подскочил Шоно. Он бережно принял Софи и понес к машине, как бесценную фарфоровую вазу.

Как ты? (перевод с французского).

Мы отвезли Софи в больницу и сдали на руки докторам, сказав, что нашли ее в наркоманском притоне. Шоно остался со своей девушкой. Так он ее представил. Я не узнавал его. Попался мой непробиваемый друг. Подсел, как и я.

Шоно настоял, чтобы я забрал джип и отправился домой, но в каждую минуту был готов сорваться и уехать. Спорить не стал, тем более, что и сам торопился найти спокойное место. Хотел поскорее уснуть и снова увидеть Надю, снова попытаться узнать, чем могу помочь, чтобы вытащить ее из мрака. Ее мать ошибалась. Надя, или какая-то часть ее, самая важная, самая нужная мне часть, застряла в зазеркалье, запуталась в своих же собственных мыслях и чувствах, раздвоилась...

Я запарковал машину на улице у подъезда. Подошел к входной двери, дернул ручку. Заперто.

Черт бы побрал этого деда с первого этажа!

Из подземного гаража выезжала машина. Я прошмыгнул туда. С подвальной парковки прошел на лестницу и начал подниматься, мимоходом ощупывая карманы в поисках ключей. Я поднял голову и резко остановился. На лестничном пролете стояла она... Надя.

— Привет, — я поперхнулся, будто внезапно вдохнул песка.

Надя посмотрела вверх и кивнула:

— Это он.

Снизу послышался топот. С лестничной площадки кто-то крикнул по-чешски.

— Тимофей Невинный, это полиция. Вы арестованы.

К моим ногам упала черная тряпка.

— Возьмите мешок и наденьте на голову.

Я смотрел на Надю и до боли кусал губы. Неужели она ничего не чувствует? Расщепи меня хоть на тысячу частей, каждая из них будет вопить о любви к ней.

Я подобрал мешок, надел на голову.

Тут же сзади подскочил кто-то и застегнул на запястьях наручники.

.....

— Вы говорите по-чешски? — спросил голос из динамика.

Что-то мне это напоминает.

— Да, — я стянул мешок.

— Отлично. Меня зовут Томаш Войтишек. Я следователь чешской прокуратуры. В целях безопасности буду вести допрос из соседней комнаты.

Я сидел за столом с прикованными к столешнице руками.

— Считаете, я настолько опасен?

— Нам сообщили, вы обладаете даром гипноза и можете представлять серьезную опасность при визуальном и физическом контакте.

Интересно, что еще она им разболтала?

— Верите в такую чушь? — презрительно усмехнулся я.

— Представьтесь, пожалуйста.

И зачем спрашивают?

— А в чем, собственно, меня обвиняют?

— Для начала, в хранении наркотических веществ. При вас нашли кетамин и

дроперидол. У вас имеется рецепт на эти лекарственные препараты?

— Возможно.

— Во время обыска вашей квартиры также обнаружено двадцать грамм марихуаны и пять грамм кокаина.

Хм... а заначку-то не выкинул.

— А разрешение на обыск у вас было?

Мой вопрос проигнорировали.

— Сколько вам лет?

— Семнадцать.

Безопаснее оставаться несовершеннолетним.

— С кем живете?

— Один.

— Кто ваш опекун?

Понятия не имею.

— Я сам по себе.

— При вас не было документа, удостоверяющего личность. Вы гражданин Чехии?

— Да, посеял где-то обчанку, — ответил я.

Похоже, джип с моей личностью не связали. Иначе обязательно предъявили бы за пачку паспортов в бардачке.

— Слушайте, а мне не положен адвокат там... и все такое? — спросил я, обращаясь к зеркальному окну.

— Если вы откажетесь отвечать на вопросы, это будет занесено в протокол. Безусловно, мы предоставим адвоката.

— Вы знаете, есть одна мыслишка... — неожиданно для себя я принял решение. — Давайте не будем играть в нелепые игры. Я знаю, почему здесь. Будем считать, я сам позвонил на вашу горячую линию с той лишь разницей, что денежного вознаграждения не нужно. Я подскажу, где ее искать. Взамен требую полную амнистию по какому бы то ни было делу, что вы пытаетесь на меня повесить.

Динамики молчали.

— Вы и сами понимаете, что никогда не найдете книгу без наводки, — добавил я.

— Любая информация прежде должна быть проверена, — наконец подал голос следователь.

— Поторопитесь. Я знаю, где она была сегодня утром, но все может измениться в любую минуту.

— Против вас железный свидетель и, если думаете...

— Интересно, чего вы больше хотите, поймать вора, или найти пропажу и заказчика? Подумайте, сопоставьте бонусы.

Из динамиков послышалось сопение.

— Предлагаю следующее: — сказал я, — вы подписываете необходимые документы на имя Тимофея Невинного и отдаете адвокату, которого я выберу сам. Я звоню на горячую линию, сообщаю адрес и ничего больше. Если операция проходит удачно, и вы находите то, что искали, я немедленно, без каких-либо ваших бюрократических проволочек, выхожу на свободу. Вы забываете о моем существовании. А сейчас я бы хотел связаться со своим адвокатом.

— Наденьте мешок на голову, — приказали из динамиков.

Вот долболоб!

.....

Индивидуальная клетка. Холодная скамья. Я лег и закрыл глаза. Было о чем подумать, но мысли никак не хотели соскочить с орбиты моего персонального солнца. Не думать о Наде... С таким же успехом можно не думать об отрубленной руке. Как смириться, что ее половина или десятая, сотая, да хоть бы даже и тысячная часть ненавидит меня настолько, что сдала копам? За что? Ведь никогда не лгал ей. Я знал, Надя тайком следит за мной и все ждал, когда же она потребует объяснений. Но она предпочитала ошибочно додумывать и действовать против, даже не попытавшись спросить, почему я поступаю так или иначе.

В чем я обманул ее доверие?

Разве могла она предать меня, предать нас?

Твою мать! Эти гниды забрали колеса!

Я должен был уснуть, чтобы разобраться и найти выход для нас обоих. А если все-таки ее мать была права? Если место Нади занял...

— Невинный, мешок на голову, — прокричали из коридора.

Я встал.

— Вы меня за попугая тут держите? Иди знаешь куда!

— Тогда никаких тебе адвокатов.

Я нехотя поднял черную тряпку, нахлобучил на голову и подошел к решетке.

— У вас есть право на один телефонный звонок, — услышал я совсем рядом. — У тебя пять минут. Протяни руку, я передам сотовый.

Я просунул руку между прутьев и, как только почувствовал тычок в ладонь, ухватился выше и стряхнул с головы мешок.

— Стой и не двигайся, — приказал я.

Рука замерла.

— Открывай клетку!

— У меня нет ключей, — промямлил дежурный.

— Предусмотрительные суки! Где свидетельница? Надина Серова?

— Сегодня утром дала показания и, после успешной операции по поимке преступника, ей дали разрешение покинуть страну.

— Когда?! Когда она может уехать?

— Разрешение вступило в силу незамедлительно.

Сегодня!

— Чтоб вас всех! — Я пнул прутья, запястье полицейского выскользнуло из моих рук.

— Твою мать, сука, Аааа!

Полицейского и след простыл.

Мобильник остался валяться на полу. Я протянул ногу, зацепил телефон и подтолкнул к прутьям. Набрал Шоно.

— Шон, у меня пять минут. Я в полиции. Взяли прямо из дома.

— Где машина?

— Да при чем тут машина! На стоянке позади дома. Слушай, бро, это в последний раз обещаю. Ты мне нужен!

— Хм...

— Я предложил копам... пойти на сделку. Обещал рассказать, где искать кодекс. Взамен меня отпустят со всеми бумагами.

Шоно лишь спросил:

— Ну, и куда ехать?

— В полицейский участок на Праге 1. Копы подготовят бумаги и отдадут тебе, как моему адвокату. Если, типа, у них все получится, то обо мне забудут.

— Понял.

— Бро, нужно выйти сегодня же! — от отчаяния живот сводило. — Ей дали разрешение покинуть страну! Я больше никогда...

Соединение оборвалось. Я бросил трубку, обхватил себя руками и сложился пополам. Нужно успокоиться и сосредоточиться, иначе все пропало.

.....

Час спустя меня с мешком на голове, в наручниках и, на это раз, в перчатках, поволокли в допросную. За спиной щелкнул дверной замок.

— Козлы! — узнал я голос Шоно.

Он стянул с моей головы тряпку.

Я не смог сдержать улыбки.

— По крайней мере, от мешка куревом не пасет.

— Да ладно, дело прошлое, — Шоно скривил губы.

Он был в черном костюме и при галстукке, будто на похороны собрался.

— Тебе реально отдали документы? Совсем ты на адвоката не похож.

— А для кого я наряжался? — фыркнул Шоно и кивнул на папку на столе. — Посмотрел, все путем, без шуток.

— Пан Невинный, — услышал я голос из динамика, — изложите всю известную вам информацию о Вышеградском кодексе на бланке, который передаст ваш адвокат.

— Ага! — крикнул я. — Мне носом писать?

Дежурный так торопился сбегать меня, что забыл расстегнуть наручники. Следователь недовольно цыкнул. За дверью послышались голоса.

— Будем выбираться? — беззвучно спросил Шоно.

Я кивнул.

Шоно повернулся к столу, черкнул что-то в бланке, о котором говорил следователь, и взял папку с документами.

В допросную заглянул все тот же дежурный. Потом дверь поспешно захлопнулась, и из коридора заорали, чтобы я опять надел на голову мешок.

— Вот ушлёпки! — выругался Шоно.

Кто-то подошел сзади. Руки освободили.

.....

— Джип за углом. Погнали, пока копы не очухались! — мы выбежали из участка.

Под ногами поблескивал мокрый асфальт. Город давно провалился в ночь. Наш джип стоял припаркованным у тротуара. Я кинулся было к пассажирскому сидению, но Шоно окликнул:

— За руль садись! Я не поеду.

— Как? Ты сдурел?! Они сейчас примчатся за нами.

— Вот и покараулю, успеешь уехать подальше.

— Да ты че?! Нет, я без тебя...

— Вали, сказал! — Шоно ткнул мне в грудь папку с документами. — Сматывайся, и чтобы тебя больше не видел! Тимон, предупреждаю, я сегодня сытый. — Шоно распахнул

дверцу джипа и затолкал меня за руль. — Давай! Меня даже не заметят. Я вон там, в теньке постою.

Он сунул ключ в замок зажигания и повернул до упора. Мотор бодро зафыркал.

— Что ты написал в бланке? — спросил я.

— Адрес. Обманывать нехорошо, а копов так и подавно. Они, суки, злопамятные.

— Спасибо!

Откуда-то я знал, что сам никогда бы на это не решился.

— Давай, Тимон! Не тормози! И это... сумку не потеряй, — Шоно захлопнул дверцу.

Я вдавил педаль и сорвался с места. В боковом зеркале мелькнула высокая фигура и тут же пропала.

Удостоверение личности (перевод с чешского).

Куда еду? Почему вдруг решил, что она непременно захочет лететь утренним рейсом? Никакого здравого смысла в моей догадке не было, а интуиция подводила так часто, что резоннее было бы поступить наоборот.

Мое зеркальце, окно к Наде, стояло на приборной панели. Так почему-то спокойнее. Каждый раз, когда начинал сомневаться, бросал взгляд на зеркало и внутри все успокаивалось. Я все делаю правильно.

Чтобы как-то снять напряжение, я нес всякую чушь.

— А все-таки Шоно был прав насчет меня. Никогда я не изменюсь. Всегда хотел быть человеком, мечтал о каких-то банальных вещах, но, в конце концов, привык к одиночеству, научился быть тем, кто есть, врос в свою шкуру. Знаю, что должен отпустить тебя. Таким, как я, нечего дать. Обещаю исчезнуть, как только удостоверюсь, что ты в порядке. Хотя иногда кажется, вечно буду бегать за тобой, искать, спасать от чего-то...

Когда я подъезжал к аэропорту, солнце уже пустило в небо алые щупальца и высасывало с горизонта синеву. Рассекая облака красным хвостом, ввысь карабкался самолет «Чешских авиалиний».

Я оставил машину на парковке и, прихватив лишь пачку паспортов, зашагал к терминалу.

В пятом часу утра в ангаре вылетов Рузинепустынно. Пропустить Надю невозможно. Больше половины стоек закрыты, на остальных вяло идет регистрация на первые утренние рейсы.

Я подошел к девушке, клюющей носом за стойкой.

— Dobré ráno! — обратился я к ней.

— Регистрация начнется через полчаса, — сказала служащая голосом зомби. — Мне нужно подготовить систему, — зачем-то отчиталась она. Пальцы механически тюкнули по клавишам. Девушка застыла, уставившись в монитор.

— Пани, послушайте, такая проблема...

Девушка, кажется, спала с открытыми глазами.

— Эй! — позвал я.

Она вздрогнула и чмокнула губами.

— Гнать людей на работу после корпоратива — издевательство, — проворчала она. — Я что, крайняя?

Ее шейный платок растрепался и съехал в сторону, прическа расползлась, а подводка глаз размазалась, оставив длинную полосу на скуле.

Придется лезть на стойку, как на баррикаду, чтобы дотянуться до нее.

— Тут такое дело, поссорился с подружкой, — я решил попробовать достучаться до служащей без внушений. — Она убежала, пригрозив, что улетит утренним рейсом, а куда забыл.

Глупее истории нарочно не придумаешь.

— Вы, это... не могли бы посмотреть в системе, куда и во сколько она летит? Зовут Надина Серова.

— Я не имею права давать справки о пассажирах. База данных системы бронирования только для внутреннего пользования, — протокольно проямлила служащая.

— Девушка, у вас это... тушь по всей щеке.

— Да что вы? — Непослушные пальцы полезли в карман за платком.

— Не-не, только не трогайте! Давайте помогу, — предложил я.

Служащая кокетливо наклонила голову.

— Ну, хорошо, — она придвинулась и протянула измятый платок. Я накрыл ее руку ладонью.

— Посмотрите, куда летит Надина Серова, — приказал я.

Проверка системы заняла несколько минут, а потом девушка сообщила:

— Она вылетает в Москву. Посадка закончится через 15 минут.

Я погнал к паспортному контролю.

— Вы опоздали! — прокричала вслед служащая.

.....

Меньше минуты, и я на месте. У паспортного контроля небольшая очередь. Работали всего два окошка. Игнорируя недовольные возгласы, я направился прямо к стойке. Женщина с ребенком на руках уже протягивала паспорта пограничнику, но я подвинул ее, сказав первое, что пришло в голову:

— В самолете бомба.

Дамочка округлила глаза, вцепилась в младенца и попятилась.

Да, именно это и надо!

Пограничника я обработал по всем правилам. Внушил срочно объявить тревогу и заняться эвакуацией пассажиров.

Оказавшись в нейтральной зоне, первым делом бросился к информационным мониторам искать Московский рейс.

Гейт А8. Да это в самом конце!

Я помчался к нужному выходу.

Пограничник сработал быстро. Не прошло и пяти минут, как раздалось объявление:

«Уважаемые пассажиры и технический персонал! Просьба немедленно и без паники покинуть здание аэропорта.»

Слова «без паники» были восприняты с точностью до наоборот. Я лавировал между несущимися пассажирами с чемоданами, сумками, детьми, колясками... Откуда-то сбежалась целая толпа, все торопились к выходам. Пришлось прорываться против течения.

А вдруг она уже в самолете на взлетной полосе?

Желтые таблички А2...А4... А8!

В зале ожидания возле выхода А8 пусто, но в окне за длинным рукавом телескопического трапа виден хвост самолета. Я рванул к выходу на посадку, но стеклянная дверь оказалась запертой. Я огляделся. Ряды кресел, их и с места не сдвинешь. Метнулся к информационной стойке. За ней нашелся невысокий табурет на колесиках. Я схватил табурет и швырнул в стекло, но тот отлетел, оставив лишь пару царапин. Поднял стул и нанес еще несколько ударов. Стекло пошло мелкими трещинами, но не поддавалось.

В коридоре по другую сторону стекла показалась испуганная женщина в комбинезоне с рацией в руках.

— Открывайте! — заорал я. — В самолете бомба. Уходите!

Женщина прижала ладонь ко рту и убежала.

Да чтоб тебя!

Я размахнулся табуретом еще раз садануть по стеклянной двери, но опять увидел

женщину, а с ней пилота.

— Что происходит? — спросил тот с волнением в голосе. — Нам велено оставаться в самолете до дальнейших распоряжений.

— В вашем самолете бомба!

— Откуда такая информация?

Я ударил кулаком по стеклу и завопил:

— Убирайтесь оттуда! Сейчас все разнесет на куски!

— Я должен еще раз связаться с руководством, — неуверенно отозвался пилот.

— Время! Время! Пять минут!

Пилот умчался. Женщина с ракетой тоже. Вдруг замок на стеклянной двери щелкнул.

Я ворвался в коридор и устремился к самолету, но на полдороги меня сбил мужик с чемоданом. Не успел подняться, другие люди хлынули в коридор и затопили проход, оттеснив меня к стене. Я вглядывался в лица, но ее не видел. Протиснувшись сквозь толпу, я ворвался в самолет.

Ко мне подскочила стюардесса, схватила за руку и, повизгивая что-то, потащила наружу.

— Да отстань ты! — я оттолкнул ее и зашагал по проходу, распихивая оставшийся народ.

Она сидела в середине салона у иллюминатора и на выход, кажется, не собиралась. Лицо Нади ничего не выражало, ни страха, ни беспокойства. Будто царившая вокруг суета ее никак не касается.

Надя увидела меня и изменилась в лице. Она вскочила и, неуклюже протискиваясь между сидениями, побежала в хвостовую часть. Я догнал ее, схватил за руку.

— Стой! — приказал я.

Она двинула мне каблук по колену. Я взвыл от боли и отпустил ее руку. Надя скрылась за дверью кабинки туалета. Щелкнул замок.

— Выходи! — зарычал я и попытался высадить дверь ногой, но в колене хрустнуло, и я осел на пол.

— Убирайся! Ты мне не нужен! Ненавижу тебя! — послышалось из-за двери.

— Ты не Надя! Кто ты?

— Если не отстанешь, уйду в отражение прямо сейчас! Стартовое зеркало обнулится, и это тело станет моим навсегда.

Нет, только не это! Я снова кинулся на дверь.

— Ты этого не сделаешь!

— Сделаю, еще как сделаю! Убирайся!

— Нет! — вопил я.

— Убирайся! — опять прошипели из-за двери.

Она все еще там... Почему не выполнит угрозу?

— Ты ведь не знаешь наверняка, что будет, — бросил я и, кажется, попал в цель. — Это не твое тело! Тебя давно нет! Твоя душа истлела. Этот мир для тебя чужой. Зачем ты вернулся?

За дверью молчали, но я чувствовал, существо все еще там. Дышит, мечется...

— Чтобы жить! — заорала вдруг не моя Надя.

— Ты не будешь жить! Ты пустой, и души в тебе нет. Ты никого не любишь, и тебя уже давно никто не любит и не ждет. Зачем тебе такая жизнь?

— Я устал! — существо село на пол. Я услышал, как оно привалилось спиной к двери.

— Ты прав, жить я не могу. Но я хочу умереть... Устал, устал, устал! — оно с силой ударило в дверь изнутри. — Я хочу лежать рядом с родителями.

Я обливался холодным потом, не зная, что сказать.

— Подумай, на что ты обрекаешь Надю. Ведь она застрянет там вместо тебя... Ей всего семнадцать.

— А мне было двадцать четыре.

— Она твоя племянница. Есть в тебе хоть капля человеческого? А Настя, твоя сестра? Да она с ума сойдет! Я с ума сойду!

Что еще сказать?

— Отдай ее мне, — прошептал я в щель двери.

— Зачем? Не я, так ты ее погубишь.

— Обещаю, клянусь тебе Надиной жизнью, я уйду... навсегда уйду! Только дай ей вернуться.

Задвижка в двери щелкнула.

«Пражский аэропорт Рузине» до 2012 года, теперь «Пражский аэропорт имени Вацлава Гавела»

Доброе утро! (перевод с чешского)

Эпилог

Впереди черная полоса автострады. Редкие встречные огни. На спидометре сто восемьдесят. Больше не выжать, а жаль.

Я порылся в кармане. Дермантиновый футляр скользнул в руку.

Ну что, приятель, пора расставаться.

Я приоткрыл окно. Ветер со свистом бросился ворошить волосы.

Я вынул зеркало, просунул в щель окна и разжал пальцы. Стекло прощально брякнуло о дверцу джипа.

Воображаемый Шоно заплотировал.

Я закрыл окно. Крутанул ручку магнитолы. Забубнило радио.

— Но jо! Вообще не верил, что у них получится!

— А я всегда верил в наших бравых офицеров. И вера эта принесла 100 евро, что ты мне проспо-орил!

— Ну что ж, дорогие друзья, сейчас, в прямом эфире...

— Кое-кто лишится сотни евро!

— Эх. Что-то мне не радостно...

— А не надо было спорить!

Клоуны!

Я вырубил магнитолу.

— Том Шнайдер?

— Да.

— Давненько вас дома не было, — сказал пограничник, разглядывая мой паспорт.

— Точно.

— Чехи шумные какие-то сегодня, — он мотнул головой в сторону поста в чешской погранзоне. — Не в курсе, че у них за праздник?

— Книгу нашли, — ответил я без энтузиазма.

— Ту самую?

Я кивнул.

— А... — он отмахнулся. — Добро пожаловать. Проезжайте.

Я забрал документы и, миновав австрийский пост, свернул к заправке. Припарковался с краю, где потемнее. Разложил переднее сидение, лег и закрыл глаза. Сон не шел ни в какую.

Где ж вы, мои пилюльки?

Первое, что она спросила, вернувшись: «А где Тим?» Родной голос, родная моя девочка... Я ушел сразу, как почувствовал, что Надя — это Надя.

Душная звездная ночь. Я открыл дверь джипа. Не помогло. Сходил на заправку, купил упаковку пива. Банка звучно крякнула, перебивая звуки с автострады. Пиво неприятно обожгло глотку.

Гадость! Уже и пиво не катит.

Я вернулся к машине и сгрузил банки в багажник. В темноте флюорисцировала надпись «adidas». Шоно просил не потерять сумку.

Я потянул за молнию...

.....

«Тимофей,

Узнал сумку? Здесь все, что тебе причитается. Остальное, уж извини, пригодится самому. Но вам с Надей хватит на первое время.

В коробке ампулы и инструкция к применению. Советую выкинуть прямо сейчас! Выкинь, брат, и оставайся собой!

Знаю, что не выкинешь. Очень надеюсь, это тебя не прикончит. Влад клялся, что однажды сработало. В любом случае, она стоит риска...

Ампул хватит на три года. А потом, возможно, и не понадобятся. Влад заливал про РНК-интерференцию... Прикинь, запомнил! Ну, суть в том, что выключить гень действительно проще, чем включить.

Короче, брат, ты давай там, держись!

До встречи!

Шоно»

Приписка карандашом:

«З.Б. Софи — это энергия самой жизни. Она — ангел смерти.»

Ну да! (перевод с чешского)

Больше книг на сайте - Knigolub.net